

СТРАНЫ
ВЪКА-И
НАРОДЫ

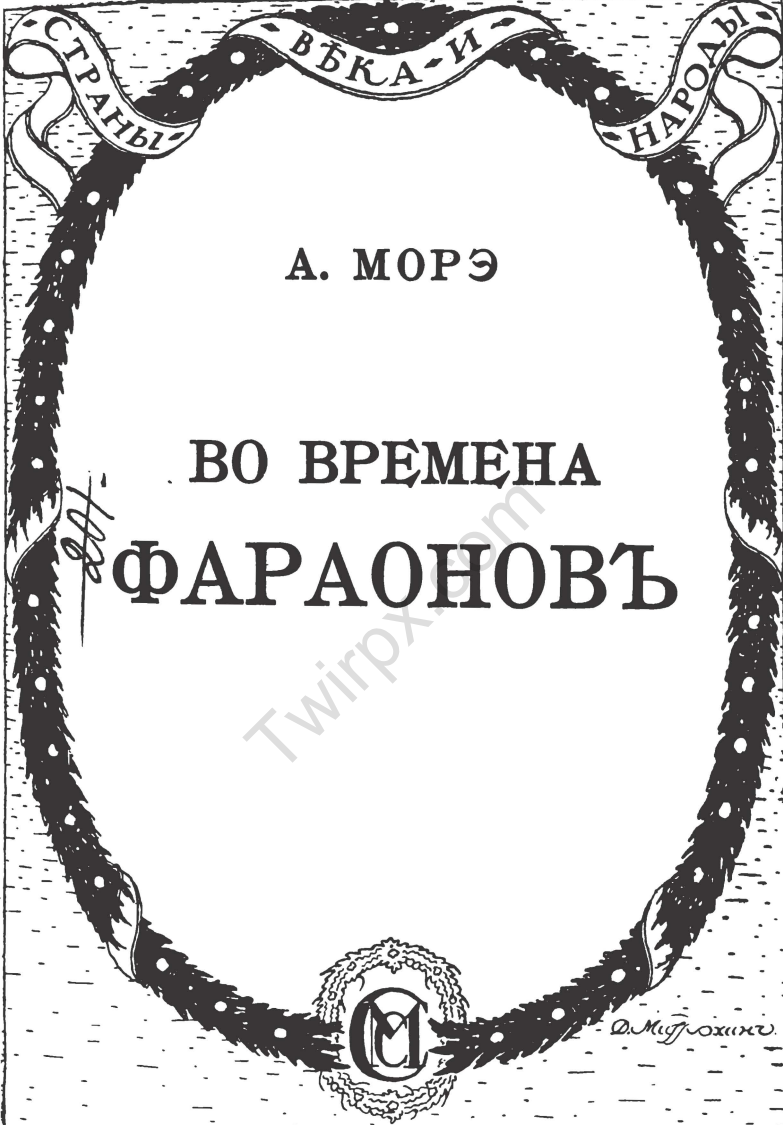
А. МОРЭ

ВО ВРЕМЕНА
ФАРАОНОВЪ

А. Морэ

МОСКВА —
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

А. МОРЭ

ВО ВРЕМЕНА
ФАРАОНОВЪ

Д. М. Жуковичъ

МОСКВА —
К-во М. и С. САВАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

Реставрація Египетскихъ храмовъ.

Къ началу нашего XX вѣка многія изъ „вѣчныхъ жилищъ“ древняго Египта рухнули окончательно. Они держались такъ долго, что ихъ привыкли считать несокрушимыми. Надписи именуютъ ихъ „храмами милліоновъ лѣтъ, сооруженными навсегда и навѣки“. Казалось, эти предсказанія вѣчности переживутъ и забытые догматы, и упраздненные обряды, благодаря волшебной силѣ, которой нѣкогда ихъ считали одаренными.

Между тѣмъ, древнѣйшія изъ этихъ святилищъ сильно пострадали. Чтó осталось отъ пышнаго сооруженія, съ центральнымъ обелискомъ, воздвигнутаго Узирнири V династіи во славу Солнца, или отъ пирамидальнаго храма, построеннаго однимъ изъ Монтухотпу XI династіи¹⁾. Биссингъ и Навиль, расчис-

¹⁾ V династія, приблизительно 3800 лѣтъ до нашей эры; XI династія около 2500 года.

тивъ ихъ, нашли однѣ обнаженныя террасы, разрозненные барельефы, обваливающіяся колонны. Въ Карнакѣ, государственномъ святищѣ, гдѣ, начиная съ вождей первобытныхъ клановъ вплоть до Римскихъ цезарей, каждый Фараонъ сооружалъ храмъ или часовню, опытный глазъ могъ различить, неподалеку отъ пилоновъ Тутмеса, чудесные обломки украшенныхъ скульптурою камней, еще наполовину засыпанные землей: это были остатки исчезнувшихъ чертоговъ, построенныхъ Узиртасенами и Аменофисами. Но эти развалины ничего не говорили.

Взглядъ отдыхаетъ на сооруженіяхъ Рамзесовъ и Бубастидовъ. Тамъ, несмотря на груды развалинъ, общій планъ Египетскаго храма все еще четко выступаетъ изъ всей сложности постройки.

Аллея изъ сфинксовъ ведетъ къ высокимъ воротамъ, съ двумя пилонами по сторонамъ, похожими на башни нашихъ соборовъ. Передъ воротами высятся два обелиска; стоящіе и сидящіе колоссы оберегаютъ входъ. Мы переступаемъ порогъ: прежде всего, обширный дворъ, окруженный галлереями съ колоннами или каріатидами; посрединѣ жертвенникъ, гдѣ горятъ приношенія. Покатый подъемъ отлого ведетъ въ залу, называемую „гипостиль“: могучія колонны въ нѣсколько рядовъ

КАРНАКЪ.

Гипостиль. Наклонившаяся колонна.

Табл. I.

КАРНАКЪ.

1. Обрушившіеся пилоны.

2. Западная сторона гипостиля въ 1904 г.

поддерживаютъ потолокъ изъ огромныхъ плитъ на высотѣ двадцати метровъ надъ головой. Сюда былъ открытъ доступъ толпѣ вѣрующихъ—въ Новый годъ, въ праздникъ временъ года и другіе праздничные дни божественнаго и царскаго культа, здѣсь они любовались шествіемъ боговъ и царей. Послѣ раскаленного солнцемъ и залитаго ослѣпительнымъ свѣтомъ двора, здѣсь можно было насладиться прохладой и полумракомъ высокихъ крытыхъ помѣщеній. Дальше не дерзалъ ступить никто, если, по рожденію или посвященію, не принадлежалъ къ божественному роду; верховные жрецы и цари одни лишь проникали въ святилище, центральный покой, тѣсный и массивный, гдѣ входная дверь была единственнымъ отверстіемъ. Тамъ, за этой дверью, съ печатями и засовами, въ полномъ мракѣ покоилась, въ глубинѣ гранитнаго ковчега или корабля, статуя бога: въ часы жертвоприношеній его пробуждали священные обряды.

Ни одинъ изъ храмовъ второго періода не даетъ такой цѣльной общей картины, но въ каждомъ храмѣ хорошо сохранились отдѣльныя части. Отъ Гурнаха, этого чуда Египетскаго искусства, остался одинъ полуразрушенный гипостиль, да нѣсколько богослужебныхъ комнатъ; въ Абидосѣ, относящемся къ тому же времени, мы находимъ гипостиль и

семь святилищъ изъ бѣлаго, очень мелко-зернистаго известняка, покрытаго тончайшими рельефами; въ Храмъ Рамзеса, единственномъ по благородной соразмѣрности его частей и великолѣпной мѣдной окиси, покрывающей красный известнякъ его, остались только половина пилоновъ, обломки портиковъ и величественный гипостиль съ уцѣлѣвшимъ потолкомъ. Въ Луксорѣ не хватаетъ одного обелиска ¹⁾; колоссы разбились въ дребезги; изъ двухъ его дворовъ, первый, съ красивыми портиками, которые украшены каріатидами, погребенъ подъ обломками, и надъ нимъ господствуетъ неприкосновенная мечеть; во второмъ дворѣ съ рядами изящныхъ колоннадъ Тутмеса III, стѣны частью разрушены. Нѣсколько храмовъ, болѣе или менѣе цѣльныхъ, меньшихъ размѣровъ, сохранилось въ Карнакѣ: это храмы Хонсу и Рамзеса III; за то въ большомъ храмѣ Аммона, за исключеніемъ двора, гдѣ изъ десяти гигантскихъ колоннъ лишь одна единственная все еще возносить къ небу свой цвѣтокъ лотоса, и колоссальнаго гипостиля безъ потолка — всюду падающія развалины пилоновъ, распавшихся стѣнъ, рухнувшихъ потолковъ, неистребимый хаосъ, надъ кото-

¹⁾ Этотъ обелискъ украшаетъ Площадь Согласія въ Парижѣ. Второй, также подаренный Франціи, остался доселѣ не вытребованнымъ.

рымъ царить „каменныхъ иглъ безмѣрный порывъ“ ¹⁾. Единственные храмы этой эпохи, больше другихъ пощаженные временемъ и сохраненные людьми, это тѣ, которые были высѣчены въ скалѣ: въ Дэйръ-эль-Бахари подземныя части остались нетронутыми, какъ и большой спэосъ Абусимбеля; лучи восходящаго солнца проникають до самой его глубины, и входъ въ него стерегутъ четыре колосса, высѣченные прямо въ скалѣ.

Тѣмъ не менѣе, въ Египтѣ существуютъ храмы, почти цѣльные, а именно, отстроенные Птолемеями и Цезарями въ Эдфу, Филѣ, Дендерѣ. На тысячу лѣтъ моложе, заботливо охраняемые до IV вѣка нашей эры, они лучше другихъ устояли передъ дѣйствіемъ разрушительныхъ вліяній. Сравнивая ихъ съ храмами предыдущихъ эпохъ, мы находимъ больше опредѣленности и единства въ ихъ планѣ; быть можетъ, гармоничность и чувство мѣры въ Эллинскомъ искусствѣ оказали свое вліяніе на послѣднихъ Египетскихъ зодчихъ. Радоваться этому, однако, нельзя. Самые большіе изъ Птолемеевскихъ храмовъ уже не производятъ впечатлѣнія того героическаго величія, которымъ вѣетъ отъ Карнака или Храма Рамзеса: ихъ профиль сухъ и жестокъ, ихъ

¹⁾ Хозэ-Марія де Эредіа.

линіи кажутся урѣзанными даже тогда, когда онѣ несоразмѣрно велики. Украшенія ихъ не столько богаты, сколько обильны; рельефы являются чѣмъ-то среднимъ между реалистической лѣпкой Эллинскаго искусства и гіэратической сдержанностью стариннаго народнаго стиля, отсюда эти удручающія, однообразныя фигуры, которыя производятъ такое тягостное впечатлѣніе при посѣщеніи Эсне и Дендеры. Оставляя въ сторонѣ эти критическія замѣчанія, мы можемъ только любоваться красивой стройностью храма въ Эдфу, прекрасными разцвѣтными колоннами Филэ, съ ихъ разнообразными капителями изящной, еще свѣжей раскраски, гипостилемъ Дендеры, гдѣ въ полусумракѣ, подъ тяжелыми плитами потолка, съ верхушки каждой колонны улыбается жуткій ликъ богини съ длинными глазами, съ острыми ушами, увѣнчанный капителью въ видѣ систра. Но главный интересъ этихъ памятниковъ заключается для насъ въ ихъ неповрежденности. Какъ было сказано кѣмъ-то, собраніе жрецовъ Гора въ Эдфу могло бы въ нѣсколько часовъ возстановить богослуженіе въ храмѣ. Недостають лишь священной утвари, статуй боговъ да жертвоприношеній; все остальное на лицо—ритуальные тексты и картины, календарь праздничныхъ дней, каталогъ священныхъ книгъ...

Въ итогѣ, отъ храмовъ, предшествующихъ XVIII династіи, не осталось почти ничего, кромѣ обломковъ и подземелій, цѣнныхъ для однихъ археологовъ; зданія послѣдующаго періода дошли до насъ разрушенными болѣе чѣмъ наполовину, и только храмы позднѣйшей постройки все еще словно бросаютъ вызовъ вѣкамъ.

Не бесполезно подчеркнуть эти различія, ибо установилось ходячее мнѣніе, почти обычное даже для тѣхъ, кто посѣтилъ Египетъ, что храмы Фараоновъ вообще не подвержены дѣйствию времени; кажется, будто въ этихъ древнихъ развалинахъ такъ давно угасла всякая жизнь, что изсякли даже и самыя силы разрушенія: подобныя муміямъ, разсѣченныя тѣла храмовъ лежатъ на землѣ въ состояніи чудесной и безконечной сохранности. Впечатлѣніе весьма ошибочное. Отъ этихъ изсохшихъ камней жизнь не отлетѣла: постепенное разрушеніе и превращеніе продолжаетъ свое дѣло и, за послѣднее время, проявило себя такими катастрофами, которыя были бы не поправимы, если бы не бдительность Попечительства о Древностяхъ.

* * *

Изъ причинъ разрушенія однѣ случайны и преходящи, другія существенны и постоянны. Для ихъ устраненія, Попечительству о Древно-

стяхъ пришлось прибѣгать то къ частичнымъ мѣрамъ охраны, то къ полной реставраціи.

Къ числу причинъ преходящихъ слѣдуетъ отнести, прежде всего, недостатокъ подновленія всѣхъ храмовъ, по крайней мѣрѣ, за 1500 лѣтъ. Къ концу IV вѣка эдиктъ Θεодосія I воспретилъ всѣ культы, кромѣ христіанскаго: храмы Фараоновъ, въ значительномъ количествѣ уже приходившіе въ упадокъ, были предоставлены разрушительнымъ вліяніямъ времени и рукъ человѣческихъ. Между тѣмъ, легко себѣ представить, какого бдительнаго попеченія и подновленія требовали такіа значительныя и многочисленныя сооруженія. Архивы храмовъ показываютъ, что новыя святилища эпохи Птолмеевъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, существовали уже во времена Мемфисскихъ и Тинитскихъ Фараоновъ, за четыре тысячи лѣтъ до того. Отсюда, непрестанныя перестройки.

Такъ, напр., въ Дендерѣ Тутмесь III, XVIII династіи, возстановилъ памятникъ по старымъ планамъ, относящимся къ царствованію Хеопса и уже послужившимъ царю Пепи I, VI династіи ¹⁾; если вѣрить преданію, найденному Шаба въ Берлинскомъ папирусь, храмъ въ Дендерѣ существовалъ задолго до основателя великой

¹⁾ Dümichen, Baukunde, табл. XVI.

пирамиды, еще во времена царя Усафаиса I династии ¹⁾. Эти свидѣтельства отчасти подтверждаются барельефомъ, найденнымъ въ одномъ изъ подземныхъ склеповъ храма съ изображеніемъ статуи царя Пепи I, которому поклоняются, какъ одному изъ основателей святилища ²⁾. Вспомнимъ теперь, что нынѣшній храмъ былъ перестроенъ въ I столѣтіи до Р. Х., и представимъ себѣ, сколько послѣдовательныхъ усилій было затрачено въ одномъ этомъ мѣстѣ на протяженіи четырехъ или пяти тысячелѣтій для сохраненія святилищъ.

Не удивительно, что поддержаніе храмовъ было одной изъ постоянныхъ заботъ Фараоновъ тѣхъ эпохъ и одной изъ причинъ вынужденной щедрости и полезныхъ подарковъ, которыми они осыпали касту, чьему попеченію ввѣрено было благоустройство зданій. Иногда обычныхъ доходовъ оказывалось недостаточно; послѣ большихъ нашествій Пастуховъ, Ассиріянъ, Персовъ и т. п., когда храмы предавались разграбленію или бывали запущены, приходилось отстраивать ихъ заново или производить сверхсмѣтные работы. Царь бралъ это лично на себя, будь то Фараонъ,

¹⁾ Chabas, Sur l'antiquité de Denderah (Zeitschrift für ägyptische Sprache, 1865, стр. 92).

²⁾ Mariette, Denderah, III, табл. 71—72.

Птоломей, или Цезарь; на немъ, сынѣ боговъ, лежала забота о содержаніи семейнаго очага и жилища своихъ отцовъ. Вотъ одно изъ сотенъ хвалебныхъ повѣствованій, которыя вырѣзывались на плитѣ, помѣщенной на видномъ мѣстѣ послѣ подобнаго рода обновительныхъ работъ. Здѣсь рѣчь идетъ о Тутмесѣ III и храмѣ Фта въ Карнакѣ.

„Мое Величество повелѣлъ соорудить этотъ храмъ Фта въ Оивахъ. Понеже мое Величество храмъ этотъ, построенный изъ кирпича, съ колоннами и деревянными воротами, застало въ состояніи, близкомъ къ разрушенію, мое Величество повелѣло заново произвести измѣненіе по шнуру (дабы обозначить границы) этого храма, возстановивъ его изъ хорошаго бѣлаго камня, весьма прочнаго, а окружную стѣну изъ кирпича, выдѣлки весьма прочной, вѣчной; потомъ, когда мое Величество водружило въ немъ ворота изъ дерева молодой акаціи изъ страны Ступеней, съ петлями изъ Азіатской мѣди, и когда храмъ Фта возникъ заново во имя моего Величества... я украсилъ святилище его сплавомъ золота и серебра изъ разныхъ странъ, и всѣ священные сосуды были изъ золота, изъ серебра, и всякаго рода драгоценныхъ камней, а бѣлье изъ тонкаго бѣлаго полотна. Когда мое Величество водворило бога на его мѣсто, я наполнилъ храмъ его всякаго рода

добромъ хорошаго качества, быками, гусями, ладаномъ, виномъ, всякими припасами, всѣми ежегодными плодами земли...”

И каково бы ни было реальное значеніе реставраціи—неизбѣжное заключеніе: „Ничего подобнаго не было еще совершено для бога до временъ моего Величества“ ¹⁾).

Если бы по исчезновеніи Фараоновъ и жрецовъ, храмы были предоставлены самимъ себѣ, они восторжествовали бы надъ вѣками, благодаря прочности матеріала и превосходному климату, но люди недостаточно забросили ихъ. Языческихъ жрецовъ смѣнили христіанскіе монахи; съ благочестивымъ варварствомъ они преслѣдовали ложныхъ боговъ вплоть до ихъ убѣжищъ, разбивая статуи, искажая барельефы, раздробляя надписи. Въ Дендерѣ они закоптили потолки залъ дымомъ своихъ бивуаковъ; въ Луксорѣ превратили преддверіе святилища въ церковь; до сихъ поръ штукатурка, которой они замазали сцены Египетскаго ритуала, оскверняетъ стѣны, скрывая рельефы Аменофиса III. Въ другихъ мѣстахъ они понаписали крупными буквами отрывки изъ св. отцовъ, постановленія соборовъ, цѣлыя проповѣди на Коптскомъ языкѣ

¹⁾ G. Maspero. *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*, 1899

Отъ смѣны повелителя и религіи, при переходѣ Египта къ исламу Арабовъ, а затѣмъ— Турокъ, памятники Фараоновъ не выиграли ничего. Поколѣнія иконоборцевъ набросились прежде всего на статуи и рельефы и довершили гнусное дѣло христіанъ: тогда-то былъ изуродованъ Сфинксъ, несмотря на восхищеніе имъ такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Абделлатифъ. Потомъ, особенно въ Дельтѣ, храмы превратились въ каменоломни: изъ обломковъ известняка, покрытыхъ лѣпной работой, выдѣлывали известъ; гранитныя части служили избраннымъ матеріаломъ для водоемовъ въ фонтанахъ, для пороговъ у мечетей, для дворцовыхъ стѣнъ. Чтобы изучать остатки памятниковъ Мемфиса или Геліополиса, теперь нужно обходить, какъ это дѣлалъ Даресси ¹⁾, улицы Каира, выискивая куски плитъ, обломки рельефовъ, тамъ и сямъ теряющіеся среди лѣпныхъ работъ мечетей или мусульманскихъ дворцовъ. Это систематическое разрушеніе длилось до нашихъ дней: храмъ Эрмента, послѣднее воспоминаніе о старѣйшемъ Оиванскомъ святилищѣ, существовалъ еще въ началѣ XIX вѣка; онъ послужилъ каменоломней для строителей сахарныхъ заводовъ, насажденныхъ въ странѣ

¹⁾ Annales du Service des Antiquités, IV, стр. 101; см. II, стр. 95.

Европейской цивилизаціей; отъ храма остались теперь одни безформенные обломки.

Иногда простое соприкосновеніе современной жизни ускоряетъ разрушеніе храмовъ. Во многихъ мѣстностяхъ они очутились въ самыхъ нѣдрахъ частныхъ домовъ, на подобіе нашихъ соборовъ, сжатыхъ въ средніе вѣка среди кучи квартиръ и лавчонокъ. Съ теченіемъ вѣковъ эти дома, построенные изъ кирпича и земли, разрушались и отстраивались несчетное число разъ; но, при каждой новой постройкѣ, никто не давалъ себѣ труда снести стѣну до самаго основанія. „Равняли поверхность развалинъ и строили на нѣсколько футовъ выше, чѣмъ раньше, такъ что каждый городъ лежитъ на одномъ или нѣсколькихъ искусственныхъ холмахъ, верхушки которыхъ нерѣдко поднимаются на двадцать-тридцать футовъ надъ окружающей мѣстностью“¹⁾. Такъ-то бѣлая часть храмовъ Верхняго Египта, несмотря на вышину своихъ стѣнъ, была заживо погребена подъ обломками мертвыхъ городовъ или постройками живыхъ селеній. Въ Дендерѣ подъ кровлей малаго храма до сихъ поръ еще громоздятся груды развалинъ; чтобы проникнуть въ гипостиль боль-

¹⁾ G. Maspero. Premier rapport sur les fouilles exécutées en Egypte de 1881—1885 (Bibliothèque Égyptologique, т. I, стр. 188.)

шого храма, пришлось въ такой горѣ мусора прорыть глубокой ровъ ¹⁾. Потолокъ гипостилиа въ Эсне, лежащій на колоннахъ въ двадцать метровъ высоты, находится въ настоящее время на уровнѣ почвы, образовавшейся изъ пластовъ ~~плотныхъ~~ плѣдовательныхъ наслоеній; до первоначальнаго уровня земли приходится спускаться, какъ въ погребъ, по очень крутой лѣстницѣ; слѣдующее за гипостилемъ святилище погребено подъ современными домами. Чтобы раскопать Эдфу, „освободить его отъ его обитателей и очистить его во имя науки“, Маріэтту понадобились мѣсяцы утомительнаго, нескончаемаго труда, а ниже мы увидимъ, чего стоила Масперо расчистка Луксорскаго храма, надъ которымъ возникъ цѣлый городокъ.

Подобное сосѣдство въ высшей степени гибельно для античныхъ зданій. Послѣднія не только служатъ каменоломнями для постройки домовъ, балки которыхъ пробиваютъ рельефы, смолистая копоть очаговъ покрываетъ потолки, полы загрязняются отбросами и изверженіями людей и животныхъ. Мало-по-малу наслоенія старыхъ кирпичей и позднѣйшихъ развалинъ, на которыхъ скопляются навозныя кучи и нечистоты, превращаются въ почву, богатую се-

1) Со времени моего послѣдняго посѣщенія Дендеры (1906) произведены усиленные работы и расчищенъ фасадъ храма.

литрой и содой, которую туземцы называютъ сѣбахъ; повсюду, гдѣ селитра соприкасается съ камнемъ древнихъ построекъ, она разѣдаетъ известнякъ, разлагаетъ гранить, искрашиваетъ песчаникъ. Такимъ образомъ, даже безучастная близость человѣка пагубна для покинутыхъ храмовъ.

Сама египтологія въ своемъ началѣ приносила памятникамъ много вреда. Когда крупныя научныя экспедиціи, сначала ученыхъ, явившихся съ Бонапартомъ, а потомъ снаряженныя Шамполліономъ, Розеллини, Лепсіусомъ, открыли мѣста некрополей и указали на выдающіеся образцы, любители и торговцы древностями набросились на храмы и могилы, научили грабежу Коптовъ и Арабовъ, и собрали тѣ причудливыя коллекціи, которыя легли въ основу нашихъ египтологическихъ музеевъ Парижа, Лондона, Берлина, Флоренціи и Турина. Даже самъ Маріэттъ, основатель Попечительства о Древностяхъ, началъ съ расхищенія Египта, перевозя въ Парижъ цѣлыми тысячами найденные въ Серапеумѣ памятники. Но въ немъ созрѣла мысль положить конецъ постыдному разбою, ставшему бичемъ Древняго Египта. „На моихъ глазахъ,—говоритъ онъ,—въ теченіе четырехъ лѣтъ съ равнины Абусира и Сахары исчезло 700 могилъ“. Вторично отправленный въ Каиръ, въ

1857 году, съ порученіемъ изслѣдовать мѣстность Верхняго Египта, подъ предлогомъ составленія путеводителя для принца Наполеона, Маріэттъ добился отъ хедива Саида-Паши слѣдующей инструкціи: „Вы должны слѣдить за сохранностью памятниковъ; вы скажете мудирамъ (губернаторамъ) всѣхъ провинцій, что я запрещаю касаться какого-бы то ни было древняго камня; вы отправите въ тюрьму перваго феллаха, который посмѣетъ войти въ храмъ“. Принцъ Наполеонъ отказался отъ путешествія, но что важнѣе всего, Маріэттъ остался и былъ сдѣланъ 1 іюня 1858 года „директоромъ работъ по Египетскимъ древностямъ“.

Въ началѣ у Попечительства о Древностяхъ не было ни правильнаго бюджета, ни установленнаго штата; Маріэттъ пользовался правомъ собирать артели крестьянъ для раскопокъ и, по мѣрѣ надобности, испрашивалъ кредитъ. Первые десять лѣтъ его управленія не внесли значительнаго улучшенія въ судьбу памятниковъ старины.

Чтобы узаконить существованіе Попечительства, Маріэттъ задумалъ основать музей въ Каирѣ и подвергъ систематическому расхищенію мѣстности Гизеха, Сахары, Абидоса, Таниса, Саиса, „чтобы набрать памятниковъ, побольше памятниковъ“. Когда музей былъ учрежденъ

и снабженъ рѣдкими образцами, Маріэттъ получилъ возможность отдаться болѣе научной работѣ. По настоянію Европейскихъ ученыхъ, Маріэттъ обратился къ систематическимъ раскопкамъ и къ изданію полнаго описанія открытыхъ памятниковъ; онъ оборудовалъ мастерскія въ Эдфу, Дендерѣ, Абидосѣ уже не для расхищенія храмовъ въ пользу музеевъ, а съ цѣлью извлечь изъ каждой мѣстности все то, чего могла ожидать отъ нея наука. Смерть застигла его въ 1881 году, въ то время, какъ онъ едва лишь успѣлъ взяться за эту вторую часть своей задачи, лишенный возможности отдаться ей цѣликомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ оказалъ современному Египту громадную услугу, возбудивъ въ немъ интересъ къ охранѣ его дивныхъ античныхъ сокровищъ¹⁾: „Не будь его, Египетъ долго продолжалъ бы еще уничтожать свои памятники или распродавать ихъ по частямъ иностранцамъ, ничего не оставляя для себя; онъ заставилъ его сохранять ихъ“.

Преемникъ Маріэтта, Масперо, съ 1881 по 1886 г. далъ истинно научное направленіе Попечительству о Древностяхъ; успѣху общества способствовало коренное преобразование современнаго Египта, послѣдовавшее за оккупаци-

¹⁾ G. Maspero. Biographie de Mariette (заголовокъ VIII тома Bibliothèque Egyptologique).

цією Англичанъ. У Масперо хватило мужества заявить, что раскопки должны стоять на второмъ планѣ въ ряду заботъ Попечительства; главная же цѣль—въ основательной расчисткѣ памятниковъ, ихъ сохраненіи и ознакомленіи съ ними; пора замѣнить поверхностное знаніе всестороннимъ методическимъ изученіемъ и описаніемъ въ цѣломъ. Съ этого дня Попечительство о Древностяхъ осуществилось на дѣлѣ.

Расчистка храмовъ велась уже правильно въ Эдфу, Дендерѣ, Абидосѣ; Масперо сосредоточилъ свои силы на строго опредѣленномъ районѣ и обратился къ одному изъ позднѣйшихъ зданій—къ Луксорскому. Задача была не легкая: храмъ, который ученые Египетской экспедиціи, Шамполліонъ и Лепсіусъ, застали еще частью незастроеннымъ, „уже лѣтъ тридцать какъ былъ покрытъ домами“. На сѣверѣ двѣ башни по сторонамъ входныхъ воротъ, первый дворъ и окружающіе его портики были болѣе чѣмъ на половину скрыты подъ кучей лачугъ; тридцать домовъ и восемьдесятъ шалашей опирались о колонны, лѣпились вдоль стѣнъ и давили архитравы тяжестью своихъ кирпичей; два минарета мечети Абуль-Хаггага господствовали надъ этимъ нечистоплотнымъ цѣлымъ. Подъ большой колоннадой, соединяющей сѣверный дворъ съ южнымъ святилищемъ—два дома кади Эсне и агента консуль-

ства. Часть западнаго фасада, обращенную къ рѣкѣ, заслоняють жандармскія казармы, тюрьма, почта, правительственные склады, Домъ Франціи ¹⁾).

„За первымъ рядомъ лачугъ раскинулся пустырь, заваленный обломками стѣнъ изъ утрамбованной земли и землянками, разбросанными группами по три, по четыре; между капителями колоннъ устроенъ загонъ для барановъ и козъ; голубятни изъ глины побѣдоносно красуются на томъ, что уцѣлѣло отъ террасъ храма ²⁾)...“ Понадобились долгія формальности и значительные расходы, чтобы выселить водворившіяся въ этомъ зданіи семьи ³⁾). Масперо преодолѣлъ всѣ препятствія и сумѣлъ заинтересовать своимъ дѣломъ европейскую прессу: подписка, открытая *Journal des Débats* и *Times*, дала 19000 франковъ.

Начатыя работы облегчались содѣйствіемъ населенія, которое поспѣшило удалить сѣба хъ, послужившій превосходнымъ удобре-

¹⁾ Этотъ домъ служилъ квартирой технической миссіи, отправленной въ Луксоръ въ 1830 году, чтобы снять съ мѣста обелискъ, нынѣ находящійся на площади Согласія.

²⁾ S. Maspero. Premier rapport sur les fouilles, exécutées en Égypte de 1881 à 1885.

³⁾ Аналогичные переговоры завязаны въ настоящее время, чтобы выселить туземцевъ, поселившихся во дворѣ и въ святилищѣ храма въ Эсне.

ніемъ; около 1893 года, послѣ многихъ перерывовъ, храмъ, наконецъ, былъ расчищенъ. Пришлось, однако же, отказаться отъ снесенія мечети Абдуль-Хаггага, которая и понынѣ загромаждаетъ сѣверо-западную сторону перваго двора.

Масперо уже вернулся во Францію (1887), когда былъ достигнутъ окончательный результатъ; его преемники: Грэбо (1887—92), де-Морганъ (1892—97), Лорэ (1897—99) обратили свою дѣятельность на другія мѣстности; но традиціи упорныхъ усилій, направленныхъ на одинъ, строго намѣченный пунктъ, благополучно удержались. Даресси, уже заявившій себя работами въ Луксорѣ, посвятилъ нѣсколько кампаній на удаленіе Коптскихъ домовъ изъ великолѣпнаго Мединэть-Габу: съ 1897 года храмъ доступенъ во всѣхъ своихъ частяхъ ¹⁾.

Расчистка Луксора и Мединэть-Габу не обошлась безъ неизбѣжныхъ крупныхъ поправокъ: тамъ и сямъ нужно было отстроить обвалившуюся стѣну, возстановить рельефъ, соединяя разрозненные куски, укрѣпить нѣсколько колоннъ, скрыть подъ архитравами или притолками желѣзные брусья, подпиравшіе,

¹⁾ Даресси далъ превосходныя Замѣтки (*Notices*) о храмахъ Луксора и Мединэть-Габу (изданіе Попечительства о Древностяхъ).

по способу Легрена, расшатанные камни, при чемъ ремонтъ оставался незамѣтнымъ. Таковы текущія работы по поддержкѣ, которыя Попечительство скромно и съ пользой выполнило въ большей части храмовъ Верхняго и Нижняго Египта.

Совсѣмъ недавно оказалось нужнымъ примѣнить эти ремонтныя работы, въ качествѣ предупредительныхъ мѣръ, къ группѣ храмовъ Филэ, которые съ 1902 года въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году затопляетъ задержка воды Ассуанскими плотинами. Прежде чѣмъ подвергнуть испытанію искусственнаго затопленія старый песчаникъ, уже тысячи лѣтъ лишенный воды, Масперо поручилъ одному изъ своихъ самыхъ опытныхъ инспекторовъ, А. Барсанти, основательно очистить храмы отъ малѣйшихъ слѣдовъ селитры, замазать всѣ щели и укрѣпить незамѣтными скрѣпами всѣ расшатанные и разрозненные камни. Когда всѣ мѣры были приняты, спустили на островъ Филэ рѣчныя воды, и вода, пропитавъ эту почву и эти камни, изъ которыхъ она была изгнана съ незапамятныхъ временъ, затопила пропиленіи большого храма до высоты капителей, ворвалась во дворъ и залила полы гипостиля и святилища. Съ тревожнымъ любопытствомъ ожидали послѣдствій примѣненія этого варварскаго способа; до сихъ поръ не

произошло ничего неблагоприятного, ни одинъ камень не сдвинулся съ мѣста, и цементныя скрѣпы, которыми Барсанти забронировалъ стѣны, остались цѣлы. Надѣются значительно продлить устойчивость храма; по увѣреніямъ оптимистовъ, такое ежегодное очищеніе для него спасительно.

Нѣкоторые изъ храмовъ, отъ Филэ до Уади-Гальфы, орошаются водами Нила. Масперо исчисляетъ въ 600,000 франковъ сумму, необходимую для того, чтобы временно оградить ихъ отъ опасности. По правдѣ сказать, никто не увѣренъ въ томъ, что періодическое затопленіе, которому ихъ подвергаютъ, не станетъ для нихъ пагубнымъ; но, во всякомъ случаѣ, теперь Филэ не угрожаетъ никакая непосредственная опасность ¹⁾.

Опытъ съ Филэ доказалъ, какъ хороши принятыя Попечительствомъ охранительныя мѣры; но, по мѣрѣ расширенія области завоеваній, приходилось обезпечивать и ея охрану. Такъ, ячейка, весьма примитивная, созданная Маріэттомъ, превратилась въ перворазрядное общественное учрежденіе, нѣчто въ родѣ „Министерства древняго Египта“. Сердце и голова этого организма продолжаютъ находиться въ Каирскомъ музеѣ (сперва въ Булакѣ, а потомъ въ Гизехѣ). Туда переносятъ рѣдкіе или хрупкіе экземпляры, которые

было бы слишкомъ рискованно оставлять на мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, этой зимой, когда Навиль нашелъ нетронутую часовню богини Гаторъ съ божественной коровой, предметомъ культа, не рѣшились оставить это сокровище въ ущельяхъ Дэйръ-эль-Бахари. Идолъ былъ положенъ въ ящикъ, а часовня снесена, съ тѣмъ, чтобы возстановить то и другое въ стѣнахъ музея ²).

Однако, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это возможно, начинаютъ охотнѣе оставлять памятники на мѣстѣ: Легренъ не тронулъ статуй въ храмѣ Фта, и гробница Аменофиса II была открыта для публики, уставленная всей погребальной утварью, какую нашелъ въ ней Лорэ. Этому явно принадлежитъ будущее: было бы пустой мечтой разсчитывать собрать въ Каирѣ всѣ статуи и всѣ интересные документы, еще милліонами таящіеся въ Египтѣ; памятники эти будутъ гораздо краснорѣчивѣе *in situ*, когда будетъ возможность обезпечить имъ полную сохранность и когда, съ развитіемъ путей сообщенія, всѣ мѣстности станутъ легко доступны.

¹) G. Maspero. Rapport pour 1905.— Сличить: *Annales du Service des Antiquités*, т. IV V, VII.

²) Сличить Maspero. *Causeries d'Égypte* стр. 319.

Поэтому Попечительство вполне правильно принялось за децентрализацию: учреждены должности генеральных инспекторовъ для трехъ крупныхъ областей — Саида, Файюма, Дельты ¹⁾; Легренъ и Кибель руководятъ двумя независимыми другъ отъ друга мастерскими со складами, въ Карнакѣ и Сахарѣ ²⁾. Въ ихъ вѣдѣніи сотни сторожей (гафировъ), набранныхъ изъ среды наиболѣе образованныхъ туземцевъ, наблюдаютъ за туристами и торговцами древностей, и по вечерамъ запираютъ храмы и гробницы на ключъ. Легко себѣ представить, какихъ расходовъ требуетъ увеличивающееся число служащихъ ³⁾, издержки на заборы памятниковъ и возрастающая сложность работъ. Поэтому, помимо обычнаго своего дохода, Попечительству нерѣдко приходится прибѣгать къ услугамъ Кредитнаго общества; съ 1887 г. оно взимаетъ сборъ по 30 франковъ съ туриста за посѣщеніе памятниковъ ⁴⁾; оно разрѣшаетъ раскопки частнымъ лицамъ и обществамъ только въ мѣстахъ, для него подходя-

1) Подъ управленіемъ Вейгалля, Лефебра, и Эдгара.

2) Склады и мастерскія Карнака располагаютъ ежегодной суммой въ 50,000 фр., Сахары — 25,000 фр. на экстренныя работы по раскопкамъ и реставраціи.

3) Въ 1905 году Попечительство держало 250 гафировъ постоянныхъ и 200 временныхъ.

4) Въ 1905 году сборъ принёсъ около 150,000 фр.

щихъ, и подъ условіемъ дѣлежа находками. Однимъ словомъ, въ настоящее время весь Египетъ превратился въ музей, находящійся подъ бдительнымъ надзоромъ. Хотя кража древностей и тайныя раскопки все еще не рѣдкость, но это уже далеко не тотъ систематическій грабежъ, который такъ пугалъ Маріэтта. Мѣстное правосудіе научило воровъ, что всякое преступленіе по отношенію къ Древнему Египту карается денежной пеней, палочными ударами и годами каторжныхъ работъ, такъ же строго, какъ преступленія противъ современнаго общества.

Дѣло охраненія будетъ полнымъ только тогда, когда поколѣнія ученыхъ используютъ черную работу методическихъ раскопокъ и приведенія въ порядокъ памятниковъ, коимъ мы обязаны Попечительству, завершивъ это истинно-научнымъ описаніемъ. Одна изъ очень слабыхъ сторонъ египтологіи заключается въ томъ, что имѣются лишь весьма несовершенные списки текстовъ и таблицъ; отсюда проистекаетъ множество ошибокъ, невѣрностей и ложныхъ толкованій. Благодаря Попечительству многіе храмы доступны, въ настоящее время, во всѣхъ своихъ частяхъ; чтобы понимать ихъ свидѣтельства о прошломъ, нужно было ввѣрить ихъ знающимъ толкователямъ. Послѣдніе должны соединить въ себѣ способности очень

рѣдкія—терпѣливыхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ, обладающихъ испытаннымъ методомъ и очень основательной эрудиціей. Качества малообычныя во всѣхъ отрасляхъ знанія, въ египтологіи какъ и въ остальныхъ наукахъ. Археологическій институтъ, существующій въ Каирѣ ¹⁾ на средства Франціи, дѣлалъ попытки—иногда удачныя—дать описаніе памятниковъ, которыя выкапываетъ Попечительство, но средства его, во всѣхъ отношеніяхъ, слишкомъ ограничены, чтобы быть на высотѣ задачи. Англійское общество Egypt Exploration Fund поручило раскопки и описаніе храма Дэйръ-эль-Бахари Навилю, который справляется съ своей задачей блестяще. Для составленія же всеобщаго каталога Каирскій музей обратился къ международному сотрудничеству ²⁾; въ будущемъ Великому Музею, какимъ становится весь Египетъ, понадобится свой описательный каталогъ, и всѣ вступятъ въ добровольное состязаніе, чтобы великое предпріятіе Попечительства скорѣе принесло плоды ³⁾.

¹⁾ Подъ послѣдовательнымъ руководствомъ Масперо, Лефебюра, Буріана, Шассинѣ.

²⁾ Подъ руководствомъ Масперо, при временномъ содѣйствіи Пьера Лако.

³⁾ Этотъ всеобщій каталогъ Египта предпринялъ де-Морганъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва трудъ

чительную долю его прочности. Колонны, не скрѣпленныя болѣе тяжестью огромныхъ плитъ, не раздѣленныя строго опредѣленными промежутками, стали подаваться; однѣ рухнули, другія понемногу наклонялись подъ тяжестью архитравовъ. Одна изъ нихъ возбуждала удивленіе посѣтителей: это извѣстная наклонная колонна ¹⁾, своимъ силуэтомъ пересѣкавшая по діагонали прямоугольникъ одного изъ малыхъ просвѣтовъ (табл. I). Представьте себѣ колонну въ 13 метровъ высоты на 2 метра въ діаметрѣ, косо перерѣзающую пролетъ и увлекающую въ своемъ паденіи архитравъ, толщиной въ три метра, колонну, которая одна могла вѣсить 40000 килограммовъ. Вся эта масса удерживалась въ равновѣсіи отдѣлившимся основаніемъ колонны и наружнымъ угломъ архитрава: послѣдній задѣлъ за сосѣдную колонну и нашелъ себѣ опору на пространствѣ нѣсколькихъ сантиметровъ; кругомъ пустота; виденъ былъ просвѣтъ между архитравомъ и капителю, которой онъ касался всего лишь въ двухъ точкахъ. Какимъ образомъ поддерживающая колонна могла вынести вѣсъ этой движущейся массы, приблизительно въ 200 тоннъ, которая внезапно ударилась о ея вер-

¹⁾ Нынѣ разрушенная со времени работъ по реставраціи.

хушку, — какимъ образомъ эти разъединившіеся камни не продолжали распадаться и сохраняли свою связь? Благодаря такимъ-то чудесамъ равновѣсія и устойчивости возникла непоколебимая вѣра въ прочность развалинъ Карнака (табл. II, 2).

Но вотъ, въ 1899 году внезапно рухнуло одиннадцать колоннъ гипостиля; еще немного, и, подобно карточному замку, такая же участь постигла бы и остальные колонны.

Это было „3-го октября, около 9 часовъ утра; одинъ изъ сторожей, обходившій окружную стѣну, услыхалъ сильный грохотъ, похожій на громъ. Онъ тотчасъ же бросился къ храму и добѣжалъ до гипостиля, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда двѣ колонны падали вдоль пилона Рамзеса. Другой сторожъ, находившійся у подножія обелиска Тутмеса, съ испугу остался на мѣстѣ, пока шумъ не замолкъ“. Такимъ образомъ, никто не былъ свидѣтелемъ начала катастрофы. Легрень, у котораго я заимствую этотъ рассказъ, установилъ, что первоначальнымъ фактомъ было случайное паденіе одной колонны: она опрокинула противоположную и увлекла ее вмѣстѣ съ архитравами, соединявшими ихъ съ сосѣдними колоннами. Архитравы и распавшіеся сегменты сыграли роль метательныхъ снарядовъ: семь колоннъ одного ряда опрокинулись, толкая другъ друга и, такъ до

послѣдней; въ параллельномъ ряду послѣдовательное паденіе унесло только три жертвы и остановилось благодаря неожиданной устойчивости четвертой колонны. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Представьте же себѣ, какое живописное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плачевное зрѣлище представляла хаотическая куча исполинскихъ сегментовъ и огромныхъ архитравъ, сгромоздившихся на землѣ. Обломки отъ 10 до 15 тысячъ килограммовъ со всего размаха ударились о сосѣднія колонны, нанеся имъ зіяющія раны. Въ концѣ ряда—двѣ послѣднія колонны всѣми своими расцѣпившимися, но еще прилегающими другъ къ другу, звеньями легли на наклонившуюся лицевую сторону пилона, который братски поддержалъ ихъ въ ихъ паденіи (табл. II, 1 и III, 1).

Карнакская катастрофа поставила ребромъ такой спорный для египтологовъ вопросъ, какъ:—слѣдуетъ ли отстраивать древній памятникъ, если онъ обрушится? Отвѣтъ требовался безотлагательный: предоставить ли гипостиль своей судьбѣ или же доискаться причинъ разрушенія и безъ малѣйшаго промедленія принять мѣры?

Масперо пришлось взять на себя отвѣтственность за столь важное рѣшеніе. Его глубокое знаніе Египетскихъ памятниковъ, пріобрѣтенное за время предыдущаго управленія, его

рѣшительность и готовность приниматься за самыя трудныя задачи, научнаго или практическаго свойства, которую даетъ свѣтлый умъ и большая опытность, привели къ быстрому разрѣшенію вопроса: нельзя допустить рухнуть зданіе, не истощившее своихъ силъ противодѣйствія, неповрежденные части котораго распадались въ силу измѣненія, съ теченіемъ вѣковъ, условій существованія и прочности.

Черезъ двѣ недѣли послѣ катастрофы въ Карнакъ прибыла комиссія специалистовъ, обсудила на мѣстѣ вопросъ и составила 28 октября докладъ о необходимыхъ работахъ и приблизительную смѣту расходовъ. 11 декабря Легренъ оборудовалъ мастерскія и склады и, запасшись инструкціями Масперо, безъ шума предпринялъ одну изъ самыхъ опасныхъ и самыхъ серіозныхъ работъ, какія выпадаютъ на долю археолога.

Слабымъ мѣстомъ гигантскаго сооруженія Фараоновъ было несовершенство фундамента. Если работы производились не на скалистомъ грунтѣ пустыни, зодчіе нигдѣ не могли опустить подземныя работы на достаточную глубину, чтобы не встрѣтить болѣе или менѣе жидкой грязи на уровнѣ просачиванія Нила; поэтому они ограничивались удаленіемъ верхняго слоя почвы и устанавливали свой фундаментъ прямо на землѣ. Въ гипостилѣ

Карнака подкопъ достигалъ около 2-хъ метровъ глубины; тамъ, на пластахъ наносной породы, смѣшанной съ пескомъ, соорудили небольшіе каменные устои изъ крупныхъ обломковъ песчаника, неровныхъ, плохо обтесанныхъ, сложенныхъ въ неправильныя ложа. Добрая часть этихъ камней принадлежала первоначально одному зданію, построенному царемъ-еретикомъ, Аменофисомъ IV, и благочестиво разрушенному его правовѣрными наслѣдниками. Иногда вмѣсто валуновъ попадаютъ простыя затычки изъ земли, осколковъ камня и черепковъ посуды. Замѣтимъ, что на этихъ устояхъ, „бывшихъ скорѣе каменными сваями, чѣмъ настоящимъ фундаментомъ“, устанавливались колонны, общій вѣсъ которыхъ достигалъ 226000 килограммовъ. Нерѣдко діаметръ этихъ устоевъ меньше основанія колонны, что въ особенности неблагоприятно для устойчивости такихъ массъ. Наконецъ, единственнымъ скрѣпленіемъ устоевъ, поддерживавшихъ колонны, являлась насыпь изъ гравія и земли, покрытая очень тонкимъ слоемъ плитъ. Тутъ сказалось явное незнаніе, небрежность или злоупотребленіе со стороны строителей гипостіля.

Этимъ, столь недолговѣчнымъ, фундаментамъ угрожали двѣ причины разрушенія: сѣба хъ и разливъ Нила. „Первоначально гипостиль

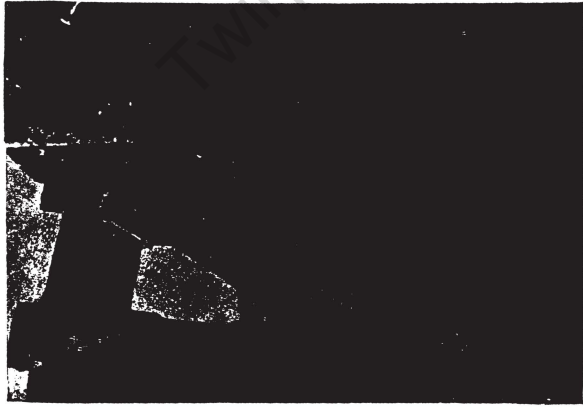
былъ необитаемъ, и опасаться дѣйствія селитры было нечего. Но съ началомъ христіанской эры жилища становились въ немъ все многочисленнѣе, и громадныя залежи сѣбаха и всякаго рода отбросовъ, которые пришлось извлекать, чтобы добраться до одной части стариннаго пола, показываютъ, какое это имѣло значеніе. Слой ихъ достигалъ болѣе чѣмъ 1 м. 80 с. въ толщину. Пагубное вліяніе селитряной земли во сто кратъ усилилось медленнымъ вѣковымъ повышеніемъ Нильскаго дна. Если вычисленія, сдѣланныя Гранъ-Пашею и Вантръ-Пашею, точны, среднее повышение рѣчного дна путемъ наноса горныхъ породъ доходитъ до 96 миллиметровъ въ столѣтіе. А основаніе гипостіля возвышалось всего лишь на 33 сантиметра надъ уровнемъ разлива; черезъ какихъ-нибудь двѣсти лѣтъ послѣ постройки вода уже просачивалась до фундамента зала; 13 вѣковъ спустя, т.-е. около 600 года нашей эры, вода въ пору наводненія поднялась выше уровня зала и нашла землю, уже обильную селитрой“. Выводъ отсюда — селитра, получавшаяся изъ раствореннаго сѣбаха, въ теченіе тринадцати столѣтій переносилась водой съ мѣста на мѣсто и, глыбы очень пористаго песчаника вывѣтривались до высоты, которая въ настоящее время колеблется въ моментъ раз-

лива между 2—3 метрами надъ уровнемъ почвы ¹⁾).

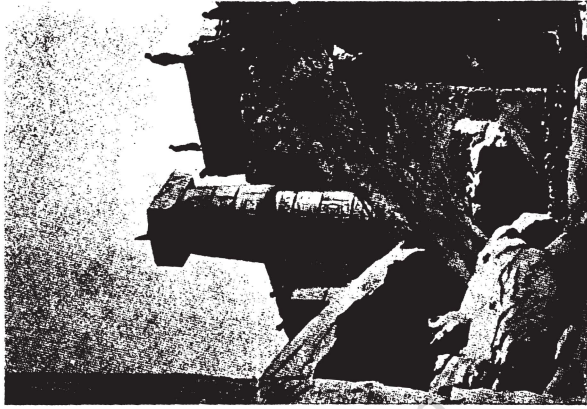
Противъ повышенія уровня Нила и вторженія воды въ храмъ, Попечительство о Древностяхъ безоружно; всѣ же остальные причины разрушенія побороть возможно, и вотъ какой планъ былъ выработанъ для спасенія Карнака, а при случаѣ, и другихъ храмовъ, которые бы очутились въ подобныхъ же условіяхъ непрочнаго существованія: во-1-ыхъ, удаленіе сѣбаха; во-2-ыхъ, разборка по пластамъ колоннъ разбитыхъ, пошатнувшихся, или подозрительныхъ; въ-3-ихъ, полная передѣлка фундаментовъ и возстановленіе колоннъ; въ-4-ыхъ, умѣренное орошеніе въ пору разлива съ цѣлью промыть почву, пропитанную селитрой.

Этотъ планъ кампаніи, очень простой, представлялъ громадныя трудности для своего выполненія въ Карнакѣ: дѣло шло о его примѣненіи къ сѣверной части гипостіля, гдѣ, со времени обвала одиннадцати колоннъ, земля была устѣяна сегментами, капителями, абаками и архитравами, вѣсъ которыхъ колебался между 5 и 40 тоннами. Эти крайне тяжелыя работы должны были производиться подъ угрозой вне-

¹⁾ Rapports de M. M. Maspero, Legrain, Ventre-Pacha, Grand-Pacha et la Commission, réunie à Karnak après la catastrophe du 3 octobre 1899. (Annales du Service des Antiquités, т. I и слѣд.).

1. Видъ послѣ землетрясенія 1899 г.

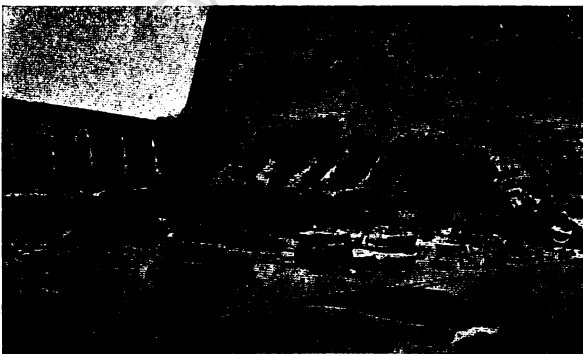

2. Разборка колонны.

КАРНАКЪ.

1. Наклонная насыпь для разборки колоннъ.

2. Древнія насыпи, служившія лѣсами при постройкѣ.

запнаго обвала уцѣлѣвшихъ колоннъ,—многія изъ нихъ находились въ неустойчивомъ равновѣсіи или очень угрожающемъ состояніи расшатанности. Необходимо было, чтобы точныя и ясныя инструкціи Масперо примѣнялись къ дѣлу человѣкомъ энергичнымъ, который, при случаѣ, сумѣлъ бы взять на себя инициативу удачныхъ и смѣлыхъ дѣйствій и зналъ сильныя и слабыя стороны Карнака. Этими качествами въ высокой степени обладалъ Жоржъ Легренъ, состоявшій при работахъ въ Карнакѣ съ 1895 года; благодаря ему задача отстройки Карнака разрѣшена въ настоящее время въ самыхъ трудныхъ своихъ частяхъ.

Работы начались въ декабрѣ 1899 года. Къ концу первой кампаніи, въ 1900 году, было разобрано по сегментамъ пять колоннъ, расшатанныхъ паденіемъ сосѣднихъ; вторая кампанія была посвящена расчисткѣ одиннадцати рухнувшихъ колоннъ и удаленію сѣбаха. Земля была свободна отъ обломковъ; можно было обнажить фундаментъ; его камни оказались здоровы и не пропитаны селитрой. Слѣдовательно, главной причиной обвала было несовершенство кладки фундамента, а не порча камня отъ дѣйствія воды. Установивъ это, Масперо далъ предписаніе относительно способа отстройки. Подъ каждымъ рядомъ колоннъ нужно было прорыть траншею шире

основанія колонны и первоначальной глубины (2 м. 15 с.); этотъ ровъ надлежало заполнить бетономъ въ металлической обшивкѣ и на немъ возстановить колонны; каждая колонна одного ряда соединится съ соотвѣтствующей колонной сосѣдняго бетонной связью, которая скрѣпитъ новый фундаментъ со старымъ. Планъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. 12 апрѣля 1902 года лордъ Кромеръ заложилъ первый камень новаго фундамента, а въ 1903 году одиннадцать рухнувшихъ колоннъ были возведены на высоту шести метровъ. Камни, разъяденные сѣбахомъ подъ землей или разбитые паденіемъ, клались на мѣста, подвергнувшись слѣдующему лѣченію: цементной штукатуркой, а иногда и большими обломками песчаника покрывались пробоины, задѣлывались отверстія, причемъ тѣ части, на которыхъ были рельефы или надписи, выступали на одинъ сантиметръ надъ новой облицовкой. „Такимъ путемъ сохранялась соотвѣтственная архитектурная форма, позволяя отличить древнее отъ современнаго“.

Лѣтомъ 1903 года новый фундаментъ подвергся испытанію водой; онъ вышелъ изъ него побѣдителемъ, и въ 1904 году Легренъ могъ водворить по мѣстамъ верхнія части, стволы колоннъ, капители и абакіи. Но тутъ представилось серьезное затрудненіе. Необходимо

было скрѣпить и наверху отстроенныя колонны, которыя снизу держались новымъ фундаментомъ. Между тѣмъ потолка не существовало уже цѣлые вѣка; уцѣлѣвшіе архитравы поломались при паденіи или пришли въ полную негодность. Какъ замѣнить ихъ? Сначала предполагалось устроить цѣлую сѣть желѣзныхъ скрѣпъ или хомутовъ, надѣтыхъ на шею колонны пониже капители. Масперо удалось устранить этотъ безвкусный проектъ: обручи замѣнили желѣзными брусьями, переброшенными съ капители на капитель и скрытыми оболочкой изъ цемента и бетона, которой дадутъ форму античныхъ архитравовъ. „Это скрѣпленіе распространится на всѣ колонны гипостіля, а можетъ быть, сочтутъ желательнымъ возстановить и плоскую крышу, нѣкогда покрывавшую весь залъ“. Постановка на мѣста капителей и возстановленіе архитравовъ заняла зимы 1905—1906 гг.; въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдняго года я имѣлъ возможность быть свидѣтелемъ этихъ интересныхъ работъ. Въ настоящее время слѣды разрушенія, причиненнаго катастрофой 1899 года, изглажены; остается оградить другія части зданія отъ повторенія подобнаго случая. Задача, несомнѣнно, нелегкая, но это не болѣе, какъ вопросъ терпѣнія и денегъ: методъ работы созданъ, опыты сдѣланы, результаты убѣдительны.

Однако же, этотъ методъ—кстати сказать одинъ изъ любопытнѣйшихъ результатовъ предпринятыхъ работъ—сталъ удобопримѣнимымъ и осуществимымъ на дѣлѣ только послѣ того, какъ Легренъ изучилъ и вновь примѣнилъ приемы стройки египетскихъ зодчихъ. Удаленіе сегментовъ рухнувшихъ колоннъ хотя и представляло большія трудности, все же оно носило характеръ обычныхъ работъ. Напротивъ того, когда пришлось сносить колонны, оставшіяся на мѣстахъ, и спускать съ высоты 20 метровъ на землю массы въ 50 тоннъ, архитекторы и археологи стали втупикъ. Слѣдовало ли соорудить помостъ, который былъ бы вторымъ гипостилемъ изъ дерева, и установить на его потолокъ тали достаточной силы, чтобы раснастить и оснастить корабль Фараоновъ? Дѣло было признано невозможнымъ какъ изъ-за расходовъ, такъ и по недостатку матеріаловъ, рабочихъ и времени, котораго нельзя было терять. Легрену, изучившему Карнакъ до малѣйшаго камня, стоило только порыться въ памяти, чтобы понять, какимъ образомъ древніе Египтяне разрѣшили подобную задачу съ обратной цѣлью, не разрушенія храма, а его сооруженія, не для спуска архитравовъ, а для ихъ подъема.

Взойдя въ большой дворъ Карнака, вы не преминете замѣтить въ сѣверо-западномъ его

углу земляные откосы, подпертые кирпичными стѣнками; они тянутся по бокамъ пилоновъ и скрываютъ колонны портика до капители (табл. IV, 2). Колонны и пилоны остались недостроенными, и откосы эти не что иное, какъ строительные лѣса ¹⁾. Итакъ, способъ Египтянь заключался въ томъ, что они повышали уровень земли, куда подвозился матеріалъ, благодаря чему кладка его не представляла уже затрудненій. Насыпи поднимались одновременно съ колоннами и стѣнами; когда гипостиль крылся плитами потолка, онъ оказывался до верху заполненнымъ землей, благодаря чему рабочіе укладывали плиты кровли и архитравы такъ, точно они работали на высотѣ человѣческаго роста на естественномъ уровнѣ земли.

Остается объяснить, какимъ образомъ тяжелые камни доставлялись на растущую насыпь. Изъ того, что осталось еще въ Карнакѣ на мѣстѣ, мы усматриваемъ, что Египтяне примѣняли два способа. Когда мѣста было достаточно для расширенія насыпи, они дѣлали откосъ очень отлогимъ, и глыбы, положенныя на валы, вкатывались могучими руками сотенъ рабочихъ. Барельефъ одной могилы XII

¹⁾ Сличить: Choisy, *L'art de bâtir chez les Égyptiens*, Paris, 1904.

династїи въ Берсехѣ изображаетъ этого рода работу; дѣло идетъ о подъемѣ монолитнаго колосса, размѣры коего даны: 6 м. 50 с. высоты. Статую, помѣщенную на деревянные полозья, втаскиваютъ четыре ряда рабочихъ по 43 человекъ въ каждомъ; надсмотрщикъ отбиваетъ тактъ, хлопая въ ладоши, а помощникъ его поливаетъ землю водой, чтобы ослабить треніе и избѣжать нагрѣванія деревянныхъ частей ¹⁾. Но иногда, по недостатку мѣста, нельзя было развернуть на откосѣ такое количество людей или удлинить насыпь, чтобы сдѣлать ее болѣе покатой. Въ такихъ случаяхъ вдоль стѣны зданія строили лѣстницу, кирпичныя ступени, на которыхъ устанавливались деревянные подъемныя машины; ихъ употребленіе обнаружилъ Легренъ. У Египтянъ, какъ и у насъ, былъ обычай пользоваться для торжества закладки перваго камня зданія роскошными инструментами, въ уменьшенномъ размѣрѣ, но точно воспроизводящими форму настоящихъ орудій; таковы наши золотые и серебряные молотки и лопаты. Мы хранимъ ихъ въ музеяхъ, Египтяне же замуровывали ихъ въ фундаментъ, гдѣ мы ихъ иногда и находимъ. Въ числѣ этихъ инструментовъ найдено „нѣчто въ родѣ деревянной люльки

1) См. виньетку Масперо, *Histoire*, I, стр. 335.

изъ двухъ половинъ, состоящихъ изъ круглыхъ сегментовъ“, соединенныхъ перемычками. (Представьте себѣ качающійся бюваръ, какіе можно встрѣтить у насъ на любомъ письменномъ столѣ.) Аркой свода это быть не могло: „на нѣкоторыхъ экземплярахъ есть надписи, которыя оказались бы опрокинутыми, если бы приборы изображали собой арку“. Легренъ, а за нимъ и Шуази доказали, что инструментъ могъ употребляться не иначе, какъ въ качествѣ волока или качающейся подъемной машины, управляемой посредствомъ рычага; поочередныя колебанія позволяли поднимать нагруженную камнями машину по кирпичнымъ лѣстницамъ, найденнымъ въ Карнакѣ. По Геродоту ¹⁾ Египтяне V столѣтія рассказывали, что Пирамиды были построены при помощи легкихъ приборовъ, движущихся по лѣстницѣ, которая состояла изъ наложенныхъ другъ на друга камней. Весьма вѣроятно, что эти легкія орудія и есть „качающіяся подъемныя машины“ Легрена. Итакъ, вдоль насыпей, поднимавшихся постепенно до потолка гипостіля, мы должны представить себѣ рядъ ступеней: большія глыбы поднимались по нимъ рычагами, а камни среднихъ размѣровъ,—качающейся подъемной машиной. Легко понять, почему въ

¹⁾ II, 125. Сличить Діодоръ, I, 63.

Карнакъ не осталось и слѣдовъ употребленія деревянныхъ помостовъ при постройкѣ зданій: Египетскіе памятники сооружены при помощи откосовъ, которые свозились, едва закончилась работа, и подъемныхъ машинъ, передвижныхъ и небольшихъ размѣровъ, которыя исчезли безслѣдно.

Когда Легрену пришлось приступить къ спѣшной работѣ по перестройкѣ, у него не было въ распоряженіи сильныхъ машинъ; на то, чтобы выписать ихъ изъ Европы, не хватало ни времени, ни денегъ. И вотъ, по примѣру Египтянъ, онъ устроилъ насыпи, подпертыя кирпичными стѣнками, и на этомъ повышенномъ уровнѣ установилъ имѣвшіеся тали. Послѣ безконечныхъ предосторожностей, подъемные винты отдѣлили расколотые архитравы, тали приподняли ихъ и положили на волокъ; оттуда было уже, сравнительно, легко спустить ихъ на землю, предоставляя имъ скользить по скату. На спускъ одного архитрава въ 30 тоннъ идетъ времени не болѣе одного утра, я самъ видѣлъ это въ 1904 году. Когда колонны были снесены, нужно было срыть откосъ, прорыть фундаментъ, потомъ снова поднимать насыпь по мѣрѣ роста колоннъ, водворенныхъ по мѣстамъ. Прошлой зимой я былъ свидѣтелемъ примѣненія тѣхъ же самыхъ приѣмовъ для отстройки капителей, какими пользова-

лись въ 1904 году для ихъ разборки. Античный методъ, подкрѣпленный современными машинами, помогъ, такимъ образомъ, дѣйствовать съ должной быстротой, а, главное, съ экономіей денегъ и навѣрняка (табл. III, 2 и IV, 1).

Это не значитъ, что Попечительство о Древностяхъ не умѣетъ использовать данныхъ современной науки и техники. Методы мѣняются сообразно состоянію зданій и вкусу археологовъ. Такъ, въ Эдфу, для выполненія задачи нѣсколько иного характера, Барсанти пренебрегъ древними приѣмами. Окружающая храмъ стѣна, съ западной стороны, внушала самыя живыя опасенія. Это гигантское сооруженіе изъ песчаника, около 20 метровъ высоты, тоже пошатнулось въ своемъ основаніи; фундаментъ опускался въ землю, а весь средний поясъ выпадалъ, „выпячивался горбомъ“, образуя весьма опасную выпуклость надъ корридоромъ. Барсанти взялъ на себя неблагоприятную задачу снести всю стѣну и положить ее горизонтально по окрестному пустырю, тщательно отмѣтивъ по номерамъ и расположивъ по мѣстамъ каждую отдѣльную глыбу. Странное зрѣлище представляли разложенныя плашмя на землѣ мифологическія сцены войнъ Гора противъ Сэта, благодаря которымъ нѣтъ цѣны этимъ, тщательно разложеннымъ,

тысячамъ бломокъ. Возстановивъ фундаментъ, Барсанти, камень за камнемъ, поднялъ всю стѣну; онъ такъ ревностно оберегалъ эти [] и одинъ изъ нихъ не пропалъ. Теперь получается такое впечатлѣніе, будто, въ Птолемеевъ, никто не касался стѣны. Но это лишь начало: прошлой зимой былъ по[] день фундаментъ подъ портикъ въ западной части двора. Барсанти пренебрегъ способомъ Фараоновъ и построилъ превосходные лѣса для поддержки плитъ потолка и архитравовъ и опоры для колоннъ ¹⁾).

„Я никогда не могъ безъ тайнаго ужаса—писалъ Масперо въ своемъ Отчетѣ за 1905 г. рѣшаться на такія крупныя операціи, гдѣ малѣйшая небрежность со стороны руководителя работъ можетъ повлечь за собой цѣлое бѣдствіе. Однако, въ данномъ случаѣ, крайность была слишкомъ велика, и я имѣлъ основанія опасаться, въ непродолжительномъ времени, обвала, подобнаго тому, который нанесъ такія поврежденія гипостилю Карнака. Долгій опытъ Барсанти, его хладнокровіе, образцовая однородность подобраннаго имъ рабочаго состава и полное его къ нему довѣріе—все это для меня является твердой порукой того, что онъ

¹⁾ См. отчетъ Барсанти въ *Les Annales du Service des Antiquités*, т. VII.

съ честью выдержать это испытаніе“. Дѣйствительно, мнѣ довелось увидеть эти рискованныя работы на пути къ благополучному завершенію, безъ единого несчастнаго случая, въ апрѣлѣ 1906 г. Достаточно провести нѣсколько часовъ въ Эдфу, чтобы понять, какъ много самоотверженности и смѣлой настойчивости нужно археологу, ведущему до конца эти трудныя и опасныя работы, въ полномъ одиночествѣ, безъ слова одобренія, развѣ что со стороны туристовъ, порой только докучныхъ.

По завершеніи этихъ работъ Барсанти и его товарищей призовутъ другія мѣстности для новыхъ неблагодарныхъ трудовъ. Думаютъ спасти святилище Гурнаха, расшатанное до самаго основанія; большіе пилоны Карнака и храма Рамзеса, изъ треснувшихъ стѣнъ которыхъ высыпалась внутренняя насыпь—подобно начинкѣ гигантскаго пирога съ растрескавшейся коркой—ожидаютъ рабочихъ, которые, возстановивъ старинные откосы, водворили бы на мѣсто обвалившіеся камни. Какія нежданныя откровенія готовятъ намъ тексты и барельефы громадныхъ возстановленныхъ стѣнъ?

Изъ работъ, произведенныхъ въ Луксорѣ, Карнакѣ, Эдфу, и многихъ другихъ мѣстахъ, ясно видно руководящую идею нынѣшняго директора Попечительства о Древностяхъ: по-

святить всѣ средства укрѣпленію и систематической расчисткѣ храмовъ и кладбищъ“. Общество предоставляет болѣе счастливымъ частнымъ предпріятіямъ и ученымъ обществамъ заботу объ увеличеніи числа Египетскихъ памятниковъ путемъ новыхъ раскопокъ, исключая, однако, тѣ мѣстности, гдѣ раскопки являются дополненіемъ расчистки, какъ въ Карнакѣ, Сахарѣ; внѣ этого оно ограничивается сохраненіемъ древностей, бывшимъ донинѣ въ большемъ пренебреженіи. Такой ученый, какъ Масперо, по общему признанію, стоящій на первомъ мѣстѣ въ мірѣ египтологовъ, можетъ позволить себѣ отдаваться цѣликомъ задачѣ, съ виду самой незамѣтной и наименѣ завидной изъ всѣхъ, какія представляетъ Египетъ. Но эти чудеса терпѣнія и методичности въ самихъ себѣ таятъ награду, нерѣдко неожиданной цѣны. Такъ, въ Карнакѣ, въ силу простой необходимости пересыпать землю для устройства откоса, Легренъ попутно находитъ больше памятниковъ, чѣмъ ихъ было собрано съ героическихъ временъ, когда Маріэттъ производилъ раскопки въ Серапеумѣ. Изъ-подъ земли или обломковъ выступаютъ цѣлые храмы: храмъ Рамзеса III храмъ Фта Оиванскаго, храмъ Озириса, Владыки вѣчности; великолѣпныя, до сихъ поръ невѣдомыя, колонны, остатки Оивъ, воздвиг-

нутыя Узиртасеномъ III, XII династіи; законченное зданіе, построенное Аменофисомъ I, впослѣдствіи разрушенное по неизвѣстнымъ причинамъ Тутмесомъ III, засыпанное землей, но настолько сохранившееся, что можно будетъ вновь отстроить его цѣликомъ; наконецъ, на днѣ ямы, наполненной стоячей водой, просочившейся изъ Нила, лежитъ входъ въ тотъ чудесный тайникъ, откуда за два года, съ 1903 по 1905 гг., вышло 800 статуй всевозможныхъ размѣровъ и разныхъ эпохъ, нѣкоторыя прекрасной работы и, большею частью, покрытыхъ текстами крупнаго историческаго значенія, и болѣе 15000 бронзовыхъ предметовъ ¹⁾. Раскопки не закончены, несмотря на то, что онѣ достигли 12-ти метровъ въ глубину; тайникъ продолжалъ давать еще этой зимой... Въ Сахарѣ расчистка отъ песка навела Кибеля на слѣды пирамидъ, возведенныхъ царями династій Гераклополитанскихъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ; нѣсколько сѣвернѣе Барсанти уже два года очищаетъ отъ песка роскошный гранитный памятникъ, который еще не открылъ своей тайны, но кажется старѣйшимъ изъ всѣхъ зданій, извѣстныхъ донинѣ... Подобныя

¹⁾ Объ этой находкѣ см. G. Maspero, *Revue de l'art ancien et moderne*, 1906.—Легренъ началъ описаніе статуй въ каталогъ Каирскаго музея (I томъ появился въ 1906 г.).

находки вознаграждаютъ за время, посвященное задачѣ неблагодарной, отвѣтственной. Ими объясняется радость и терпѣніе, съ какими рабочіе и инженеры, ремесленники и египтологи работаютъ въ настоящее время надъ открытіемъ доисторической Сахары и невѣдомыхъ Оивъ, которыя выступаютъ изъ своихъ развалинъ, чтобы, какъ во времена славы царя Аммона, затмить соперническіе города.

* * *

Дѣло Масперо и его энергичныхъ сотрудниковъ имѣетъ значеніе, выходящее за предѣлы Нильской долины. Изъ этого практическаго урока археологи всѣхъ странъ могутъ извлечь много пользы, хотя поглощенные работой ученые трудятся безъ шума, безъ рекламы и даютъ знать о себѣ лишь законченными дѣлами. Нѣтъ ничего болѣе спорнаго, чѣмъ вопросъ о возстановленіи античныхъ зданій. Огульныя разрѣшенія тутъ не имѣютъ мѣста. Нужно считаться съ состояніемъ большей или меньшей степени расшатанности памятниковъ, ихъ вѣроятной устойчивостью; особенно важно установить, сводится ли ихъ значеніе къ чисто художественной цѣнности или же они важны для историка и археолога.

Съ точки зрѣнія практической не подлечитъ сомнѣнію, что предоставлять полуразру-

шенныя зданія самимъ себѣ гибельно для сохранности ихъ частей. Когда есть возможность возстановить стѣну или колоннаду, пользуясь достаточнымъ количествомъ древнихъ камней, благоразумнѣе реставрировать. Въ этомъ отношеніи Масперо удалось воспользоваться исходными точками, опираясь на работы, которыя велись въ другихъ мѣстахъ. Отправленный правительствомъ хедива въ 1905 году на археологическій конгрессъ въ Аѣинахъ, онъ использовалъ это назначеніе, чтобы изучить рѣшеніе Греціей проблемы расчистки и поддержанія античныхъ памятниковъ. „Я отправился—пишетъ онъ—въ Дельфы, гдѣ Гомоль показалъ мнѣ на мѣстѣ приемы для достиженія данной цѣли, потомъ въ Олимпію, въ районъ Нѣмецкихъ раскопокъ. Видъ этихъ двухъ мѣстностей убѣдилъ меня въ томъ, что мы были правы, удаляя обломки и отстраивая зданія тамъ, гдѣ это было возможно, пользуясь исключительно старымъ матеріаломъ. Обломки архитектурныхъ и скульптурныхъ памятниковъ, предоставленные вліяніямъ непогоды на мѣстахъ находенія, быстро истлѣваютъ, тогда какъ поставленные на первоначальныя мѣста, они крѣпнутъ и сохраняются. Въ Олимпіи храмы или части ихъ, которые могли бы продержаться еще долго, будучи реставрированы тотчасъ по находеніи, обре-

чены на неминуемую гибель въ весьма непродолжительномъ времени, благодаря тому, что имъ предоставлено лежать на землѣ. И наоборотъ, сокровищница Аѳинянь и другія зданія, реставрированныя Гомолемъ въ Дельфахъ, на долгіе годы обезопасены отъ дѣйствія атмосферныхъ вліяній. Это заставило меня настойчивѣе слѣдовать по намѣченному пути и поднимать или дополнять памятники, матеріалы которыхъ уцѣлѣли въ достаточномъ количествѣ и съ такими указаніями, что ихъ можно съ полной увѣренностью водворять на мѣста“ ¹⁾).

И однако—говорить ли?—что-то утрачиваютъ реставрированные храмы — меланхолію запущенныхъ развалинъ, влекущее очарованіе мертвыхъ городовъ. Въ нашей жаждѣ знанія не налагаемъ ли мы кощунственную руку на трупы храмовъ? Дѣло ли это истинной цивилизаціи, препятствовать неизбежному разрушенію того, что было великимъ и прекраснымъ, и не будетъ такимъ больше никогда? Вернется ли бывшее величіе гипостилю съ его возведенными заново колоннами, гдѣ множество пятенъ свидѣтельствуешь объ ударахъ времени, съ его частью поддѣльными архитравами? И увидимъ ли мы жилище Аммона, когда живописныя трещины пилоновъ замѣ-

¹⁾ Rapport, 1905.

нятся правильными линиями отстроенныхъ стѣнъ? Истинныя Оивы, развѣ это не Оивы развалинъ, гдѣ обитаетъ смерть, а не реставрированный городъ, въ которомъ все равно будетъ недоставать человѣческой жизни.

Мучительные вопросы, которые съ новой силой встаютъ въ умѣ каждый разъ, когда видишь современную дѣятельность въ схваткѣ съ тайной древнихъ развалинъ. Я видѣлъ, какъ вдоль откоса спускался внушительный архитравъ. Громадный камень былъ обвить пальмовыми листьями, украшенъ знаменами, чтобы заклиять злой рокъ; феллахи тянули канаты и громкими голосами отвѣчали на окрики надсмотрщика, который воззваніями къ Аллаху дѣлалъ ихъ движенія ритмическими. По мѣрѣ того, какъ спускался камень, въ воображеніи у меня возникала точно такая же картина, происходившая на этомъ же самомъ мѣстѣ болѣе чѣмъ три тысячи лѣтъ тому назадъ, когда доставленная изъ Сильсилэ глыба поднималась по откосу такимъ же способомъ, подъ звуки такого же пѣнія. Камень и тогда почитался и украшался какъ священный; быть можетъ, о немъ говорилось то, что говорилось о многихъ другихъ камняхъ, и что мы читаемъ въ каменоломняхъ Уади-Гаммамата: „Чудо, происшедшее въ то время... когда рабочіе спу- скались съ горы, явилась чудесная газель: она

шла впереди и вела нашихъ людей, которые шли, устремивъ глаза на нее. Она ни разу не обернулась, пока не дошла до этого камня на величественной горѣ... Тогда она родила на этомъ камнѣ, на глазахъ у всего войска; ее зарѣзали, сожгли на камнѣ вмѣстѣ съ лада-номъ, и глыба благополучно прибыла въ Египетъ“... ¹⁾

Теперь именемъ Магомета спускается и поднимается камень, покорный рукамъ невѣрныхъ. Напрасно газель отдала свою жизнь, а древніе рабочіе свой трудъ. Дѣло, которому столько тысячъ существъ въ теченіе столѣтій посвящали свою жизнь, утрачиваетъ что-то изъ своей тайны и высоко художественнаго значенія, когда инженеры и археологи изучаютъ его слабыя мѣста, сносятъ и возстановляютъ стѣны.

Но то, что совершается теперь въ Египтѣ, не есть дѣло кощунственнаго любопытства. Реставрація храмовъ—неизбѣжное зло для предотвращенія болѣе крупныхъ бѣдствій. Задача не въ томъ, чтобы доставить взорамъ банальное удовлетвореніе при видѣ непрерывныхъ линій и вполнѣ законченныхъ зданій. Красота линій не единственное достоинство

¹⁾ Erman, Wunderzeichen in Hammamat, въ Zeitschrift für ägyptische Sprache, XXIX, стр. 60.

Египетскихъ храмовъ: ея, быть можетъ, было бы еще больше, если бы предоставить ихъ своему облику умиранія и если бы одни художники искали здѣсь поученія. Эти колонны, эти стѣны покрыты фигурами и текстами, единственными въ исторіи мысли и человѣка; спасти эти обломки лѣтописей, эти отрывки молитвъ и теогоній, значить сохранить чело-вѣчеству его фамильные документы, его древнѣйшее умственное наслѣдіе. Вотъ почему нужно, необходимо отстраивать, возстановлять колоннады и порталы. Пусть будутъ спокойны художники и чуткія души: священнаго камня касаются благочестивыя руки.

II.

Дипломатія Фараоновъ.

Въ концѣ лѣта 1887 года, въ одномъ изъ мало посѣщаемыхъ округовъ Средняго Египта, около деревни Хагги-Кандиль, населенной Бедуинами Эль-Амарны, феллахи, въ поискахъ строительнаго матеріала въ неисчерпаемыхъ каменоломняхъ, какими являются старые храмы, мирно разрушали нѣкоторыя части стѣнъ боковыхъ пристроекъ большого зданія, что нынѣ признано дворцомъ Аменофиса IV (XV вѣкъ до нашей эры).

Аменофисъ IV былъ сынъ Аменофиса III и той царицы Тіи, чьи печати найдены въ Микенскихъ дворцахъ Крита и Греціи. Египетъ въ то время господствовалъ надъ всѣмъ Востокомъ, послѣ того какъ Фараоны XVIII династіи подчинили себѣ острова Средиземнаго моря, Краснаго моря и переднюю Азію. Чтобы подойти къ Дельтѣ и Сиріи, Аменофисъ IV покинулъ Оивы, столицу своихъ предковъ. На

сѣверѣ Сіута, въ Среднемъ Египтѣ находилась царская столица Хунатону. Въ этихъ-то развалинахъ и рылись наши феллахи.

Очищая почву отъ накопившагося мусора, они нашли больше, чѣмъ могли ожидать—прекрасные кирпичи, нѣкоторые обожженные, бóльшая же часть изъ сырой глины, четырехугольные и продолговатые; они были очень мелкозернистые, цвѣта чернаго, желтаго и краснаго. Это былъ превосходный матеріалъ для нашихъ импровизированныхъ каменьщиковъ. Пришло ли кому-нибудь изъ нихъ въ голову стереть вѣковую пыль? порывъ ли вѣтра сдунулъ песокъ, забившій поры ила? Но кирпичи внезапно явили странные вырѣзанные знаки, словно проведенные стилетомъ и раздѣленные правильными линіями. Всѣмъ крестьянамъ извѣстно, что ихъ земля изобилуетъ сокровищами, поэтому съ кирпичами, носящими начертанія, обошлись бережно. Принялись рыть землю; въ непродолжительномъ времени обнаружили два тайника въ видѣ колодцевъ: они оказались наполнены исчерченными кирпичами. Находку сложили въ корзины, навьючили ими ословъ, и черезъ нѣсколько дней торговцы Ахмима, Луксора и Каира уложили въ свои склады часть документовъ.

Первые ученые, извѣщенные объ этомъ, были Буріанъ, директоръ французской школы въ

Каирѣ, и Грѣбо, въ то время директоръ Попечительства о Древностяхъ; они купили нѣсколько экземпляровъ, и весьма изумленные открытіемъ въ Египтѣ склада Вавилонскихъ таблицъ, покрытыхъ клинообразными письменами, сообщили о документахъ самымъ свѣдущимъ ассириологамъ, Опперту, профессору Collège de France, и Сайси изъ Лондона. Изумленіе было такъ велико, что, прежде всего, специалисты сочли ихъ подложными и пренебрегли ими. Но, узнавъ о существованіи сотенъ, а по другимъ свѣдѣніямъ, тысячей исписанныхъ кирпичей, мало-по-малу заволновались: казалось невѣроятнымъ, чтобы поддѣльватели могли быть такъ расточительны.

Музеи Лондона, Берлина, Вѣны, Парижа сдѣлали нѣсколько скромныхъ закупокъ; большая часть перешла въ руки Даниноса-Паши, въ Александріи, и коллекціонера Графа, перепродавшего ихъ Берлинскому музею. Начиная съ апрѣля мѣсяца 1888 года, всякія сомнѣнія разсѣялись. Сайси расшифровалъ имена царей Вавилона и Сирійскихъ вождей; великій египтологъ Берлина, Адольфъ Эрманъ, прочелъ картуши Фараоновъ Аменофиса III и Аменофиса IV, начертанныя клинообразными письменами, и оказалось, что кирпичи эти были въ высшей степени интересными посланіями, которыми во времена гегемоніи Египта обмѣни-

вались князья Сиріи или пограничныхъ странъ и ихъ сюзерены, Фараоны. Это была древнѣйшая, извѣстная до сихъ поръ, дипломатическая корреспонденція, ей 34 вѣка, и ее-то выючные ослы несли въ корзинахъ, исправлявшихъ, по этому случаю, должность „челюдановъ“.

Какъ прискорбно признаться, что критическій духъ ученыхъ оказался для документовъ пагубнѣе невѣжества феллаховъ! Не одинъ кирпичъ былъ искрошенъ остріемъ изслѣдователей и разбитъ во время перевозки. Такъ же былъ нѣкогда изуродованъ Королевскій папирусъ, находящійся въ Туринѣ. Его нашли невредимымъ и помѣстили въ кувшинъ, чтобы перевезти на спинѣ осла; когда кувшинъ вскрыли, папирусъ былъ весь искрошенъ. Его склеенные куски все еще являются самымъ цѣннымъ хронологическимъ документомъ Египетской исторіи. Кирпичи Эль-Амарны, бывшіе въ пренебреженіи у торговцевъ, отвергнутые учеными, понесли непоправимый ущербъ во время своей скитальческой судьбы. Изъ нихъ едва ли уцѣлѣло триста, а въ началѣ ихъ было, пожалуй, вдвое. Зато оставшимся теперь нѣтъ цѣны. Ассириологи всѣхъ странъ, Сайси и Бѣджъ въ Англіи, Бецольдъ и Винклеръ въ Германіи, Галеви, Делатръ и Шейль во Франціи, перевели и снабдили комментаріями эти тексты,

ставшіе, благодаря глубокому ихъ изученію, доступными широкой публикѣ.

* * *

Когда таблицы Эль-Амарны были вкратцѣ расшифрованы, оказалось, что эта дипломатическая переписка распредѣлена по серіямъ: тутъ было 6 писемъ одного Вавилонскаго царя, 9—царя Алязіи, 4—царя Митанни; въ тѣхъ и другихъ обсуждались отдѣльные случаи, что указываетъ на правильныя сношенія. 46 посланій принадлежало нѣкому Рибъ-Адди; 5 или 10 отправлены изъ Іерусалима Арадъ-Гиба, и Азиру, губернаторомъ одного сирійскаго города; около сотни корреспондентовъ представлено однимъ-двумя письмами. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ настоящими письменными актами. На одномъ изъ кирпичей упоминается о „складѣ архивовъ царскаго двора“; одно изъ нижеприведенныхъ писемъ приглашаетъ Фараона справиться съ экземплярами, которые хранятся въ его канцеляріи. Двѣ развалившіяся комнаты Эль-Амарны и были, повидимому, складомъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ Фараона.

Это просто кладовыя, куда сваливали въ кучу кирпичи, заботясь о нихъ столько же, сколько о кипахъ бумагъ на чердакахъ нашихъ министерствъ. Краткая надпись Египетскими

знаками, начертанная на поляхъ одной клинообразной депеши, гласить, что первоначально складъ находился въ Оивахъ, столицѣ Фараоновъ XVIII династіи; но когда Аменофись отвергъ Оивы, какъ религіозный и политическій центръ, общественныя учрежденія были перенесены въ Хунатону (Эль-Амарну) и дипломатическіе архивы водворены въ скромный дворцовый флигель.

До насъ дошли нѣкоторыя указанія относительно служебнаго персонала при архивахъ: найдена именная печать, принадлежавшая „Тэту-Ну, подручнику Шамаса-Ники“. Тэту-Ну, судя по имени—Египтянинъ; повидимому, онъ занималъ должность писца подъ начальствомъ Шамаса-Ники, несомнѣннаго Вавилонянина. Флиндерсу Петри, производившему основательныя раскопки въ этой части Эль-Амарны въ 1891 году удалось открыть имя еще одного чиновника, написанное чернилами на камнѣ: „царскій писецъ Ра-Апій“. Онъ думаетъ, не безъ основанія, что это былъ Египетскій директоръ Правленія, подъ чьимъ начальствомъ находился Вавилонянинъ Шамасъ-Ники, при которомъ, въ свою очередь, состоялъ Египтянинъ Тэту-Ну ¹⁾.

Присутствіе иностранца-Вавилонянина объ-

¹⁾ Sayce, у Fl. Petrie, El - A m a r n a, стр. 23.

ясняется тѣмъ, что всѣ дипломатическіе акты написаны клинообразными, т.-е. иностранными для Египта, письменами. Употребленіе этого языка при дворѣ Фараона было нововведеніемъ; ни въ одномъ документѣ болѣе ранняго періода на это нѣтъ никакихъ указаній; не удивительно потому, что къ этой иностранной „дипломатіи“ былъ приставленъ иностранецъ. Какъ намъ извѣстно, Египетскіе гіероглифы изображаютъ буквы, звуки слоговъ и понятія фигурами людей, животныхъ, растеній, всевозможныхъ предметовъ, воспроизведенныхъ съ самой добросовѣстной правдивостью; знаки очень легко узнавать, а для египтологовъ зрительное ихъ чтеніе даже привлекательно и легко. У Вавилонянъ, напротивъ того, письменные знаки, бывшіе вначалѣ фигурами, аналогичными Египетскимъ гіероглифамъ, очень быстро подвергались стилизаціи, а потомъ видоизмѣненію. Употребленіе мягкаго кирпича, какъ матеріала, и стилета для начертанія письменъ привело писцовъ Евфрата къ замѣнѣ прямыхъ или извилистыхъ линій человѣческой и звѣриной фигуры или очертанія предмета рядомъ прямыхъ штриховъ, которымъ стилось придавалъ видъ гвоздя или угла (откуда названіе клинообразныя письмена). Мало-по-малу, звѣзда, голова животнаго, человѣческая рука превратились въ группы штриховъ,

слѣдующихъ другъ за другомъ въ горизонтальномъ или вертикальномъ направленіи; въ настоящее время неопытному глазу такъ же трудно узнать въ нихъ первоначальную фигуру, какъ въ китайскихъ знакахъ, представляющихъ не болѣе какъ силуэты существъ и предметовъ, искаженные преувеличенной стилизаціей.

За то, если клинообразныя письма мало привлекательны для глаза, за ними есть преимущество опредѣленности и легкости начертанія. Вотъ почему, какъ это подтверждаютъ кирпичи Эль-Амарны, они были приняты во всей западной Азіи, вѣроятно, со временъ почти баснословнаго покоренія Сиріи и Месопотаміи Саргономъ Старшимъ, царемъ Вавилонскимъ (3500 лѣтъ до Р. Х.). „Начертаніе этихъ писемъ, — говоритъ Галеви, — есть Вавилонская скоропись; языкъ — обыкновенный Вавилонскій, который въ тѣ времена былъ литературнымъ нарѣчіемъ не только сѣверныхъ Семи-товъ, но всѣхъ народовъ Тавра и Амануса, обладавшихъ нѣкоторой цивилизаціей. По верхнему теченію Евфрата Вавилонское начертаніе было уже принято въ несемитическихъ нарѣчіяхъ этихъ странъ“.

Этому очень любопытному обстоятельству мы обязаны нахожденіемъ среди писемъ Эль-Амарны двухъ посланій, написанныхъ клинообразными знаками, но языкомъ еще неиз-

вѣстнымъ Митанни: мы можемъ прочесть въ этихъ письмахъ звукъ, но не смыслъ. Нѣкоторыя Индо-Европейскія племена передней Азіи тоже приняли Вавилонскія начертанія какъ письменное выраженіе своего языка: въ музеѣ Гимэ имѣется нѣсколько текстовъ одного Индо-Европейскаго языка, найденныхъ Шант-ромъ въ Каппадокіи и начертанныхъ клинообразными письменами.

Несмотря на географическое сосѣдство Вавилонской цивилизаціи, получившей распространенность, благодаря письменности, Египтянамъ, служившимъ въ отдѣлѣ корреспонденціи, нужна была настоящая интуиція, чтобы стоять на высотѣ роли переводчиковъ и редакторовъ. Языкъ и письмо, съ которыми приходилось имѣть дѣло, были настолько трудны, что въ пособіе имъ былъ составленъ словарь, отрывки котораго найдены Петри. Это кирпичи, аккуратно раздѣленные на три столбца: въ первомъ написанъ знакъ письма, идеограмма; во второмъ—его переложеніе въ равнозначущихъ звукахъ Семито-Вавилонскаго нарѣчія, бывшаго въ ходу у разныхъ народовъ западной Азіи; въ третьемъ—произношеніе этихъ знаковъ по-Сумерійски, т.-е. на оригинальномъ Вавилонскомъ языкѣ. Въ одномъ трактатѣ есть указаніе на то, что словарь составленъ „по приказу царя Египетскаго“; от-

сюда можно вывести, что Фараонъ требовалъ отъ своихъ писцовъ основательнаго знанія иностраннаго языка, такъ какъ, въ сущности, Сумерійское произношеніе могло понадобится только тѣмъ, кто хотѣлъ знать всѣ тонкости клинообразнаго начертанія ¹⁾).

Понятно, почему всячески поощрялось изученіе иностраннаго нарѣчія, если мы примемъ во вниманіе, что оно не только употреблялось въ корреспонденціи съ царями или вождями Азіи, но имъ пользовались и сами Фараоны. Длинное посланіе Аменофиса III къ царю Вавилонна составлено на томъ же языкѣ, что и письмо, на которое онъ отвѣчаетъ ²⁾; одинъ изъ послѣднихъ принцевъ Египта писалъ своему отцу, Фараону, клинообразными знаками; Египетскіе губернаторы переписываются съ канцеляріями метрополіи на Вавилонскомъ языкѣ, а не Египетскими гіероглифами ³⁾ Тотъ фактъ, что для дипломатической корреспонденціи употреблялся только этотъ языкъ, имѣетъ важное значеніе для опредѣленія взаимной цѣнности научной и литературной культуры въ Халдеѣ и Египтѣ въ XV вѣкѣ до нашей эры. Но съ исторической точки зрѣнія, на которой мы стоимъ, это интересно еще въ

¹⁾ Petrie, *El-Amarna*, табл. XXXII, 5.

²⁾ *Revue Sémitique*, 1893, стр. 49.

³⁾ *Journal Asiatique*, 1891, I, стр. 213, 215.

одномъ отношеніи: мы видимъ, что въ дѣлѣ управленія своими Азіатскими провинціями, Фараоны выказали хитрость и политическій тактъ, по меньшей мѣрѣ, неожиданные. Болѣе подробное изученіе системы ихъ господства готовитъ цѣлый рядъ неожиданностей для тѣхъ, кто думаетъ, что политика протектората и дипломатическое воздѣйствіе на далекомъ разстояніи суть искусства современности, незнакомое древнимъ.

* * *

Египетъ считалъ себя въ безопасности по отношенію къ Азіи лишь при условіи захвата въ свои руки ключа Сирійскаго пути, который, черезъ Табору, Яффу и Газу всегда приводилъ въ Дельту Азіатскія нашествія, такъ что, когда Фараоны XVII династіи оттѣснили вторженіе Пастуховъ или Гиксовъ за предѣлы Суэзскаго перешейка, всѣ ихъ наслѣдники XVIII династіи (около 1500 года до нашей эры), Тутмесы и Аменофисы, поспѣшили занять эти прибрежные города, получившіе названіе „Ступеней“ Востока — Газа, Аскалонъ, Тиръ, Сидонъ, Арадъ, оттуда они поднялись къ ущельямъ Маджеддо, ключу Палестины, и къ перевалу Кодшу, воротамъ долины Оронте и Верхняго Евфрата.

Побережье и первая плоскогорія Сиріи находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Фа-

раоновъ. На берегу мы уже застаемъ тѣ морскія республики съ Семитическимъ языкомъ и олигархическимъ образомъ правленія, которымъ Эллины въ послѣдствіи дали названіе Финикійскихъ; внутри страны Іерусалимъ и земля Ханаанская заняты другими Семитами, но еще не Евреями Моисея; Исходъ еще, можетъ быть, не начинался или, по меньшей мѣрѣ, не завершился: Евреи находятся въ Египтѣ, блуждаютъ въ Синайской пустынѣ и въ степяхъ за іорданскихъ. По ту сторону, въ передней Азіи, отъ Александрійскаго залива до Персидскаго, простирались государства, одни болѣе недавнія другія очень старинныя: царство Алязія по нижнему теченію Оронте, царство Митанни по верхнему Евфрату, царство Ассира по среднему Тигру, царство Кардуніаша, которое унаслѣдовало могущество Вавилона надъ нижнимъ Евфратомъ. Эти то князьки побережья и плоскогорій и цари переднихъ странъ и шлютъ Фараонамъ, Аменофису III и Аменофису IV, посланія, найденныя въ Эль-Амарнѣ. Первые—вассалы, вторые—союзники; съ одними Фараоны придерживаются политики протектората, съ другими вступаютъ въ союзы.

Посланія ¹⁾, исходящія изъ городовъ Сирій-

¹⁾ Всѣ цитаты сдѣланы по превосходному переводу J. Halèvy, появившемся въ *Journal Asiatique*

скаго побережья, изъ Палестины и изъ долины Оронте, однимъ словомъ, изъ всей Египетской провинціи Сиріи, гласятъ, что у Фараоновъ ни въ одномъ изъ этихъ городовъ не было представительства ни въ лицѣ живущихъ въ нихъ Египетскихъ чиновниковъ, ни въ видѣ постоянной военной силы. Въ Тирѣ, Сидонѣ, Библосѣ, Іерусалимѣ мы встрѣчаемъ и царскихъ подручниковъ, называвшихся хазани; „ихъ города принадлежатъ имъ; ихъ подданные склоняются передъ ними“. Это не Египтяне, ихъ имена показываютъ, что они туземцы; часто они происходятъ изъ старинныхъ мѣстныхъ родовъ; иногда они обладаютъ царскимъ титуломъ; иногда хазани являются преемниками царей. Быть можетъ, Египетская политика покровительствовала олигархическому раздѣленію въ ущербъ монархіи, болѣе грозной для иностранцевъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, Арадѣ, Тунипу, нѣтъ ни царя, ни хазани: это небольшія республики; совѣтъ сановниковъ, „дѣти города Тунипу“, или „жители города Иргеты“ непосредственно сносятся съ Фараономъ ¹⁾). Во всѣхъ случаяхъ эти мѣстности

съ 1890 по 1892 г.г. и la Revue Sémitique, 1893—1894. Кромѣ того, я воспользовался поучительными статьями P. Delattre (Revue des Questions historiques т. LI—LX, 1892—1896) и классической Исторіей Г. Масперо.

¹⁾ Revue Sémitique, 1894, стр. 16.

пользуются самоуправленіемъ и обращаются къ Египетской канцеляріи безъ посредниковъ.

Выраженія, въ какихъ тѣ или другія изъ мѣстныхъ властей изъясняютъ свое подданство, полны забавной покорности: „Царю, моему владыкѣ, моему богу, моему солнцу, царю владыкѣ моему, сказано слѣдующее: «Я, хазану города... твой слуга, прахъ ногъ твоихъ и земля, которую ты попираешь, доска твоего сидѣнія, скамейка для ногъ твоихъ ¹⁾, копыто коней твоихъ, я семикратно припадаю животомъ и спиной къ пыли у ногъ царя, моего владыки, солнца небесъ». Главныя свойства хазани, ихъ значеніе и лучшія качества, которыя они себѣ приписываютъ, выражаются ими слѣдующимъ образомъ: „Я слуга царя, домашній песь его, я стерегу всю страну... для царя, моего владыки“ ²⁾).

Въ обычное время переписка сводится къ нѣсколькимъ образцамъ: въ странѣ спокойно, царскихъ повелѣній слушаются, подати правильно направляются въ Египетъ. Такъ, городской голова Сидона пишетъ: „Царь мой владыка, извѣщается, что городъ Сидонъ, рабъ,

¹⁾ Псалмы Евреевъ, въ свою очередь гласятъ: *donec ponam inimicos tuos scabellum pedum tuorum.*

²⁾ *Journal Asiatique*, 1892, I, стр. 272; *Revue Sémitique*, 1894, стр. 110.

довѣренный мнѣ, спокоенъ. Когда я узналъ приказъ, посланный мнѣ царемъ, моимъ владыкой, сердце мое преисполнилось радости, я поднялъ голову, лицо и глаза мои просіяли, когда я исполнилъ приказъ царя, моего владыки... вотъ: твой слуга посылаетъ тебѣ сто быковъ и рабынь. Къ свѣдѣнію царя, моего владыки, солнца небесъ“ ¹⁾).

Если Фараонъ отправляетъ посла, обозъ съ товарами или отрядъ стрѣльцовъ, хазану обязанъ ихъ сопровождать, обезпечивать ихъ безопасность и продовольствіе: „Царь, мой владыка, солнце небесъ, направилъ ко мнѣ посланника Гамія; вотъ: я выслушалъ приказъ царя съ величайшимъ вниманіемъ... я со своими отрядами и повозками, съ братьями и воинами, мы отправились навстрѣчу отрядамъ стрѣльцовъ къ мѣсту, указанному мнѣ царемъ“. Когда самъ царь посѣщаетъ свою Сирійскую провинцію, вѣрный слуга долженъ кормить его и его отряды: „Царь, мой владыка, съ его многочисленными отрядами возвращается въ свои страны, и вотъ, я выслалъ крупный скотъ и запасы масла навстрѣчу великому войску царя, моего владыки“. Въ бѣдныхъ горныхъ провинціяхъ иной хазану не въ состояніи исполнить эти повинности и униженно

¹⁾ Journal Asiatique, 1891, II, стр. 170.

униженно просить прощенія: „Пусть царь, мой владыка, пошлетъ за масломъ: у меня, нѣтъ ни коней, ни повозокъ, чтобы отправиться навстрѣчу царю, а сына своего я послалъ въ страну царя, моего владыки“ ¹⁾).

Чтобы досмотрѣть за точнымъ выполненіемъ его приказовъ, у Фараона есть свои Вѣстники, „очи и уши царя въ чужеземныхъ странахъ“, какъ выражаются Египетскіе протоколы. Они поставлены выше всѣхъ туземныхъ правителей; за очень рѣдкими исключеніями, это Египтяне и видные сановники двора Фараоновъ. Ихъ разслѣдованія очень боятся: „Пусть царь, мой владыка, спроситъ у всѣхъ своихъ вѣстниковъ, вѣрный ли я слуга моего царя; пусть царь спроситъ такого-то, онъ увидитъ, что это правда“. Эти инспектора могли быть и постоянными, но у нихъ не было опредѣленнаго мѣста жительства. Они властно вмѣшиваются въ затруднительныхъ случаяхъ, съ обязательствомъ однако давать отчетъ Фараону.

А затруднительные случаи бывали нерѣдко. Изъ этой переписки Египетская провинція Сиріи представляется намъ какъ ~~бывшее~~ ~~раздробленной~~ на мелкія автономныя области.

¹⁾ Revue Sémitique, 1893, t. I, p. 304—314; Journal Asiatique, I, стр. 297. 312—325.

находящіяся въ постоянномъ соперничествѣ; между тѣми или другими хазану возникаютъ непрерывныя столкновенія, и самые эти раздоры какъ будто бы нравятся Фараону, который находитъ въ нихъ элементы своего могущества, искусно выражая то благоволеніе, то строгость, и всюду заставляя считаться со своей волей, какъ съ конечной инстанціей. Со всѣхъ сторонъ прибѣгаютъ къ помощи Фараона; то разбойники грабятъ такой-то городъ, то хазану безсовѣстно захватываютъ участки земли, принадлежащія сосѣднимъ городамъ: „Знай, о царь, что разбойники возмутили эти города противъ меня.... я какъ птица, попавшаяся въ сѣти или въ клѣтку... Пришли мнѣ стрѣльцовъ изъ Египта“. Испрашиваемое количество болѣе чѣмъ умѣренно: губернаторъ Маджеддо проситъ о присылкѣ двухъ стрѣльцовъ; губернаторъ Тира спрашиваетъ двадцать, Библоса — четырехъ съ двадцатью колесницами (колесницы Египта были въ то время неотразимы; Гомеровскіе воины заимствуютъ свои колесницы у Египтянъ); въ особенно затруднительныхъ случаяхъ повышаютъ число до двухсотъ Египетскихъ солдатъ ¹⁾. Эти данныя показываютъ, что Фараоны не содержали въ

¹⁾ *Journal Asiatique*, 1891, I, стр. 252, 244; 1892, I, стр. 310.

Сирии постояннаго гарнизона. Губернаторы пользуются своими собственными войсками, но они желаютъ присылки нѣсколькихъ Египетскихъ солдатъ, играющихъ, несомнѣнно, роль инструкторовъ и составляющихъ кадры изъ туземныхъ войскъ, по тому же приему, какимъ пользуемся мы въ Сенегалѣ, въ Тонкинѣ, въ Марокко.

Изъ многочисленныхъ „дѣлъ“, о которыхъ идетъ рѣчь въ перепискѣ Эль-Амарны, есть два, которыя, приблизительно, доступны разбору во всей своей послѣдовательности и даютъ очень живую картину египетской политики въ Сирии. Это дѣла Азиру и Арадъ-Гиба. Вотъ, вкратцѣ, ихъ изложеніе по разборамъ Галеви и Делатръ.

* * *

Въ одномъ округѣ сѣверной Финикии, называемомъ страной Амури, на хазану Азиру Фараону отправленъ доносъ его товарищемъ изъ Библоса, по имени Рабимуръ ¹⁾. Несмотря на завѣренія покорности, которыя онъ шлетъ Египетскому послу Дуду, Азиру формально обвиняется въ умерщвленіи трехъ царей сосѣднихъ городовъ и всѣхъ сановниковъ страны съ цѣлью присоединенія ихъ городовъ къ

¹⁾ P. Delattre, Azirou въ Proceedings of the Society et Biblical Archaeology, т. XIII, стр. 215.

своей области. Азиру оправдывается и пишетъ: „Сановники города Сумури не оставляли меня въ покоѣ, и никакого проступка по отношенію къ царю, моему повелителю, я не совершилъ“. Тутъ вмѣшивается новое лицо, которое пишетъ сухо: „Именемъ царя, твоего владыки, управителю города Амури“: это можетъ быть только египетскій инспекторъ, передававшій отвѣтъ Фараона на сдѣланное Рабимуромъ донесеніе:

„Истинно, говоритъ онъ ему, ты не съ царемъ твоимъ владыкой. Если ты хочешь принести царю повинную, въ какой наградѣ отказалъ бы тебѣ царь? Но если ты хочешь продолжать дѣйствовать такимъ образомъ, мятежъ въ сердцѣ твоемъ, и ты умрешь вмѣстѣ съ твоимъ семействомъ. Подчинись царю, твоему владыкѣ, и ты останешься въ живыхъ... Я говорю тебѣ: покинь вершину этой горы (гдѣ Азиру укрылся) и явись передъ лицо царя, твоего владыки; или же пошли сына твоего къ царю. Развѣ нѣтъ у тебя дѣтей, которыя могли явиться? Знай, что царь могущественъ какъ солнце на небѣ, и что отряды его и колесницы многочисленны въ Верхней и въ Нижней странѣ, отъ востока до запада“ ¹⁾.

¹⁾ Сличить J. Halévy, *Journal Asiatique*, 1891, II, стр. 176.

Поставленный въ необходимость личного самооправданія при дворѣ Египетскаго царя, Азиру предусмотрительно избѣгаетъ отказаться: онъ пишетъ съ разныхъ концовъ посланникамъ Дуду и Хаи, и самому Фараону, что онъ выѣзжаетъ, что онъ уже ѣдетъ... и остается. Извѣщая о своемъ отъѣздѣ, онъ упоминаетъ о нападеніи царя Хетовъ на городъ Тунипу: кто защититъ этотъ городъ, если онъ, Азиру, не останется на своемъ посту? „Я и сынъ мой, мы вѣрные слуги царя; и такъ, я и онъ, мы немедленно пускаемся въ путь...; пусть знаетъ мой повелитель, что я спѣшу повиноваться. Но царь поручилъ мнѣ защищать его владѣнія, и теперь царь Хетовъ въ странѣ Нухасси, въ городѣ Тунипу... я опасаюсь за владѣнія моего хозяина“. — Отправился ли Азиру въ Египетъ? Дѣло его обрывается въ эту, роковую для него, минуту. Если судить по прежнимъ случаямъ, Азиру, должно быть, счумѣлъ избѣжать страшнаго испытанія—явиться лично или послать сына въ качествѣ заложника въ руки Фараона.

Дѣло Арадъ-Гиба сложнѣе: здѣсь замѣшано личное соперничество чиновниковъ и щекотливый вопросъ дипломатической неприкосновенности ¹⁾. Арадъ Гиба былъ губернаторомъ

¹⁾ J. Halévy. Un gouverneur de Jérusalem vers la fin du XV siècle a. J.-C., въ Revue

Іерусалима. Имя Израиля, впрочемъ, нигдѣ не упомянуто въ его письмахъ; оно встрѣчается на одной Египетской стѣлѣ Фараона Минефта (около 1250 года до Р. Х.), который хвалится тѣмъ, что подавилъ Израиля въ Сиріи въ то время, когда, по преданію, Израильтяне находились еще въ Египтѣ. Но имя Арадъ-Гиба указываетъ на его Семитическое происхожденіе. У него оспаривали власть Милькили и Шумардата, туземные агенты Египетскаго правительства. Послѣдніе обвиняли его въ соучастіи съ шайками разбойниковъ, грабившихъ Палестину по приказу Бурнабуріаша, царя Вавилона: иррегулярныя войска Вавилонскаго царя нарушили союзъ своего повелителя съ Египетскимъ царемъ, потому что Бурнабуріашъ былъ имъ серьезно оскорбленъ.

Въ одномъ письмѣ къ Аменофису IV онъ говоритъ объ отправленіи посольства, снабженнаго подарками, въ Египетъ:

„Мои уполномоченные, до тѣхъ поръ благополучно совершавшіе путь, были застигнуты насильственной смертью въ Палестинѣ. Они покинули твоего добраго брата, чтобы явиться къ тебѣ, когда, по прибытіи въ городъ Акру, сопровождавшіе ихъ (отъ лица Фараона) умертвили

моихъ уполномоченныхъ и завладѣли подарками... Это Шумардата отрѣзалъ ноги моимъ людямъ и вырвалъ у нихъ пальцы; что касается другого, онъ первый, по чьему наущенію ихъ головы попирали ногами... Допроси этихъ людей, произведи разслѣдованіе, собери свѣдѣнія, и ты узнаешь правду. Земля Палестинская твоя земля, и цари ея твои данники; это въ твоей странѣ мнѣ былъ причиненъ ущербъ. Повели произвести слѣдствіе, повели вернуть отнятое золото и повели казнить людей, умертвившихъ моихъ людей, и пусть пролитая ими кровь падетъ на ихъ головы. Если ты не казнишь смертью этихъ людей, мои военачальники убьютъ всѣхъ твоихъ людей и твоихъ посланниковъ, такъ что отнынѣ всякія сношенія между нами прекратятся, и солдаты ихъ будутъ поступать съ тобой, какъ съ врагомъ ¹⁾“.

Эти угрозы были приведены въ исполненіе, но Шумардата обвинилъ Арадъ-Гиба въ покровительствѣ предпріятіямъ Вавилонянъ, и вопросъ объ умерщвленіи пословъ ступшевывается передъ личнымъ соперничествомъ уполномоченныхъ Египетскаго царя.

Арадъ-Гиба пишетъ царю пламенные посланія: „Кто же осудилъ мои дѣйствія, глубоко

¹⁾ Journal Asiatique, 1899, II, ст. 325.

клевета передъ царемъ, моимъ владыкой, говоря: «Арадъ-Гиба измѣнилъ своему владыкѣ?» Смотри: вѣдь не слуги моего отца и не слуги моей матери доставили мнѣ это мѣсто; это рука царя могущественнаго ввела меня въ домъ отца моего. Почему же бы я принялъ на себя преступленіе невѣрности и предательства по отношенію къ царю ¹⁾?)“ Арадъ-Гиба желалъ бы оправдаться лично. „Я сказалъ себѣ: отправлюсь къ царю, увижу города царя, но у меня есть сильный врагъ, и я не могу достигнуть до царя“. И не желая пренебречь ни однимъ средствомъ удачи, Арадъ-Гиба трижды заключаетъ свои посланія припиской, относящейся къ царскому писцу: „Писцу царя моего владыки сказано слѣдующее: Я Арадъ-Гиба, твой слуга, я повергаю себя къ стопамъ моего владыки. Я твой слуга. Снеси благопріятныя слова (въ мою пользу) царю, моему владыкѣ. Я слуга царя, а также и твой ²⁾“ Мы видимъ, что „ходатайства“ канцелярій имѣли свое значеніе для удачнаго исхода дѣла со временъ XVIII династіи.

Ходатайства были тщетны. Аменофисъ IV какъ будто бы склонился въ пользу Шумардаты и Милькили: они получили приказъ низ-

¹⁾ Journal Asiatique, 1891, II, стр. 519.

²⁾ Journal Asiatique, 1891, II, стр. 524, 527, 529.

ложить Арада-Гиба силой. Долго наемники, бывшіе на содержаніи соперничающихъ управителей, и разбойники опустошали Палестину. Арадъ-Гиба покинулъ Іерусалимъ, чтобы вести войну въ Палестинѣ, а управление вручилъ одной женщинѣ, Белитнеши, которая дважды писала Фараону въ его пользу ¹⁾. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась борьба. Бурна-буріашъ и Аменофисъ IV помирились, что же касается Арада-Гиба, онъ вѣроятно, въ концѣ-концовъ, палъ подъ ударами соперничающихъ самолюбій.

Въ теченіе этихъ раздоровъ, превращающихъ ихъ богатую провинцію Сиріи въ поле битвы, Фараоны выказываютъ часто равнодушіе, которое было бы непонятно, если бы не было предумышленно. Мы знаемъ, по жалобамъ данниковъ, что ихъ отвѣты на донесенія приходили съ промедленіемъ, если только приходили. Разсмотрите это посланіе маленькой республики Тунипу, которая спрашиваетъ себя, покровитель ей Фараонъ или нѣтъ:

„Городъ Тунипу, слуга твой, говоритъ: Кто нѣкогда отличилъ городъ Тунипу? Развѣ не Аменофисъ III отличилъ его? Съ той поры боги и статуя Египетскаго царя, нашеголадыки, пребывали въ городѣ Тунипу. Пусть

¹⁾ Journal Asiatique, 1892, I, стр. 302—304.

нашъ владыка справится въ архивахъ того времени, принадлежимъ ли мы нашему владыкѣ, царю Египта! Мы отправили уже двадцать писемъ царю, нашему владыкѣ, и посланники наши остались у нашего владыки... Теперь городъ Тунипу, твой городъ, плачетъ, слезы его льются, и нѣтъ никого, кто бы помогъ намъ. Мы написали уже двадцать писемъ царю Египта, и ни одного отвѣта не пришло къ намъ отъ нашего владыки“ ¹⁾).

Существуетъ болѣе сотни писемъ подобнаго рода въ актахъ Эль-Амарны. Вывести ли отсюда заключеніе о закоренѣлой небрежности Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Египтѣ? Вѣрнѣе будетъ допустить, что Восточныя добродѣтели медлительности, осторожности, обдуманнаго бездѣйствія были въ ходу въ дипломатіи Фараоновъ. Царь Египта, повидимому, умѣлъ сообразовать свою дѣйственность съ неотложностью дѣлъ; во многихъ случаяхъ выиграть время, предоставить событія своему ходу и выжидать, съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться въ рѣшительную минуту, было лучшимъ врачеваніемъ легкихъ хроническихъ недуговъ въ странахъ, находившихся подъ протекторатомъ. И, кромѣ того, эти междоусобія были важны для поддержанія иноземной гегемоніи: раздѣ-

¹⁾ *Revue Sémitique*, 1894, стр. 16.

лять, чтобы царствовать—этотъ принципъ создалъ силу Фараона въ странѣ, которую онъ удостаивалъ изображеніями боговъ и своей собственной божественной особы ¹⁾, но гдѣ у него были одни дипломаты и кадры офицеровъ безъ постоянныхъ отрядовъ войска.

* * *

Съ крупными державами Тавра и Эвфрата, Алязіей, Митанни, Ассиріей, Кардуніашемъ (Вавилонъ), Египетская дипломатія придерживается другой политики. Цѣль Фараоновъ—окружить Сирійскія провинціи полосой государствъ - буферовъ, которыя ослабляли бы столкновенія между страной Ханаанской и кочевыми племенами Средней Азіи, изъ которыхъ наиболѣе угрожающими были Хеты. Эта роль выпала на долю старыхъ династій Ассура и Вавилона, значительно утратившихъ свой прежній блескъ, но все еще грозныхъ и вліятельныхъ; а иногда Фараонъ возводитъ на степень союзниковъ выскочекъ, царствовавшихъ въ Алязіи и Митанни.

Это уже не отношеніе покровителя къ данникамъ: каждый изъ этихъ варваровъ смотритъ на Фараона какъ на равнаго. „Царю Египта, брату моему, говорится: «Я царь Аля-

¹⁾ *Revue Sémitique*, 1893, стр. 316.

зіи, твой братъ, я здоровъ и посылаю горячіе привѣты тебѣ, твоимъ роднымъ, твоимъ служанкамъ, твоимъ дѣтямъ, твоимъ женамъ, съ искреннимъ поздравленіемъ по случаю многочисленныхъ колесницъ твоихъ и коней и съ пожеланіями странъ твоей, Египту»¹⁾.

Царь Ассирійскій, отъ котораго до насъ дошло только одно письмо, пишетъ болѣе сухо: „Аменофису IV, брату моему сказано: «Миръ тебѣ, твоимъ роднымъ, твоей странѣ»»²⁾. Тонъ переписки сердеченъ, если монархи соединены кровными узами родства: „Аменофису III, великому царю Египта, моему брату, моему зятю, котораго я люблю, который меня любитъ, сказано: «Я, Душратта, великій царь страны Митанни, твой братъ, твой тестъ, который любитъ тебя, я здоровъ и шлю тебѣ свои привѣтствія, тебѣ моему брату и зятю, твоимъ роднымъ, твоимъ женамъ, твоимъ сыновьямъ, твоимъ слугамъ³⁾». Со своей стороны, Аменофисъ IV, обращаясь къ царю Кардуніаша, употребляетъ точно такія же выраженія⁴⁾. Изъ этихъ отрывковъ ясно слѣдуетъ, что дипломатическій формуляръ существовалъ уже въ тѣ времена, чтобы придать перепискѣ корректность, единообразіе

1) *Journal Asiatique*, 1890, II, стр. 335.

2) *Journal Asiatique*, 1890, II, стр. 331.

3) *Journal Asiatique* 1890, II, стр. 348.

4) *Revue Sémitique*, 1893, стр. 49.

редакціи съ оттѣнками личнаго расположенія.

Послѣ обмѣна установленныхъ привѣтствій, монархи взаимно дѣлились состояніемъ здоровья. Одно письмо Бурнабуриаша служитъ примѣромъ потѣшной обидчивости въ этомъ отношеніи:

„Съ того дня, какъ явился ко мнѣ посланникъ брата моего, я не былъ здоровъ. Во время моего нездоровья братъ мой не подбодрилъ меня. Я сердился на брата моего, говоря: «Не слыхалъ развѣ братъ мой, что я боленъ? Почему не шлетъ онъ своего гонца и не заботится обо мнѣ?» Посланникъ брата моего отвѣтилъ: «Страна не настолько близка, чтобы братъ твой успѣлъ узнать объ этомъ и могъ отправить къ тебѣ посланника справиться о тебѣ»... Дѣйствительно, я узналъ отъ моего вѣстника, и онъ сказалъ мнѣ: «Это очень далекое путешествіе». Съ тѣхъ поръ я пересталъ сердиться на брата моего ¹⁾“...

Душратта, царь Митанни представляетъ на показъ свое жестокое горе при извѣстии о смерти Аменофиса IV, и въ слѣдующихъ выраженіяхъ пишетъ его сыну: „Когда отецъ твой былъ при смерти... въ этотъ же день я плакалъ и заболѣлъ и былъ при смерти... (но

•

¹⁾ Journal Asiatique, 1890, II, стр. 321.

я узналъ о событіи) отъ старшаго сына Аменофиса и Тіи и сказалъ: «Аменофись не умеръ ¹⁾»... Письмо сильно повреждено, но, несмотря на пробѣлы, ярко выступаетъ эта любопытная чувствительность.

Обмѣнявшись любезностями, обращались къ серіознымъ дѣламъ: политическимъ союзамъ, брачнымъ союзамъ, торговымъ договорамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Тутмесь III окончательно закрѣпилъ за Египтомъ Ханаанскую землю, Египетскій дворъ понялъ, что только союзы могли сдѣлать это покореніе прочнымъ. Это упоминаетъ каждый изъ корреспондентовъ Аменофиса IV послѣ того, какъ послѣдній становится царемъ. „Теперь, о, государь, когда ты вступилъ на престолъ отца твоего, подобно тому, какъ мы находились въ добромъ согласіи другъ съ другомъ, отецъ твой и я, взаимно обмѣниваясь подарками, точно такъ же установимъ ты и я постоянную дружбу между собой. Съ такимъ же пожеланіемъ обратился я къ отцу твоему; прими его и осуществимъ его между собой ²⁾“.

Для безопасности Фараона въ Сиріи было необходимо, чтобы мятежные города, ничтожные порознь, не находили никакой поддержки

¹⁾ Journal Asiatique, 1890, II, стр. 423.

²⁾ Journal Asiatique, стр. 344.

со стороны Вавилона или Ниневіи. Съ другой стороны, Фараонъ, вступая въ союзъ съ тѣмъ или инымъ изъ своихъ сосѣдей, тѣмъ самымъ давалъ ему перевѣсъ надъ его соперниками и укрѣплялъ его могущество въ Азіи. Взаимную выгоду этой политики для Египта и Вавилона ясно выражаетъ одно письмо Бурнабуріаша, гдѣ онъ упрекаетъ Аменофиса IV въ холодности:

„Во время отца моего, Куригальцу, одинъ Ханаанскій царь сказалъ ему черезъ своего посланника: «Войдемъ въ городъ Кармишатъ, двинемся общими силами на Фараона.»—Мой отецъ послалъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Откажись отъ мысли о соглашеніи со мной; если ты хочешь относиться къ царю Египта какъ къ врагу, ищи другого союзника; я не пойду и не стану опустошать его страну, ибо онъ мой союзникъ». Вотъ какъ отецъ мой изъ любви къ твоему отказался выслушать его ¹⁾“.

Сказавъ это, Бурнабуріашъ приступаетъ къ вопросу, въ которомъ заинтересованъ лично: „Нынѣ царь Ассирійскій мой данникъ: мнѣ незачѣмъ говорить тебѣ, почему онъ явился просить твоей дружбы; если ты любишь меня, пусть никакого договора не будетъ заключено (между вами), оттолкни его подальше“. Фа-

¹⁾ Journal Asiatique, стр. 328.

раону же выгодно было удерживать равновѣсіе между всѣми царями. Изъ одного письма Ассирійскаго царя мы узнаемъ, что къ нему были отправлены послы изъ Египта и что такой же традиціонный союзъ существовалъ между Өивами и Ниневіей, какъ и между Өивами и Вавилономъ ¹⁾).

Кровныя узы родства были необходимы, чтобы скрѣпить и облегчить дипломатическія сношенія; завязывать матримоніальные переговоры было тогда, какъ и въ наши дни, одной изъ важнѣйшихъ задачъ посланниковъ, Египетскихъ и Азіатскихъ. Мы прекрасно освѣдомлены объ этой любопытной сторонѣ ихъ обязанностей по отношенію къ царямъ Митанни и Вавилона,

Письма Душратты, царя Митанни, показываютъ, съ какимъ упорствомъ добивались Фараоны руки какой-нибудь варварской принцессы, которая своимъ присутствіемъ въ Өиван-

¹⁾ Journal Asiatique, стр. 329. — Ни одинъ изъ этихъ союзныхъ договоровъ до насъ не дошелъ, за то на стѣнахъ Өиванскихъ храмовъ сохранились копии договора, заключеннаго столѣтіемъ позднѣе между Рамзесомъ II и царемъ Хетовъ. Оригиналъ этого договора вырѣзанъ на серебрянной дощечкѣ и въ точности воспроизводитъ условія одного изъ предыдущихъ договоровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подобными дипломатическими договорами обмѣнивались со временъ Аменофисовъ.

скомъ гаремѣ служила залогомъ вѣрности ихъ отцовъ Египетской политикѣ. Ситатама, дѣдъ Душратты, отдалъ руку своей дочери только послѣ семикратныхъ посланничествъ Тутмеса IV; Аменофису III пришлось шесть разъ испрашивать сестру Душратты, а когда у него просили его собственную дочь, Тадухипу, Аменофису IV, онъ явилъ величайшее благоволеніе, отвѣтивъ сразу: „Мою дочь, я отдаю ее тебѣ“. Вотъ какъ велись переговоры ¹⁾. Аменофисъ IV, въ то время простой наслѣдный принцъ, отправилъ чрезвычайнаго посла, по имени Манэ, съ подарками и письмомъ своего отца, Аменофиса III, составленнымъ слѣдующимъ образомъ: „То, что я теперь посылаю тебѣ, это ничто... но если ты дашь мнѣ жену, которую я желаю, подарки послѣдуютъ (въ бѣльшемъ количествѣ)“. Пословъ Душратты допустили осмотрѣть груду золота, безчисленные подарки, предназначенные для отца будущей царицы. Душратта принялъ Египетскаго посланника и, получивъ подарки, велѣлъ сказать царственному жениху: „Великая дружба связывала твоего отца и меня; теперь у меня будетъ еще больше любви къ тебѣ,

¹⁾ Journal Asiatique, стр. 421. Сличить Revue Sémitique, 1893, стр. 124 и Zeitschrift für ägyptische Sprache, 1890, стр. 114.

его сыну ¹⁾“. Это великодушіе нисколько не помѣшало Душраттѣ горько сѣтовать въ послѣдствіи на то, что его лишили части обѣщанныхъ подарковъ, которые такъ и не были посланы.

Матримоніальные переговоры съ Вавилонскимъ дворомъ встрѣчали рядъ затрудненій. Аменофисъ III женился на сестрѣ Каллимы-Сина, царя Кардуніаша; нѣсколько лѣтъ спустя онъ потребовалъ себя въ новыя жены собственную дочь Каллимы-Сина. Послѣдній отказалъ, вовсе не потому, однако, что соперницей дочери его, Зугарти, была бы ея собственная тетка; со дня ея вступленія въ гаремъ Фараона, ни одинъ изъ Вавилонскихъ посланниковъ ея не видалъ и ничего о ней не слышалъ. Что такое могъ дѣлать Фараонъ со своими иноземными женами? Прежде, чѣмъ отдать свою дочь, Каллима-Синъ желалъ бы узнать, въ чемъ дѣло.

Затрудненіе было серьезное, такъ какъ Аменофисъ III сообщаетъ о немъ цѣликомъ въ единственномъ, дошедшемъ до насъ, письмѣ ²⁾; „Я узналъ—пишетъ онъ Каллимѣ-Сину—объ этихъ словахъ, съ которыми ты обратился ко мнѣ: „Какъ просишь ты меня выдать за тебя

²⁾ Journal Asiatique, 408—409.

¹⁾ Revue Sémitique 1893, стр. 49.

дочь, тогда какъ сестра моя, которую даль тебѣ мой отецъ, находится у тебя тамъ и никто ея не видалъ; что же, жива ли она или умерла?”.

Намъ неизвѣстно, дѣйствительно ли съ Вавилонской принцессой произошло несчастье; Аменофисъ отвѣчаетъ на это въ туманныхъ выраженіяхъ. Онъ приводитъ еще и другія сѣтованія своего корреспондента. Каллима-Синъ напоминаетъ, что однажды его посланника ввели въ гаремъ, когда всѣ жены Фараона были въ сборѣ, и сказали ему: „Вотъ ваша госпожа передъ вами“. Посолъ не узналъ ея, и не могъ опредѣлить, которая изъ этихъ женщинъ была сестрой его царя. На это Фараонъ отвѣчаетъ: „Посланный тобой не былъ знатнаго рода, который зналъ бы (раньше) твою сестру и могъ, обратившись къ ней, узнать ее и вступить въ бесѣду. Посланники, которыхъ ты направляешь, люди низкаго званія; напри- мѣръ, Загара—погонщикъ мелкаго скота, и нѣтъ ни одного изъ приближенныхъ отца твоего“. Но Каллима-Синъ отвѣчаетъ: „Это какую-нибудь изъ знатныхъ дочерей видѣли у тебя мои посланники; кто скажетъ, что (это моя сестра)? Новый отвѣтъ Фараона: „Если бы сестра твоя умерла, зачѣмъ было бы скрывать это отъ тебя?“

Сцена забавна, и, не предполагая престу-

пленія, легко объяснить ее себѣ растерянностью простолюдина возведеннаго Каллимои-Синомъ въ посланники, который, попавъ въ гаремъ Фараона, утратилъ всякую способность распознавать людей и предметы. Можно представить себѣ жалкій видъ бѣднаго Азіата, плохо одѣтаго, безъ всякихъ манеръ, посреди жужжащаго улья, передъ лицомъ насмѣшливаго Фараона и сотни царицъ, веселыхъ, шутивыхъ, сверкающихъ драгоценностями, нагихъ подъ прозрачнымъ газомъ. Отрывокъ изъ Приключеній Синугита ¹⁾ даетъ намъ представленіе о томъ, что тамъ произошло.

Синугить, герой сказки, долгое время прожилъ изгнанникомъ въ Азіи; возвращенный царской милостью, онъ былъ приведенъ къ Фараону въ присутствіи царицъ и двора. Синугить чувствуетъ, что у него подкашиваются ноги, и онъ теряетъ сознаніе; между тѣмъ, царь говоритъ царицѣ: „Вотъ вернулся Синугить, разряженный какъ Азіатъ!“ И царица залилась громкимъ смѣхомъ, и дѣти царскія расхохотались всѣ сразу. Но Синугить былъ знатнымъ Египетскимъ вельможей; во сколько же смѣшнѣе держалъ себя посланникъ Каллимы-Сина!

¹⁾ Conte de la XII dynastie.—См. Maspero, *Les contes populaires de l'Egypte ancienne*, 3-е изд., стр. 78.

Впрочемъ, заботливость Вавилонскаго царя трогательна. Едва ли была особенно завидной доля этихъ принцессъ, оторванныхъ отъ варварскихъ дворовъ, страны Хетовъ и Митанни, даже отъ утонченнаго двора Вавилона, и перенесенныхъ въ этотъ Египетскій міръ, гдѣ нравы, обычаи, языкъ, понятія были такъ отличны. Правда, будущія царицы увозили съ собой свиту изъ женщинъ и слугъ, иногда до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ ¹⁾, которые замѣняли имъ „домъ“ и „часовню“, и играли ту же роль, что Флорентійцы, сопровождавшіе во Францію принцессъ изъ семьи Медичи, или Французы, сопровождавшіе Генріетту Французскую въ Лондонъ. Иногда—какъ это показываютъ письма Эль-Амарны—имъ посылали изъ Азіи даже изваяніе Владычицы Небесной Истаръ-Астарты, чтобы дать имъ нѣкоторое утѣшеніе ²⁾.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ добрая богиня пускалась въ обратный путь, на родину, и увозила съ собой воспоминанія дѣтства принцессъ.

¹⁾ Одна легенда, вырѣзанная на Египетскомъ скарабѣѣ, гласитъ, что 317 женщинъ сопровождало Килатипу, принцессу Митанни, на которой женился Аменофисъ III (Сл. *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, 1880, стр. 81; 1890, стр. 112).

²⁾ *Revue Sémitique*, 1893, стр. 124.

Мы находимъ въ письмахъ еще одну подробность. Фараоны неохотно отвѣчали взаимностью и обыкновенно отказывались выдавать своихъ дочерей или сестеръ за ихъ Азіатскихъ союзниковъ. Дѣвушки „божественной крови“ были не для ложа этихъ воякъ; Египетскихъ Марій-Луизъ не отдавали Наполеонамъ Митанни или Кардуніаша. На это громко жалуются Вавилонскій царь:

„Когда я испрашивалъ руку твоей дочери, ты отвѣтилъ, говоря: «Никогда дочь Египетскаго царя не бывала дана никому»... Когда мнѣ доложили эти слова, я послалъ сказать тебѣ слѣдующее: «Если ты посылаешь ее мнѣ съ сожалѣніемъ, я предпочитаю, чтобы ты вовсе не посылалъ ее». У тебя нѣтъ ко мнѣ братскаго расположенія. Когда ты сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи освятить союзъ нашъ бракомъ, я отозвался на это съ добротой брата; а теперь, братъ мой, когда я выражаю тебѣ желаніе укрѣпить нашъ союзъ бракомъ, почему отказываешь ты выдать за меня дочь твою? Почему не даешь ея мнѣ? Если бы еще я отказалъ тебѣ въ этомъ, это было бы понятно, но мои дочери были въ твоемъ распоряженіи, я ни въ чемъ тебѣ ни отказалъ ¹⁾.

¹⁾ Journal Asiatique, 1890, II, стр. 310.

* * *

Правда, Фараоны умѣли вознаграждать своихъ Азіатскихъ союзниковъ. Отказывая имъ въ женахъ, они посылали имъ золото: вотъ въ чемъ заключалась тайна ихъ неотразимаго вліянія и расплата за всѣ униженія. „Пошли мнѣ золота..; я пошлю за твоимъ золотомъ...; нѣкогда отецъ твой посылалъ моему отцу много золота..; ты долженъ послать мнѣ такое же количество золота, какъ посылалъ твой отецъ...“ ¹⁾ Таковы фразы, постоянно повторяющіяся въ перепискѣ Эль-Амарны; нѣтъ, пожалуй, ни одного письма, гдѣ бы рѣчь не шла о золотѣ, которымъ въ изобиліи располагають Фараоны, и на которое направлены всѣ вождедѣнія Азіатовъ. Фараоны, дѣйствительно, были очень богаты: Абиссинія, розсыпи Этбая и Синая доставляли имъ въ громадномъ количествѣ золото, и самородное, и добытое путемъ промывки, драгоценныя каменья, такъ что сложилась поговорка, часто повторявшаяся Азіатскими царями: „Въ Египтѣ у царя золота что пыли...“ „дорожная пыль это чистое золото“... ²⁾

Не изъ одной жадности просили золота Азіатскіе союзники: они требовали его во имя настоящихъ торговыхъ договоровъ, которые

¹⁾ *Journal Asiatique*, стр. 311, 317, 322, 328, 341. *Ср. Revue Sémitique*, 1893. стр. 121.

²⁾ *Journal Asiatique*, 1890, II, стр. 331, 353, 425.

присоединялись къ союзамъ по кровному родству. Всѣ эти Семитическіе цари были опытными торговцами, ловкими промышленниками, которые всѣми силами поощряли обработку металловъ, уже процвѣтавшую въ ихъ странахъ. Мы видимъ въ рукахъ у сборщиковъ податей на барельефахъ Египетскихъ храмовъ, или на стѣнописи Оиванскихъ гробницъ, очень любопытныя произведенія Сирійскихъ и Халдейскихъ мастерскихъ: это золотыя, серебряныя или бронзовыя вазы, столовая утварь, украшенная мотивами, заимствованными изъ флоры или фауны Азіи, оружіе съ художественной рѣзьбой, слоновыя клыки, мебель, ткани, драгоценныя украшенія... Но, кажется, не хватало сырого матеріала хорошаго качества для этой цвѣтущей промышленности; одинъ Египетъ могъ доставлять имъ его, и по дешевымъ цѣнамъ, если хотѣлъ Фараонъ. Поэтому, каждая политическая услуга оцѣнивалась по настоящей стоимости драгоценнаго металла; союзники Фараона были очень настойчивы въ требованіи того, что имъ полагалось, не давали обманывать себя въ качествахъ поставляемаго товара. Требования этого рода многочисленны; „Посолъ, котораго ты отправилъ—пишетъ Бурнабуріашъ Аменофису IV—поставщикъ двадцати четвериковъ золота недоброкачественнаго, которое, будучи подвергнуто пробѣ, не дало даже и пяти четвери-

ковъ чистаго золота...“: или „Слитки золота, которыхъ братъ мой не испыталь, расплавленные для пробы, были мнѣ возвращены, ихъ не захотѣли принять...”¹⁾

Нужно добавить, что Азіатскіе цари признавали обмѣнъ подарками, и часто извѣщаютъ объ отправкѣ оружія, слоновой кости, драгоценныхъ украшеній. Въ этомъ отношеніи очень цѣнны списки предметовъ, составляющихъ приданое принцессъ Вавилона и Митанни—сотни строкъ нужны, чтобы перечислить ожерелья, кольца, браслеты и прочія украшенія, мебель и разное приданое, которое посылали въ Египетъ съ караванами, часто подвергавшимися разграбленію по пути. Точное описаніе предметовъ и матеріала, къ несчастью, невозможно при нынѣшнемъ состояніи науки. Однако, то, что можно угадать по общему смыслу, даетъ самое благопріятное представленіе объ Азіатской промышленности: нѣтъ ничего удивительнаго, что договоръ Рамзеса II и Хетовъ включаетъ оговорки относительно художественно-промышленныхъ рабочихъ: договаривающіяся высокія особы взаим-

¹⁾ Journal Asiatique, стр. 428 и 1 202. По отцу Делаттрѣ, нѣкоторые Азіатскіе цари получали изъ Египта въ необработанномъ видѣ металлъ, который они превращали въ произведенія искусства и возвращали Фараону, взимая плату за переработку.

но воспрещаютъ переманивать своихъ туземцевъ рабочихъ и похищать другъ у друга промышленности.

* * *

Благодаря той-то дипломатіи, не пренебрегающей ни политическими сношеніями, ни кровными узами, ни дѣловыми отношеніями, Фараоны, въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ, до вторженія неотразимаго потока переселенія народовъ, смогли удержать протекторатъ надъ Сиріей, не прибѣгая къ обременительнымъ обязанностямъ администраціи за предѣлами Египта, ни къ военной оккупациі. Какъ ни изуродованы экземпляры писемъ Эль-Амарны, все-же по нимъ видно, что дипломатія существуетъ не съ XVI вѣка нашей эры, какъ этому насъ черезчуръ любезно обучаютъ. Чѣмъ больше своихъ тайнъ открываетъ намъ древность, особенно Восточная, тѣмъ больше мы познаемъ, что мысли и дѣйствія человѣческія стары, какъ старъ вещественный міръ, и что всякое нововведеніе не болѣе какъ обновленіе.

Было бы интересно поближе узнать Талейрановъ и отцовъ Іосифовъ, которые изобрѣли или дали направленіе теченію руководящихъ идей Египетскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; но въ Восточной Древности рѣдко случается, чтобы всплывали отдѣльныя личности;

документы открываютъ намъ дѣло общихъ усилій. Недостатокъ официальныхъ документовъ пополняется для насъ народной литературой: сказки Древняго Египта показываютъ, что въ этой странѣ, какъ и повсюду на свѣтѣ, были очаровательные искатели приключеній, которыхъ эти щекоотливые и опасные переговоры, влекушіе за собой любовь и ненависть, войну или миръ, благосостояніе или экономическій упадокъ, окружили настоящимъ ореоломъ рыцарства.

Такимъ рисуется намъ посланникъ, къ которому обращается писецъ, авторъ „Путешествія одного Египтянина“ ¹⁾, предсказывая ему опасности, славу, и любовные подвиги. „Я дамъ тебѣ узнать путь, идушій черезъ Маджеддо. И вотъ ты на краю пропасти въ двѣ тысячи локтей глубины, полной каменныхъ глыбъ и голышей; ты идешь, держа лукъ и потрясая мечомъ въ лѣвой рукѣ, ты показываешь его доблестнымъ вождямъ и они принуждены опустить глаза передъ твоей рукой... Между тѣмъ, ты идешь одинъ, безъ провожатаго,

¹⁾ Сл. Maspero, *Les Contes populaires de l'Égypte ancienne*, 3-е изд. стр. 199. — Въ разсказѣ о легендарномъ путешествіи посла Унамону къ берегамъ Сиріи, князь Библоса похваляется тѣмъ, что продержалъ въ плѣну семнадцать лѣтъ пословъ Фараона, которыхъ, въ концѣ-концовъ, умертвилъ.

безъ свиты, что шла бы за собой, и не попадаютъ тебѣ горцы, которые указали бы, какому направленію должно тебѣ слѣдовать; и страхъ овладѣваетъ тобой, волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, ибо нѣтъ на пути твоёмъ проложеннаго слѣда, пропасть съ одной стороны, отвѣсная гора съ другой. Наконецъ, вступая въ Яффу, ты встрѣчаешь плодовый садъ въ пору полного его расцвѣта; ты продѣлываешь въ заборѣ дыру, чтобы забраться въ садъ поѣсть; тебѣ попадается тамъ красивая дѣвушка, стерегущая садъ; она принимаетъ тебя за друга и отдаетъ тебѣ цвѣтъ своей груди. Тебя замѣчаютъ, ты открываешь, кто ты, и всѣ признаютъ, что ты герой!..“

Пресловутый Тутій, который, по преданію усмирилъ взбунтовавшійся городъ Яффу, введя туда воиновъ, спрятанныхъ въ сосуды, и потрясая большимъ жезломъ Тутмеса III—вотъ легендарный прообразъ Египетскихъ вѣстниковъ, посредниковъ между царями и городами. Въ странѣ Нагаримы обреченный царевичъ находитъ далекую принцессу, которая выкупаетъ его отъ трехъ злыхъ роковъ. На берегахъ Алязіи жрецъ Унамону, вмѣстѣ съ тѣмъ купецъ и дипломатъ, обошелъ хитрыхъ Сирійскихъ царьковъ. Сами боги Египта занимаются дипломатіей; цѣлая ихъ тысяча даетъ поруку въ договорѣ, подписанномъ Рамзесомъ II

съ царемъ Хетовъ, а позднѣйшая легенда гласить, что они направляютъ, въ качествѣ посланника, одного изъ нихъ, Хонсу Өиванскаго, снять чары съ дочери вождя Бахтана. Такъ крупными чертами рисуется въ поэтическомъ циклѣ типъ искателя приключеній, смѣлаго, любезнаго, хитраго мага, который превосходитъ человека, но даетъ понятіе о томъ, чѣмъ былъ для Египтянина идеальный „дѣлецъ“.

Египетъ до пирамидъ.

Удачныя раскопки послѣднихъ пятнадцати лѣтъ открыли намъ происхожденіе Египетской цивилизаціи. До сихъ поръ исторія Египта начиналась для насъ за одно столѣтіе до VI династіи, воздвигнувшей великія пирамиды, около 4000 лѣтъ до Р. Х. О временахъ болѣе раннихъ ходили только недостовѣрныя преданія; если вѣрить Манеѳону (составившему около III вѣка до нашей эры Греческую исторію Египта, отъ которой остался одинъ хронологическій перечень), двѣ первыя династіи происходили изъ Тиниса (около Абидоса); третья пребывала въ Мемфисѣ и основала Мемфисское царство, оставившее намъ Пирамиды и другіе памятники.

О первыхъ царяхъ Египта у Манеѳона сохранились однѣ сказки; но онъ, по крайней мѣрѣ, приводитъ ихъ имена, распредѣляя ихъ по родамъ, или династіямъ. Добрую часть этихъ

именъ, несмотря на разницу Гіэроглифическаго начертанія и Греческихъ списковъ царей, которые Фараоны XVIII и XIX династій вѣрѣзали въ храмахъ Карнака и Абидоса, можно узнать. Папирусь, извѣстный подъ названіемъ Туринскаго царскаго канона, относящійся къ тому же времени, даетъ другой, болѣе полный, списокъ, съ указаніемъ годовъ царствованія cadaго царя и cadaго царскаго рода; но этотъ папирусь въ настоящее время искрошился и множества цѣнныхъ кусковъ не достаетъ вовсе.

Это тѣмъ болѣе жаль, что документъ восходилъ, будто бы, до основанія Египетской монархіи и включалъ даже періодъ до первой династіи. Царямъ человѣческимъ предшествовалъ яко бы баснословный родъ Боговъ, Полубоговъ и Тѣней, имена которыхъ благоговѣйно занесены вмѣстѣ съ годами ихъ царствованія, отъ 300 до 3000 лѣтъ и болѣе для cadaго. Манеѳонъ даетъ намъ сходную номенклатуру, а Діодоръ Сицилійскій приводитъ отголосокъ этого преданія:—

„Египетскіе жрецы, исчисляя время, истекшее отъ царства Солнца до похода Александра, полагаютъ около двадцати трехъ тысячъ лѣтъ. Они говорятъ—это, очевидно, сказка—что изъ Боговъ, царствовавшихъ на землѣ, старѣйшіе владѣли скипетромъ по двѣнадцати вѣковъ

каждый, а потомки ихъ не менѣе, чѣмъ по триста лѣтъ... Египтяне тоже говорятъ, что кромѣ боговъ неба есть другіе, которыхъ они называютъ Богами земными; они родились смертными, но приобрѣли безсмертіе широтой своего ума и заслугами передъ человѣческимъ родомъ. Нѣкоторые изъ нихъ царствовали въ Египтѣ. Солнце было первымъ царемъ Египтянъ... потомъ царствовалъ Сатурнъ и далъ жизнь Озирису и Изидѣ, которые, взоидя на престолъ, безчисленными благодѣянiями усовершенствовали общественную жизнь“ ¹⁾).

Египетскіе жрецы обладали подлинными архивами этихъ сказочныхъ временъ: они сообщали намъ поучительныя повѣствованiя о царствѣ бога Ра, его сыновей, Шу и Себа, о бѣдствiяхъ Озириса, котораго преслѣдовалъ братъ его Сэтъ, и объ отмщенiи сына его Гора и спутниковъ Гора. Но для насъ самый незначительный историческій памятникъ имѣлъ бы больше значенiя. Древнѣйшими до сихъ поръ извѣстными намъ документами, являются глухая дверь одной гробницы, носящая имена Сонду и Перабсена изъ II династiи, и плита съ именемъ царя Зесэра, III династiи, вырѣзанная въ Синайской скалѣ. Отъ другихъ царей у насъ нѣтъ ни одного современнаго имъ памятника.

¹⁾ Diodore, I, 26, 13.

* * *

Возмѣщаетъ ли Египеть недостатокъ текстовъ и изобразительныхъ памятниковъ какими-нибудь указаніями на доисторическую цивилизацію, соотвѣтствующую тому, что въ другихъ странахъ мы изучаемъ подъ названіемъ „каменнаго вѣка“, „бронзоваго вѣка?“ До самыхъ послѣднихъ лѣтъ египтологи обращали мало вниманія на расколотый кремьнь или шлифованный камень; послѣ неожиданной-негаданной расшифровки гіероглифовъ, всѣ силы устремились на собираніе текстовъ, ихъ переводовъ или расчистку храмовъ и гробницъ: и теперь еще къ этой колоссальной задачѣ едва только приступлено. Но явились въ Египеть геологи и естествоиспытатели, и они взялись за то, къ чему эпиграфисты и археологи оставались нѣсколько равнодушны.

Къ открытію Суэзскаго канала, въ 1869 году, Хедивъ Измаиль великодушно пригласилъ ученыхъ, наряду съ князьями, посѣтить Египеть. Геологъ Арселень, естествоиспытатель Гами и Ф. Ленорманъ заинтересовались придорожными камнями долины Царей, на которые египтологи и не смотрѣли. Это были кремневые топоры, рѣзцы, ножи, сходныя съ произведеніями мастерскихъ неолитической эпохи. Къ несчастью, ни одинъ скелеть животнаго,

никакой опредѣленный геологическій пласть не позволялъ установить время этихъ кремней, разсѣянныхъ по пустынѣ. Мариеттъ, первый Директоръ Попечительства о Древностяхъ, счелъ нужнымъ предупредить Арселина, Гами и Ленормана, что ничто не давало права отнести эти кремни къ доисторической эпохѣ, тѣмъ болѣе, что Египтяне продолжали изготовлять каменное оружіе въ продолженіе всего періода своей цивилизаціи.

Нельзя не сознаться, что египтологи слишкомъ легко освоились съ мыслью, будто Египетъ не зналъ каменнаго вѣка; казалось, отъ начала временъ, невѣдомо откуда пришедшіе люди колонизировали его, обладая уже развитой культурой. Миражъ божественныхъ династій ослѣпилъ не однихъ древнихъ египтянъ. Мариеттъ, по крайней мѣрѣ, предугадывалъ интересъ этихъ новыхъ изысканій и, казалось, желалъ ихъ осуществленія: „Для доказательства существованія каменнаго вѣка въ Египтѣ нужны новыя раскопки въ такихъ условіяхъ, чтобы открытые памятники были явно работы рукъ человѣческихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, носили геологическій отпечатокъ эпохи, предшествовавшей всякой извѣстной намъ исторической эпохѣ“ ¹⁾. Мариеттъ льстилъ себя надеждой

¹⁾ Mariette, L'âge de la pierre en Egypte (1870).

предпринять эти раскопки, но такъ и не нашелъ для этого свободнаго времени. Мы знаемъ, какія научныя задачи поглощали дѣятельность его пріемника Масперо, но онъ не забывалъ общаній Маріетта. Выходя изъ управленія Попечительства о Древностяхъ, въ 1886 году, онъ переиздалъ замѣтку Маріетта о каменномъ вѣкѣ въ Египтѣ въ качествѣ программы изысканій, къ которымъ пора было приступить.

Первымъ взялся за это англійскій археологъ Флиндерсъ Петри, однако, безъ всякаго, заранее установленнаго, плана. Ему было поручено совершить раскопки для Egypt Exploration Fund и Egyptian Research Account; онъ внесъ въ это дѣло свои личныя качества — методичность и наблюдательность. Петри не былъ профессиональнымъ египтологомъ; археологическій интересъ для него не ограничивался письменными документами и видными памятниками; онъ удѣлялъ одинаковое вниманіе и мелочамъ, и находилъ не меньше удовольствія и пользы въ классификаціи черепковъ посуды и осколковъ камня, чѣмъ въ собираніи скарабеевъ и плитъ. Своими упорными трудами онъ показалъ, какъ много можетъ дать подробное изученіе мелкихъ вещей для того, чтобы отвести мѣсто въ археологическомъ или историческомъ ряду тому или

другому памятнику безъ числа и надписи, найденному въ ихъ сосѣдствѣ.

Но когда Флиндерсъ Петри приступалъ къ своимъ раскопкамъ, онъ и самъ не вѣрилъ въ египетскую доисторическую древность. На мѣстѣ Кагуна, при входѣ въ Фаюмъ, онъ въ 1889 году откопалъ городъ XII династіи; неподалеку оказался складъ топоровъ, скребковъ, кремневыхъ ножей и грубыхъ глиняныхъ издѣлій. Нѣсколько сѣвернѣе, въ Меидумѣ, возлѣ пирамиды царя Снефру (III династіи) и гробницъ первыхъ историческихъ Египтянъ (между 1890 и 1892 г.г.) онъ открылъ обработанный кремнь въ перемежку съ бронзовыми издѣліями. Все это пока объяснялось завѣдомымъ существованіемъ каменныхъ орудій на всемъ протяженіи Египетской цивилизаціи. Но вотъ, зимой 1894—95 года, мѣстности Балласъ и Тухъ (къ сѣверу отъ Оивъ) дали Петри и Квибеллю цѣлыя кладбища того типа, образцы котораго найдены были порознь въ Меидумѣ; это могилы, гдѣ не бальзамированные скелеты окружены кремнями, вазами и гончарными издѣліями въ стилѣ, классическому Египту неизвѣстномъ. Со времени Меидумскихъ находокъ Петри чутьемъ угадалъ, что передъ нимъ раса туземцевъ, старинная, первобытная; однако, теорія одержала верхъ надъ опытомъ: каменный вѣкъ въ Египтѣ противорѣчилъ теоріи—

о немъ не могло быть и рѣчи. Рѣшили, что эти могилы, такого своеобразнаго типа, принадлежать „новой расѣ“ (new race), не Египетской, а по всѣмъ видимостямъ, Либійской, которая, путемъ ли вторженія или медленнаго просачиванія, проникла въ Египетъ послѣ VI династїи, въ смутное время, послѣдовавшее за Мемфисскимъ періодомъ; она просуществовала нѣсколько вѣковъ бокъ-о-бокъ съ цивилизаціей Фараоновъ, сохраняя свои обычаи и свою промышленность, а потомъ, ко времени XII династїи, слилась съ туземнымъ населеніемъ ¹⁾).

Эта new race продержалась въ наукѣ не долго. Не успѣла она дать египтологамъ правдоподобное и, во всякомъ случаѣ, очень удобное объясненіе особенностей Меидума и Балласа, какъ была отвергнута даже своими авторами и окончательно стухевалась передъ удивительными открытіями де-Моргана и Амелино.

Де-Морганъ, ставшій въ 1892 году директоромъ Попечительства о Древностяхъ, не египтологъ, былъ свободнѣе чѣмъ кто-либо отъ теорій. Его личныя занятія и поѣздки на Кавказъ сроднили его съ проблемами происхожденія народовъ и съ методами ихъ разрѣшенія. Съ

¹⁾ Сличить J. Capart, Notes sur les origines de l'Égypte, 1890.

самаго прїѣзда въ Египетъ онъ снова возбудилъ вопросъ о доисторическомъ времени, начавъ съ того, чѣмъ кончилъ Маріэттъ послѣ Гами и Ленормана. „Я собралъ—пишетъ онъ въ 1895 году—всѣ разсѣянные по разнымъ мѣстамъ документы, скупилъ почти всѣ кремневые орудія, бывшія въ продажѣ. Мало-помалу я пришелъ къ мысли, что, допуская принадлежность нѣсколькихъ обточенныхъ кремней къ историческому періоду, большинство ихъ мы должны отнести къ гораздо болѣе отдаленной древности, и что свидѣтелей настоящаго неолитическаго вѣка въ долинѣ Нила гораздо больше, чѣмъ это принято думать вообще ¹⁾“

Результатомъ этихъ энергическихъ изслѣдованій, которыя велись при содѣйствіи Легрена, Даресси и Жекье, явился томъ *L'âge de la pierre et les métaux en Égypte*, со множествомъ важныхъ, точно воспроизведенныхъ, документовъ. Теперь уже трудно было отрицать существованіе въ Египтѣ доисторическаго человѣка. Но книга находилась еще въ печати,

1) J. de Morgan. *Recherches I*, стр. 54. Де-Морганъ издалъ два тома *Recherches sur les origines de l'Égypte*: т. I, *L'âge de la pierre et les métaux*, 1896; т. II, *Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Négadah*, 1897. Я многое заимствую изъ этихъ капитальныхъ трудовъ.

когда раскопки Амелино въ Абидосѣ и новыя изслѣдованія де-Моргана въ Нэгадѣ окончательно разрѣшили этотъ спорный вопросъ.

На мѣстѣ Абидоса Амелино нашелъ, въ срединѣ одного кладбища н о в о й р а с ы, большія могилы совсѣмъ другого стиля, съ царскими именами на надгробныхъ плитахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, расшифрованныхъ въ 1897 году, убѣдили, что новооткрытые памятники относились къ I и II официальнымъ династіямъ. Въ томъ же году де-Морганъ расчистилъ въ Нэгадѣ могилу такого же типа; оказалось, что она принадлежала Менесу, первому царю официальныхъ династій. Значитъ, строителями Абидоса и Нэгады были фараоны первыхъ династій; люди новой расы, погребенные рядомъ съ ними, но принадлежащіе къ менѣе развитой цивилизаціи, — ихъ предшественники или ихъ подданные.

Итакъ, вопросъ о происхожденіи Египта ставится въ настоящее время въ слѣдующихъ выраженіяхъ: раса, называемая туземной, достигшая болѣе высокой степени неолитической цивилизаціи, заняла долину Нила; раса иноземная, болѣе культурная, возникшая неизвѣстно гдѣ, отнимаетъ у нея власть и основываетъ вокругъ Абидоса царство, которое мы будемъ называть, принимая терминъ Манеона, Тинисскимъ.

* * *

Туземная раса ¹⁾, занявшая Египеть въ доисторическія времена, оставила слѣды на всемъ протяженіи Нильской долины; благодаря де-Моргану, поселенія каменнаго вѣка были установлены, и мы могли бы начертить карту Египта неолитической эпохи съ его культурными центрами: Абу-Роашъ на сѣверѣ; Кава-милъ, Абидось, Эль-Амра, Балласъ, Тухъ для средней долины; Эль-Кабъ, Гіераконполисъ, Сильсилэ на югѣ. Д-ръ Швейнфуртъ и Легренъ открыли важныя поселенія въ Аравійской и Ливійской пустынѣ. Развѣдки, произведенныя Легреномъ до оазиса Харги, оказались очень плодотворны, онѣ показываютъ, что доисторическіе люди почти всегда оставляли послѣ себя кладбище и мастерскую для обтесыванія камня въ долинѣ, при устьѣ дорогъ пустыни; въ глубинѣ пустыни, вдоль дорогъ, ведущихъ къ оазисамъ, вокругъ источниковъ, которыми и теперь еще пользуются для привала, также тысячами находятъ кремь не обдѣланный или уже въ обработанномъ видѣ. Оружіе и орудія изъ кремня, въ Египтѣ,

¹⁾ Терминъ new gase, которымъ пользовались для обозначенія этого населенія до тѣхъ поръ, пока не знали, какое мѣсто отвести ему въ исторіи, теперь упраздненъ.

какъ и въ другихъ странахъ, единственные свидѣтели существованія этой древнѣйшей человѣческой расы. Кремнеземъ, сгустившійся комками или пластами въ мѣловомъ известнякѣ, легко отдѣляется отъ мѣла и представляетъ собою круглую или продолговатую массу, весьма удобную для изготовленія первобытныхъ орудій. Въ пустынѣ кремни иногда раскалываются подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и, безъ всякой обработки, доставляютъ кистени, топоры, скребки съ острыми краями ¹⁾. Чаше всего человѣкъ приходилъ природѣ на помощь; добывъ кремень съ цѣлью сдѣлать изъ него орудіе защиты или труда, онъ обтесывалъ его по главнымъ изломамъ, не заботясь о законченности или художественности своего произведенія ²⁾. Вѣкъ, къ которому относятся эти первые слѣды человѣческой промышленности, есть вѣкъ „обтесаннаго камня“ или „древній каменный вѣкъ“ (палеолитическій); существованіе человѣка въ немъ исчисляется, если вѣрить геологамъ, въ нѣсколько сотъ тысячелѣтій.

¹⁾ См. de Morgan, *Recherches sur les origines de l'Égypte*, I, стр. 57.

²⁾ Этимъ орудіямъ, даже образцамъ, найденнымъ въ Египтѣ, часто даютъ эпитетъ Шелльскихъ по сходности типа съ найденными въ Шеллѣ, около Парижа.

Новая эра начинается съ того времени, какъ человѣкъ научился обтесывать и шлифовать камень. Это вѣкъ „шлифованнаго камня“ или „новый каменный вѣкъ“ (неолитическій). Съ этого времени человѣкъ подвигается впередъ съ баснословной быстротой, онъ обрабатываетъ самыя разнообразныя вещества—дерево, кость, слоновую кость, камень мягкій и твердый; онъ изготовляетъ первобытную утварь, сосуды изъ камня и изъ сырой или обожженной глины. Неолитическій вѣкъ отстоитъ отъ насъ не болѣе, какъ на десять-двадцать тысячелѣтій. У насъ имѣются скелеты людей неолитическаго вѣка, въ ихъ могилахъ мы находимъ погребальную утварь, по которой вполне можно составить себѣ понятіе объ ихъ представленіяхъ о загробной жизни.

Изъ этихъ первоначальныхъ данныхъ ясенъ методъ, котораго слѣдуетъ держаться, чтобы напасть на слѣдъ человѣка неолитической и палеолитической эпохи въ Египтѣ. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о письменныхъ документахъ или памятникахъ большихъ размѣровъ; но о прошломъ расскажетъ кусокъ кремня, найденный въ пескѣ, если умѣть разсматривать его изломы или шлифовку; иногда это отдѣланная кость, обломокъ клыка, черепокъ посуды, грубой или съ украшеніями, обломокъ каменной вазы, кусокъ скалы, по-

крытой graffiti (начертаніями), иногда—вырытая въ песокѣ могила со скелетомъ, еще окруженнымъ сосудами для жертвенныхъ даровъ.

Мастерскія для обтесыванія кремня—единственныя свидѣтельства наидревнѣйшаго населенія палеолитическаго вѣка: въ песокѣ пустыни или прямо на поверхности разсѣяны, иногда на протяженіи нѣсколькихъ километровъ, тысячи кистеней, топоровъ, скребковъ, ножей изъ желтаго, грубо расколотаго кремня. Неопытный путешественникъ принялъ бы это за придорожные камешки, геологъ же видитъ въ нихъ слѣды работы перваго человѣка. Какъ опредѣлить возрастъ этихъ камней? Этого затрудненія не существуетъ для залежей обтесаннаго кремня, обнаруженныхъ у насъ, въ наносныхъ породахъ Соммы или Уазы. Въ Шеллѣ кремень опредѣляется пластомъ наносной породы, въ которой онъ лежитъ, и костями найденныхъ съ нимъ животныхъ. Но въ Египтѣ кремень встрѣчается въ пустынѣ, на поверхности гравія дилювіальной формации; съ нимъ не находятъ никакихъ костей; все, что извѣстно о немъ, это то, что онъ очень похожъ на шелльскіе образцы. Можно установить, что это орудія первыхъ людей, какіе жили въ Египтѣ; но до тѣхъ поръ, пока они не опредѣлятся фауной, было

бы смѣло хотѣть точнѣе обозначить время ихъ изготовленія ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе, эти расколотые кремни, несомнѣнно, предшествовали оружію и орудіямъ изъ тщательно обработаннаго и шлифованнаго камня, которые мы встрѣчаемъ на кладбищахъ неолитическаго періода. Съ 1890 г., въ мѣстахъ скрещенія дорогъ пустыни съ Нильской долиной, Петри, де-Морганъ, Кибелль, Амелино открыли множество могилъ со скелетами, орудіями и погребальной утварью расы, уже достигшей интересной степени культуры. По первымъ историческимъ памятникамъ, которые непосредственно слѣдовали за этой эпохой, мы можемъ приписать концу этой неолитической цивилизаціи, приблизительно, дату въ 5000 лѣтъ до Р. Х. Но сколько же вѣковъ понадобилось для перехода отъ палеолитическаго періода къ вѣку обтесаннаго и шлифованнаго камня?

Вотъ одна изъ могилъ, указывающихъ на неолитическую цивилизацію: подъ пескомъ, на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ, открывается овальная яма, безъ стѣнъ и потолка, дыра, вырытая въ каменистой почвѣ. На лѣвомъ

¹⁾ Сличить Salomon Reinach, *L'Anthropologie*, 1897, стр. 327.

боку, въ положеніи какъ бы „присѣданіе“ или „скорченномъ“, лежитъ скелетъ съ согнутыми членами, съ колѣнями, поднятыми до высоты груди, съ руками у лица. Мертваго окружаетъ обстановка его послѣдняго жилища: круглые и овальные сосуды изъ глины или твердаго камня; тарелки, чаши, блюда, иногда съ остатками жертвенныхъ даровъ; подъ руками оружіе и орудія изъ кремня, грубыя украшенія, амулеты; около лица, а иногда и въ сжатыхъ рукахъ дощечка изъ шифера или известняка, большого художественнаго и религіознаго значенія. Тѣла не носятъ никакихъ слѣдовъ бальзамированія; ихъ часто заворачивали въ сшитую шкуру газели или въ тростниковую цыновку, „Иногда — пишетъ де-Морганъ—мнѣ попадались эти оболочки почти цѣликомъ сохранившимися, но онѣ очень быстро разсыпались въ пыль отъ соприкосновенія съ воздухомъ“.

При ближайшемъ разсмотрѣніи скелеты даютъ представленіе о человѣкѣ высокаго роста, съ тонкими, стройными членами, бѣлой кожей, съ волосами гладкими, часто бѣлокурыми. Судя по фигурамъ изъ слоновой кости и изъ обожженной глины, это были люди съ прямымъ или слегка горбатымъ носомъ, съ глубокимъ разрѣзомъ миндалевидныхъ глазъ, съ овальнымъ лицомъ, удлинненнымъ остроконечной бо-

родой и коническимъ головнымъ уборомъ. Фигура изъ обожженной глины, найденная въ Гебель-Тарифъ, изображаетъ колѣнопреклоненнаго человѣка съ плотно прижатыми вдоль тѣла руками; голова съ очень выдающимся носомъ и подбородкомъ, закинута назадъ, представляетъ очень живой образъ человѣка изъ простонародья, въ позѣ молитвы или покорности; головы же изъ слоновой кости, найденныя въ Гіераконполисѣ, передаютъ тонкія и сухія черты лица какихъ-нибудь вождей клановъ. Вотъ танцовщица съ поднятыми руками: талія тонкая и очень развитыя бедра. Другія, совсѣмъ обнаженныя, стоятъ въ гіератической позѣ. Формы, несмотря на грубость работы, изящны; художникъ старательно передаетъ изгибъ таза въ гармоніи съ длиннымъ станомъ и точеными ногами. Рядомъ съ этими аристократическими красавицами, женщина изъ простонародья идетъ, завернутая въ большой плащъ, открытый на груди; лѣвой рукой она придерживаетъ у себя на плечѣ младенца, который перегибается впередъ, чтобы схватить тяжелую грудь; служанка, которая, стоя въ чанѣ, что-то давитъ ногами: лѣвая рука упирается въ бедро, правая—о край сосуда—все въ цѣломъ выразительно, хотя и примитивно. Дальше, уродливыя карлики и готтентотскія Венеры съ чрезмѣрно развитыми

формами. Все реалистическіе документы, пользу которыхъ мы увидимъ ниже ¹⁾).

Тѣло человѣческое служитъ не только натурой для художниковъ, но на немъ впервые и стало примѣняться искусство. Первобытные обитатели Египта, подобно всѣмъ дикимъ народамъ, расписывали свое собственное тѣло: женскія статуэтки коллекціи Петри еще сохранили слой зеленой краски; у танцовщицы изъ Туха все тѣло испещрено украшеніями въ видѣ зигзаговъ, мотивами цвѣтовъ и рисунками животныхъ, чернымъ по сѣроватому фону. Поэтому въ доисторическихъ могилахъ часто встрѣчаются красящія вещества, зеленая и желтая охра, малахитъ. Въ классическую эпоху Египтяне всегда изображали мужчинъ окрашенными въ красный, а женщинъ въ желтый цвѣтъ; сохранился обычай обводить глаза слоемъ краски зеленого цвѣта, она ясно видна на такихъ старинныхъ статуяхъ, какъ статуи Сэпы и Нэзы въ Луврѣ. Эта раскраска человѣческаго тѣла объясняется гигиеническими соображеніями и мистическими представленіями: глазная краска, куда входила сѣра и мышьякъ, предохраняла отъ глазныхъ заболеваний; опредѣленные талисманные рисунки

¹⁾ За всѣмъ этимъ отсылаю къ превосходной книгѣ J. Capart, *Les débuts de l'art en Égypte*, таблицы которой я комментирую.

были дѣйствительны противъ злой судьбы. Тщательное вниманіе удѣлялось еще прическѣ: мужчины раздѣляли свои волосы на множество косичекъ, или же брили голову, оставляя лишь одну небольшую прядь, свисавшую на спину; иногда бороду и волосы на головѣ прятали въ мѣшки, можетъ быть въ цѣляхъ чистоплотности. Женщины носили парики и накладки изъ фальшивыхъ волосъ; шпильки и гребни изъ простой и слоновой кости, украшенные изящными силуэтами птицъ или газелей, скрѣпляли настоящія или искусственныя прически; на ночь существовали особыя изголовья, чтобы не мять прически, которую сохраняли въ теченіе нѣсколькихъ дней. Обычай висящихъ косъ и приставныхъ бородъ перешелъ къ Египтянамъ классической эпохи, но удержался только за богами и царями; ношеніе же парика, напротивъ того, распространилось на всѣ сословія.

Украшенія должны были такъ же оберегать тѣло, какъ разрисовка и парики. На лбу, на шеѣ, вдоль груди и бедеръ, у кистей рукъ, у ступни и на пальцахъ тѣло представляетъ изъ себя то суживающуюся поверхность и даетъ тѣмъ возможность навѣшивать талисманы, то расширяется и дѣлается удобнымъ для ношенія какой-нибудь магической брони. Въ этихъ мѣстахъ тѣла жизнь видна на глазъ,

проявляясь въ видѣ пульса, осязаемаго и видимаго: кажется, вотъ вотъ она вырвется, подобно бьющей ключемъ жидкости, если какая-нибудь скръѣпа не сожметъ ея, не покроетъ. Отсюда ношеніе ожерелій, ручныхъ и ножныхъ браслетовъ, поясовъ и нагрудниковъ. Вначалѣ это были простые обручи изъ золота, слоновой кости или кремня; чтобы снабдить эти предохранительныя украшенія активной силой талисмана, гребни, браслеты, кольца стали украшать легкими фигурами птицъ или хищныхъ животныхъ; тутъ и фантазія художниковъ играла роль.

Одежда этой эпохи была первобытна. Мужчины и женщины опоясывали бедра шнуркомъ, главное назначеніе котораго было, какъ у ожерелій и браслетовъ—предохранять тѣло отъ несчастныхъ случаевъ. Даже у Египтянъ поясъ составлялъ иногда всю ихъ одежду. Если привязать къ поясу или ожерелью звѣриную шкуру, получается свободный плащъ; въ классическую эпоху шкура пантеры оставалась характерной одеждой нѣкоторыхъ жрецовъ. Прибавьте вуаль для женщинъ, а, можетъ быть, и для мужчинъ, какъ въ наши дни у Туареговъ; иногда легкій набедренникъ съ звѣринымъ хвостомъ сзади.

Эти свободныя одежды требовали застежекъ и булавокъ; ихъ дѣлали изъ кости, простой

и слоновой, и изъ кремня, а иногда, какъ предметъ исключительной рѣдкости, въ могилахъ находятъ мѣдныя булавки, которыми скрѣплялась цыновка или звѣриная кожа, обернутая вокругъ трупа. Достоверно, что, за исключеніемъ этихъ мелкихъ вещицъ, должно быть заграничнаго ввоза, употребленіе металла было неизвѣстно Египтянамъ неолитической эпохи.

Кремень и твердый камень, какъ и въ палеолитическую эпоху, были единственнымъ матеріаломъ для изготовленія оружія и утвари; но обработка его достигла большой степени совершенства, и вышедшія изъ мастерскихъ вещи кажутся иногда настоящими чудесами. Мы можемъ прослѣдить ихъ изготовленіе. Кремневая галька, найденная въ пескѣ, или кусокъ руды, еще окруженный известнякомъ, доставляли человѣку коническій камень, пригодный для выдѣлки топора, ножа, наконечника. Рабочій вооружался круглой галькой или шаромъ изъ твердаго камня — это колотилка или молотъ. Сухими ударами онъ придавалъ предмету его форму; послѣдовательно обтесывая его, онъ заострялъ лезвіе, которое является не непрерывной линіей, а усѣяно маленькими острыми зубчиками вродѣ зубцовъ пилы. Напротивъ того, топоры, разъ обтесанные, заострялись однимъ ударомъ молотка, отсѣкавшимъ цѣлый слой

вдоль лезвія ¹⁾). Самой замѣчательной была выдѣлка ножей, подобныхъ образцовъ мы не находимъ ни въ какой другой странѣ. Это большія, полукруглыя лезвія изъ свѣтлаго или роговиднаго кремня, въ двадцать пять—тридцать сантиметровъ длины; одинъ конецъ заостренъ, другой, закругленный, служилъ рукояткой. Самые старые образцы цѣликомъ отшлифованы; позже обработка усовершенствовалась, и слои отдѣлялись съ такой точностью, что съ той и съ другой стороны лезвія оставались симметричныя, совпадающіе другъ съ другомъ, рубцы.

Эти образцовыя вещи еще превзойдены кремневыми браслетами, найденными въ Абидосѣ и Эль-Амрѣ. Представьте себѣ каменные обручи, столь же совершенной формы и столь же тонкіе, какъ металлическія кольца; кажется невѣроятнымъ, чтобы, пользуясь лишь первобытными орудіями, люди неолитической эпохи могли справиться съ такими трудностями выполненія. Де-Морганъ предполагаетъ, что рабочій бралъ сферическое ядро, выравнивалъ его до тѣхъ поръ, пока оно не становилось правильнымъ кругомъ, потомъ просверливалъ

¹⁾ De Morgan, *Recherches*, II, стр. 59. — См. S. Schweinfurt, *Recherches sur l'âge de la pierre dans la haute Egypte* (*Annales du Service des Antiquités*, VI, стр. 9).

въ срединѣ коническую дыру при помощи заостреннаго куска дерева и кварцоваго песку, который протиралъ кремьнь. „Эта коническая дыра была исходной точкой для осколковъ, каковымъ путемъ вытачивали ободокъ, причемъ получалось это не ударами, что неизбѣжно разбило бы вещь, а попеременнымъ нажимомъ той и другой грани осколка. Это объясненіе удовлетворительно, но оно не соотвѣтствуетъ, быть можетъ, дѣйствительности; однако, изъ него ясно, какъ много предосторожностей нужно было принимать рабочему, чтобы получился кремневый браслетъ. Для туземцевъ эти украшенія были, безспорно, чрезвычайно цѣнны. Браслеты изъ кремня означаютъ высшую точку въ искусствѣ раскалывать камень и встрѣчаются только въ Египтѣ“ ¹⁾).

Оружіе и утварь проливаютъ свѣтъ на нравы туземцевъ. Эти кочевники пустыни не были воинственнымъ племенемъ; по крайней мѣрѣ, найденные трупы рѣдко носятъ слѣды раненій; зато они постоянно заняты были борьбой съ хищными звѣрьми, охотой и рыбной ловлей. Граффи (начертанія), фигуры животныхъ, вырѣзанныя изъ кремня и слоновой кости, начертанныя на аспидныхъ доскахъ, украшающія гребни и булавки, свидѣлствуютъ о встрѣчахъ людей со львами, пантерами,

¹⁾ De Morgan, Recherches, II, стр. 60.

гіенами, шакалами, газелями, слонами, гиппотами и всѣми пернатыми, пресмыкающимися и плавающими существами. Съ другой стороны, земледѣльческія и полевые орудія—косы, серпы, мотыки, кремневые сошники у плуговъ, говорятъ о продолжительныхъ полевыхъ работахъ, о хижинахъ изъ ила и тростника, кишащихъ вьючнымъ и племяннымъ скотомъ—быками, степными баранами, ослами, свиньями, овцами и козами, стаями лебедей, утокъ, голубей. Кочевники, недавно осѣвшіе на плодородной долинѣ Нила, доисторическіе люди, соединяли съ охотой и рыбной ловлей болѣе сложное искусство обработки земли, подверженной прихотямъ Нильскаго разлива.

Украшенія, оружіе и фигурки животныхъ, разсѣянные по могиламъ, находятся тамъ не только въ качествѣ дорогихъ бездѣлушекъ и привычной обстановки, съ которой умершему жалко было расстаться. Эти вещи играютъ болѣе важную роль: въ Египтѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они свидѣлствуютъ о сложившихся уже понятіяхъ и вѣрованіяхъ въ загробную жизнь. Первобытный человѣкъ тверже чѣмъ кто-либо вѣритъ въ переживаніе того, что мы называемъ душой; и жизнь эта есть не что иное, какъ повтореніе земной жизни, конечно, идеализированной, лучшей, чѣмъ здѣшняя, но полной тѣхъ же трудовъ,

требующей того же оружія и тѣхъ же орудій защиты и труда. И вотъ, въ распоряженіе мертвaго предоставляется его оружіе и орудія; домашнія животныя обезпечиваютъ ему пищу; изображенія дикихъ звѣрей, которые могли бы угрожать умершему, предотвращаютъ опасность: вѣдь этимъ путемъ они подчиняются его волѣ, левъ и гиппопотамъ не отдаются-ли, такъ сказать, въ его руки!

Точно такъ же сосуды, форма и изготовленіе которыхъ являются первой ступенью искусства, съ тѣхъ поръ совсѣмъ не развивавшагося, заключаютъ въ себѣ жертвенные дары, существенный элементъ первой человѣческой религіи, культа мертвыхъ. Въ эту эпоху сосуды служили для самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ потребностей, изъ нихъ, преимущественно, состояла вся обстановка; окруженный своими сосудами, умершій почивалъ какъ въ собственномъ домѣ, въ обстановкѣ, необходимой для его удобства. Пища твердая и жидкая, сѣмена, съѣстные припасы, одежда, иногда самыя трупы лежатъ въ сосудахъ, приспособленныхъ для самаго разнообразнаго примѣненія, а потому и всевозможныхъ формъ и размѣровъ.

Тысячами найденные въ могилахъ сосуды изъ твердаго камня поставили ученыхъ совсѣмъ въ тупикъ. Какъ могли выйти изъ рукъ человѣка, снабженнаго столь первобытными

орудіями, эти чаши, тарелки, бокалы, сосуды, легкіе или массивные, высѣченные изъ гранита, известняка, мрамора, діорита, обсидіана, хрусталя, или алебастра? Матеріаль, который употребляли доисторическіе люди для своего стола, одежды и складовъ, былъ баснословной роскоши. Въ Нильской долинѣ вулканическія породы, дающія твердый камень, встрѣчаются только на высотѣ первыхъ водопадовъ, между Ассуаномъ и Краснымъ моремъ. Тамъ сосредоточивалось добываніе; но нѣкоторыя породы получались изъ Синая; другія, какъ обсидіанъ, изъ Азіи или съ Греческихъ острововъ. Остается допустить, что оживленныя торговыя сношенія между долиной Нила и побережьемъ Средиземнаго моря существовали съ незапамятныхъ временъ.

Сначала думали, что художники, создавшіе эту прекрасную столовую посуду, пользовались усовершенствованными орудіями, по меньшей мѣрѣ, токарными станками. Тщательное изученіе пропорцій и разсмотрѣніе осколковъ, позволявшихъ прослѣдить работу снаружи и внутри сосудовъ, привело де-Моргана къ другому взгляду на этотъ счетъ: „Если внимательно разсматривать сосуды изъ горнаго хрусталя, прозрачность этого матеріала даетъ возможность составить себѣ ясное представленіе о способахъ, которыми пользова-

лись рабочіе. Чтобы придать наружнымъ частямъ ихъ окончательную форму, кусокъ, предназначенный для обработки, вращали между двумя кусками дерева, покрытаго кварцевымъ пескомъ; чтобы выдолбить внутренность, продѣлывали первую центральную дыру при помощи палки и песку; затѣмъ, для расширенія пустоты ниже горла сосуда, рабочій пользовался крупнымъ кварцевымъ пескомъ, который онъ вращалъ внутри сосуда простой деревяшкой. Оба дѣйствія производились отдѣльно, какъ это доказываетъ неодинаковая толщина, зависящая отъ несовпаденія обѣихъ осей, внутренней и наружной“ ¹⁾. Спустя много столѣтій поздніе барельефы могилъ VI династіи (напр., Мэры въ Сахарѣ) показываютъ намъ рабочихъ за ихъ работой: они буравятъ сосуды такимъ именно способомъ. Такъ, путемъ тренія и стачиванія получилась изъ камня эта великолѣпная посуда. Можно себѣ представить, какого упорнаго труда требовала обработка такого хрупкаго и твердаго вещества, какъ хрусталь или діоритъ. Таковы вазы, которыя мы видимъ теперь въ Каирѣ, въ Лондонѣ, въ музеѣ Гимэ, стоившія, быть можетъ, цѣлой жизни труда.

¹⁾ J. de-Morgan, *Recherches*, II, стр. 179; I, стр. 165.

Формы настолько разнообразны, что нужно было не только неутомимое терпѣніе, но и необыкновенная техническая сноровка. Вотъ бокалъ и чаша, очень простые, но совершенные по красотѣ формы; цилиндрическая ваза, обыкновенно изъ алебаstra, съ широкими краями и украшеніями въ видѣ шнура по отверстію, наконецъ, самые замѣчательные, шарообразные сосуды. А на ряду съ этими формами, что стали классическими, сколько неожиданныхъ образцовъ поражающей самобытности! Нѣкоторые сосуды воспроизводятъ мѣхъ, тыкву, гуся, лягушку, собаку, гиппопотама, слона. Одинъ изъ самыхъ фантастическихъ изъ коллекціи Петри (въ University college въ Лондонѣ). „Мы видимъ двѣ рельефныя человѣческія головы на ручкѣ сосуда... Ротъ обозначенъ рѣзкой горизонтальной чертой, на мѣстѣ глазъ вклеены двѣ жемчужины въ выемки въ камнѣ“ ¹⁾ (табл. V, 3). Невозможно описать страдальческаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣвольскаго выраженія этого лица, смутно отдѣляющагося отъ ручки вазы; взглядъ круглыхъ глазъ пронизываетъ какъ буравъ, гримаса искривленнаго рта полна безпощаднаго издѣвательства: ваза кажется одержимой; падающая душа рыдаетъ въ ней уже столько времени!

¹⁾ J. Capart, *Les debuts de l'art en Egypte*, стр. 77 и слѣд.

Несравненно больше глиняныхъ сосудовъ, обработка которыхъ легче, чѣмъ сосудовъ изъ твердаго камня; они попадаются во всѣхъ могилахъ, богатыхъ и бѣдныхъ, начиная съ неолитическихъ временъ и до Мемфисскихъ династій. Де-Морганъ и Петри, изучая матеріалъ, формы и способы изготовленія, смогли установить хронологическія даты. Если удастся распредѣлить типы керамики по мѣстностямъ и эпохамъ, можно будетъ опредѣлить взаимное отношеніе могилъ во времени, смотря по типу находящейся въ нихъ утвари.

Доисторическія глиняныя издѣлія—краснаго и желтаго цвѣта, гладкія или шероховатыя, лишенныя украшеній, или расписанныя и разрисованныя. Цвѣтъ зависитъ, въ особенности, отъ сырого матеріала — осадочнаго мергеля или нильскаго ила. Мергель даетъ при обжиганіи красную массу; нильскій иль принимаетъ окраску желтоватую или красноватую, смотря по температурѣ обжиганія. Кажется, древнѣйшій типъ сосудовъ изъ мергеля, это красные сосуды, гладкіе и украшенные по верхнему краю широкой полосой чернаго лака, который получался отъ примѣси красящихъ веществъ (двуокиси марганца изъ Синая) ¹⁾. За ними, въ хронологическомъ

¹⁾ D-eMorgan, R e s e a r c h e s, I, стр. 152.

порядкѣ, слѣдуютъ красные шероховатые сосуды, потомъ горшки красные и желтоватые съ разнообразными украшеніями ¹⁾).

Выборъ формъ и украшеній дѣлаетъ честь воображенію и стилю гончаровъ. Самыми старыми сосудами были чаши, чашки, блюда съ отвернутыми или закругленными краями; потомъ слѣдуютъ цилиндры, бутылки и амфоры. Дно плоское или остроконечное, если сосудъ ставится въ песокъ; ручки появляются довольно поздно; нѣкоторыя мастерскія, какъ въ Эль-Амрѣ, украшаютъ ручку пониже горла волнообразной полоской, сначала прерываемой, а потомъ описывающей полный кругъ. Въ эпоху расцвѣта появляются круглые сосуды; иногда два-три сосуда соединены вмѣстѣ, съ внутреннимъ сообщеніемъ или безъ него. Есть еще сосуды съ треножникомъ, кувшины, снабженные цѣдилкой для воды, что еще осталось въ употребленіи для узкогорлыхъ сосудовъ Кенэ. Таковы же, въ общемъ, и формы сосудовъ изъ твердаго камня. Весьма вѣро-

1) По классификаціи Петри, Diospolis parva, табл. I—Музей Гимэ обладаетъ цѣлой серіей доисторическихъ вазъ, въ частности, самыхъ древнихъ (вазы съ верхнимъ почерненнымъ краемъ) и образцами, вышедшими изъ мастерскихъ Эль-Амры. Всѣ они найдены при раскопкахъ Амелино.

ятно, что гончарное искусство предшествовало шлифовкѣ камня; однако, украшенія нѣкоторыхъ сосудовъ заимствованы у вазъ изъ твердаго камня; это доказываетъ, что обѣ художественныя отрасли съ раннихъ поръ существовали одновременно и развивались параллельно.

Способы обработки горшковъ очень несложны: достаточно было рабочихъ рукъ безъ помощи гончарнаго станка ¹⁾. Несмотря на почти совершенную правильность формъ, тамъ и сямъ попадаетъ несимметричность въ слояхъ и толщинѣ, что доказываетъ ручную работу этой керамики. Нѣкоторые сосуды въ формѣ амфоры украшены продольными бороздами: ихъ получали, нажимая однимъ или двумя пальцами вдоль округлости вазы передъ обжиганіемъ. Впослѣдствіи украшеніе осложнилось росписью и лѣпкой. На сосудахъ съ краснымъ фономъ геометрическіе рисунки бѣлыми штрихами воспроизводятъ узоръ корзинъ или плетеноекъ, появляющихся съ начала неолитической культуры. Къ той же эпохѣ относятся черные сосуды съ вырѣзаннымъ геометрическимъ узоромъ, выполненнымъ бѣловатымъ веществомъ: „установлено, что ихъ привозили въ Египетъ изъ неизвѣстнаго средоточія промышленности, произведенія котораго разсѣяны по всему бассейну Средиземнаго моря“.

¹⁾ De-Morgan, Recherches, II, стр. 122.

Возрастающая сноровка рабочихъ позволяла все большее разнообразіе типовъ. Изъ гончарныхъ издѣлій въ формѣ животныхъ (табл. V, 5): рыбъ, утокъ, коршуновъ, гиппопотамовъ¹⁾, составились столовые приборы веселаго или страшнаго характера, подобно издѣліямъ изъ литой мѣди въ наши средніе вѣка. Пробовали также придавать вазамъ человѣческій обликъ: скорченные плѣнные, обхвативъ обѣими руками округлость вазы, являютъ свое страдальческое лицо, выступающее по сторонамъ одной очень старинной амфоры, находящейся теперь въ Оксфордѣ. Въ томъ же музеѣ хранится широкій сосудъ, покрытый блестящей чернью, которому художникъ стремился придать форму женщины. Горло стало лицомъ; ущемленія въ глинѣ означаютъ носъ, уши и волосы. Ниже, шейка сосуда изображаетъ суживающуюся талію, надъ которой умѣренно выступаетъ закругленіе плечъ и свисшихъ грудей; потомъ ваза, внезапно расширяясь, подражаетъ жировымъ скопленіямъ, составляющимъ гордость Готтентотскихъ Венеръ²⁾ (табл. V, 2).

Украшенія самыхъ замѣчательныхъ сосудовъ

¹⁾ J. Capart, Les débuts de l'art en Egypte, стр. 126.

²⁾ J. Capart, Les débuts de l'art en Egypte, стр. 124.

доисторической эпохи вводятъ насъ въ загробную жизнь. Уже грубые кувшины съ высухшими остатками воды, муки, зерна, масла, вина, мяса, показываютъ своимъ содержимымъ, что жертвенные дары снабжали покойнаго пищей. Чтобы обезпечить ему вторую жизнь, совсѣмъ сходную съ первой, слѣдовало изобразить главныя ея сцены въ жилищѣ мертваго, какимъ является гробница, сообразно принципу первобытной магіи, что подобіе порождаетъ подобіе: изобразить сцену изъ жизни значить дать ей возможность осуществиться. Это представленіе вызывало украшеніе могилы, а отсюда возникло почти все Египетское искусство.

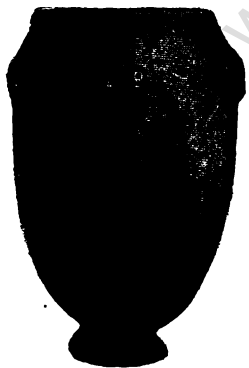
Но вотъ, явилось затрудненіе: какъ украсить фигурами и картинами такія могилы, какъ описанная нами, простую яму въ пескѣ, безъ стѣнъ, безъ пола и потолка. Съ этой цѣлью, въ могилу клали предметы обихода, оружіе, драгоценности, орудія работъ небольшого размѣра; люди и животныя, необходимыя для услугъ или развлечения, замѣнялись статуэтками. Однако, этого было недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей мертваго, нужно было сгруппировать эти отдѣльные элементы; чтобы осуществить сцены жизни, нужно изобразить ихъ въ дѣйствиіи вокругъ покойника и въ связи съ нимъ. От-

1. Доисторическая керамика.

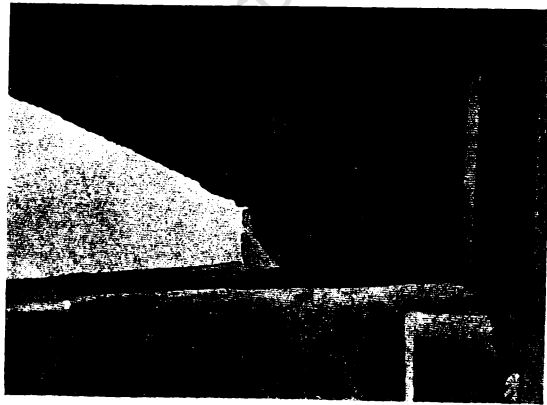
2. Сосудъ въ формѣ женщины.

3. Сосудъ съ человѣческимъ
лицомъ.

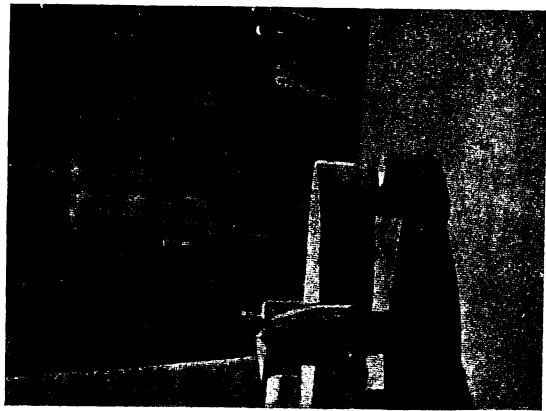

4. Сосудъ въ формѣ птицы.

1. Скагъ для спуска.

Табл. VI.

2. Гранитный чанъ.

сюда изобрѣтеніе декоративныхъ картинъ, гдѣ каждая фигура играетъ роль идеограммы и соотвѣтствуетъ тому или другому моменту существованія, обѣтованнаго владѣльцу могилы. Женщины съ поднятыми руками символизируютъ пляску и общественныя празднества; газель или страусъ напоминаютъ удовольствія охоты; лодка—плаванье по Нилу; деревья и цвѣты вкратцѣ передаютъ пейзажъ обработанной долины; рядъ треугольных зубцовъ вызываетъ образъ горныхъ цѣпей на плоскогорьи пустыни, по которой бродятъ кочевники; шалаши, украшенные условнымъ знакомъ, обозначаютъ домъ или деревню покойнаго со знаками отличія его клана.

Отыскавъ эти декоративные мотивы, художникъ какъ будто бы колебался въ выборѣ подходящей рамы. Припомнимъ статуэтку женщины изъ Туха, у которой на груди, спинѣ, бедрахъ изображены потоки водъ, горы, животныя. Это былъ остроумный способъ вводить статую цѣликомъ въ обстановку дѣйствительной жизни или природы; однако, со временемъ, придумали лучше. Пришло въ голову украшать этими картинами сосуды, расписывая ихъ красной краской по желтому фону: тѣло, лежа посреди горшковъ, словно въ четырехъ стѣнахъ своего дома, могло созерцать на стѣнкахъ сосудовъ желанныя картины своей

загробной жизни. Когда въ послѣдствіи изобрѣли кирпичъ и появилось умѣніе строить склепы, художники воспользовались стѣнами. Одна доисторическая могила, открытая Гриномъ въ Гіераконполисѣ, расписана красной краской по фону, побѣленному известкой—такія же сцены пляски, охоты, плаванія, какъ и тѣ, которыми гончары Абидоса и Нэгады украшали поверхность своихъ вазъ ¹⁾.

Эти миниатюрныя картины, воспроизводящія нѣкоторыя стороны общественной жизни за пятьдесятъ—шестьдесятъ вѣковъ до насъ, по праву возбудили къ себѣ интересъ археологовъ. Полнаго согласія въ точномъ истолкованіи ихъ значенія между ними нѣтъ; одинъ мотивъ, въ особенности, вызвалъ самыя противоположныя объясненія. Дѣло идетъ объ одномъ рисункѣ, изображающемъ два шалаша, нерѣдко соединенные дверью и окруженные двойной, въ формѣ лодки, изогнутой линіей: вертикальные и наклонные штрихи рисуютъ какъ бы тѣсный рядъ весель съ одного конца судна до другого. Деревья, газели, страусы и человѣческія фигуры, прихотливо разбросанные повсюду, дополняютъ загадочность рисунка. Петри и де-Морганъ, мнѣніе которыхъ осмѣивается еще большинствомъ ученыхъ,

¹⁾ Quibell, Hierakonpolis, II, табл. 75—79.

видятъ въ нихъ лодки, снабженныя веслами и каютами; Сесиль Торръ и Лорэ ¹⁾ принимаютъ ихъ за деревню съ укрѣпленными воротами, защищенными полукруглыми окопами, въ свою очередь обнесенными частоколомъ. Варіанты, доставленные могилой Гіераконполиса, начертаніями Эль-Каба и нѣкоторыхъ судовъ, указанныхъ де-Биссингомъ, заставляютъ меня допустить, что дѣло идетъ здѣсь о лодкахъ съ гребцами или безъ нихъ. Нѣтъ ничего страннаго, если уже тогда лодка была символомъ человѣческаго жилья въ долинѣ Нила; въ историческія времена корабль боговъ и мертвыхъ переносится, преимущественно, въ каюту лодки: ковчегъ былъ идеальнымъ жилищемъ, передвижнымъ и всегда находящимся вблизи воды, этого неотъемлемаго элемента Африканской цивилизаціи.

Лодки это или деревни, фигуры, о которыхъ идетъ рѣчь, украшены высокими шестами съ поднятымъ значкомъ: иногда это животное—соколъ, слонъ, скорпіонъ, рыба,—иногда перо или бычачій черепъ, двойная стрѣла, острога; существуетъ десятка три варіантовъ. Лорэ очень остроумно призналъ въ нихъ гербы клановъ доисторической расы, часть которыхъ сохранилась въ классическую эпоху,

¹⁾ *Revue Égyptologique*, т. X, стр. 87 и слѣд.

какъ „говорящіе гербы“ Египетскихъ городовъ. Возможно, что знаки эти были, вмѣстѣ съ тѣмъ, богами или тотемами, въ которыхъ воплощались души всѣхъ людей, входящихъ въ составъ клана.

Фигурныя украшенія на сосудахъ имѣютъ значеніе еще для такого спорнаго вопроса, какъ вопросъ о письменности того времени. Доисторическіе люди были, повидимому, незнакомы съ начертательной системой Египтянъ, состоящей изъ азбучныхъ или силлабическихъ знаковъ наряду съ идеограммами. Однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ гіероглифическихъ письменахъ послѣдующихъ временъ удержалось множество знаковъ, которые встрѣчаются на сосудахъ; свойственныя странъ животныя и растенія дали письменности Фараоновъ чисто африканскій отпечатокъ. Я склоненъ думать, что, еще не зная письменности, доисторическіе люди умѣли выражаться съ помощью очень туманныхъ ребусовъ, и что картины, написанныя на вазахъ, можно было читать *grosso modo* въ духѣ шарады въ картинахъ (табл. V, 1).

Съ другой стороны, сосуды этой эпохи отмѣчены цѣлымъ рядомъ „марокъ“ мѣста производства, совсѣмъ имѣющихъ видъ азбучныхъ знаковъ. Къ большому удивленію оказалось, что эти знаки были одинаковы съ знаками,

обнаруженными на Крито-Эгейскихъ сосудахъ, съ первобытными азбуками Каріи и Испаніи и съ Либійскими знаками. Впрочемъ, марки эти, повидимому, не составляютъ азбуки, и никогда не бываютъ сгруппированы въ какихъ - нибудь правильныхъ соотношеніяхъ, которыя могли бы выражать достигшую развитія мысль. Тѣмъ не менѣе, кажется достовѣрнымъ, что „во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря съ самыхъ давнихъ доисторическихъ временъ существовала система письменности или, по меньшей мѣрѣ, знаки, бывшіе въ ходу повсемѣстно“ ¹⁾. Какой народъ занесъ въ Египетъ эту сокращенную систему письменности, которая привилась во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ навелъ бы насъ на путь другой загадки. Каково вѣроятное происхожденіе доисторической расы, поселившейся въ Египтѣ? Если вѣрить доктору Фукэ, кефалическій признакъ череповъ, найденныхъ въ самыхъ древнихъ могилахъ, сближаетъ племена Нэгады съ Готтентотами и Кафрами; типъ Бэитъ-Аллама сроденъ скорѣе съ населеніемъ верхней Индіи, а типъ Кавамиля— съ элементомъ Либійскимъ. Эти пестрыя дан-

¹⁾ J. Сарт, *Les origines de l'art en Égypte*, стр. 142.

ныя менѣе безнадежны, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Вліяніе Берберо-Либійскихъ племенъ подтверждается расписной керамикой (напоминающей типы сосудовъ, которые и понынѣ въ употребленіи у Кабилокъ), — употребленіемъ нѣкоторыхъ орудій, какъ, наприкладъ, кремневый сошникъ плуга, и кругами изъ камня съ дольменомъ¹⁾. Впрочемъ, и языкъ Египтянъ носитъ слѣды Берберійскаго нарѣчія. Что же касается статуэтокъ тѣлъ съ жировыми отложеніями внизу спины, онѣ доказываютъ наличность группы готтентотскаго происхожденія въ неолитической расѣ. Черные сосуды свидѣтельствуютъ о сношеніяхъ съ Азіей и островами. Однимъ словомъ, доисторическая раса должна была быть очень смѣшанной. Но между ея разнообразными элементами довольно быстро произошло сліяніе подъ ударомъ побѣдоноснаго нашествія, которое перемѣшало всѣ предъидущіе слои населенія.

* * *

Въ то время, какъ Петри и де-Морганъ извлекали изъ земли доисторическую расу, Амелино открылъ въ Абидосѣ могилы съ обозначеніемъ времени, по которымъ можно было опредѣлять возрастъ памятниковъ безъ надписи.

¹⁾ J. de-Morgan, *Recherches*, I, стр. 239.

Въ ноябрѣ 1895 года Амелино началъ свои раскопки въ мѣстности Абидоса, которую уступило ему Попечительство о Древностяхъ¹⁾. Результатъ былъ незначителенъ, пока не дошли до одного ущелья, ведущаго въ Либійскую пустыню, и не попали на кладбище Омъ-эль-Га'а бъ. Названіе живописно; оно означаетъ: мать съ горшками. Тамъ было пять холмовъ, устѣянныхъ безчисленными горшками, красными, очень грубыми, и обломками сосудовъ изъ твердаго камня, интересъ которыхъ въ 1895 году былъ еще неизвѣстенъ.

Три первыхъ холма доставили двѣсти небольшихъ могилъ, вырытыхъ въ нижнемъ слоѣ земли и обдѣланныхъ кирпичной стѣной; лежавшіе въ нихъ скелеты были набоку, въ скорченномъ положеніи. Амелино, не обратившій сначала вниманія на эти могилы, узналъ отъ Петри и де-Моргана, что подобныя же могилы были найдены въ Нэгадѣ, и что имъ приписываютъ глубокую древность; это побудило его взять на себя позднѣе, въ мартѣ 1896 года, руководство специальными раскопками въ Эль-Амрѣ, гдѣ было открыто одно изъ важнѣйшихъ доисторическихъ кладбищъ.

1) E. Amélineau, *Les nouvelles fouilles d'Abidos*, 3 брошюры in 8° и 5 томовъ in 4°.

Рядомъ съ маленькими могилами были обнаружены двѣ большія гробницы изъ кирпича, девяти метровъ на пять; на одномъ изъ обломковъ вазъ изъ алебаstra и твердаго камня оказался рисунокъ сокола, сидящаго на прямоугольникѣ, что было знакомъ царскаго имени; но изломъ уничтожилъ гіероглифы. Вокругъ четвертаго холма то же обиліе маленькихъ могилъ изъ кирпича; самыя красивыя изъ нихъ были выложены досками, скрѣпленными мѣдною проволокой. Это было огромное архаическое кладбище: главные памятники, вокругъ которыхъ обыкновенно скупивались маленькія могилы, должны были стоять въ серединѣ.

Черезъ нѣсколько дней Амелино открылъ зданіе въ пятнадцать метровъ длины, восемь ширины и шесть высоты. Толщина кирпичныхъ стѣнъ была болѣе четырехъ метровъ; лѣстница въ сорокъ двѣ ступени вела во внутренній покой, выложенный розовымъ гранитомъ. На гранитной ступѣ и крышкѣ изъ мергеля можно было прочесть имя царя Дэна, перваго архаическаго царя, жившаго тысячи лѣтъ тому назадъ. Невдалекѣ вторая гробница, выложенная досками, съ колоннами, поднимавшимися съ пола съ правильными промежутками, носила на гранитной плитѣ имя царя Ка. Параллельно стояла гробница изъ кирпича и дерева, царя Мерсеха; наконецъ,

появилось четвертое зданіе, состоявшее изъ главнаго покоя и маленькихъ комнатъ, заставленными сосудами и плитами съ именами частныхъ лицъ; посрединѣ находилась роскошная плита изъ известняка, разбитая на три части; имя царя, изображенное большой змѣей, однако уцѣлѣло; мы временно читаемъ это какъ Зэтъ ¹⁾).

Въ общемъ, кампанія 1895 — 96 г.г. доставила Амелино открытіе четырехъ гробницъ царей Дэна, Ка, Мерсеха и Зэта; но на обломкахъ сосудовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ, можно было разобрать двѣнадцать другихъ царскихъ именъ, между прочимъ, Ахъ, Нърмеръ, Мербапенъ; расшифровка этихъ, неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ именъ, ускользнула отъ Амелино, и имена были прочитаны и установлены два года спустя послѣ ихъ открытія.

„Къ какой же эпохѣ слѣдуетъ отнести эти любопытные памятники?“ Этотъ вопросъ задалъ себѣ Амелино передъ Академіей Надписей и Изящной Литературы, на засѣданіи 29 мая 1896 года. Установивъ архаичность найденныхъ памятниковъ, „слѣдовало бы, го-

¹⁾ Когда этотъ памятникъ былъ назначенъ къ продажѣ съ публичнаго торга, три года тому назадъ, его оспаривали другъ у друга Берлинскій и Луврскій музеи; онъ остался, наконецъ, за Франціей, но цѣной болѣе ста тысячъ франковъ...

ворилъ онъ, отнести ихъ къ первымъ династіямъ... Но обѣ первыя династіи не включаютъ ни одного имени, походяго на тѣ, которыя открыты мною;... что приводитъ насъ къ эпохѣ, предшествовавшей двумъ первымъ династіямъ. По Манеѳону, до первой династіи царствовали надъ Египтомъ Нэкіесы и Полубоги. Эти Мертвые или Тѣни не есть божественныя династіи, какъ это думали, и ими вполне могли быть цари, чьи имена я нашель въ могилахъ Абидоса ¹⁾.”

Вы уже понимаете, къ чему приводитъ это утвержденье. По преданію, сохранившемуся въ Королевскомъ Туринскомъ папирусь и освященному Манеѳономъ и Діодоромъ, Фараонамъ предшествовали въ землѣ Египетской Боги, Полубоги и Тѣни. Не кроются ли подъ этими легендарными преданіями какія-нибудь историческія данныя? Такъ называемые Боги, Полубоги и Тѣни, существовали ли они въ дѣйствительности, какъ это утверждаетъ Діодоръ, въ видѣ людей, которыхъ преемники ихъ, по благочестію или изъ-за династической выгоды, возвели въ санъ боговъ? Масперо отказался присоединиться къ этой теоріи. „Я тоже убѣжденъ—заявилъ онъ—что существу-

¹⁾ Amélineau, Les nouvelles fouilles d'Abydos, 1896. In 8°, стр. 23.

ютъ памятники, предшествовавшіе Менесу (первому Египетскому царю по таблицамъ Фараоновъ и списку Манеѳона)... Но прежде чѣмъ согласиться съ тѣмъ, что находки Амелино относятся къ этой категоріи, я бы желалъ получить отъ него доказательство, хотя бы одно единственное, что ихъ нельзя приписать ни тремъ первымъ династіямъ, ни VII, VIII, IX и X, гдѣ большинство владыкъ все еще лишены своихъ именъ Гора“.

Амелино упустилъ изъ виду эту гипотезу: возможно, что открытыя имена были двойными и употреблялись вмѣстѣ съ именами, уже извѣстными изъ царскихъ списковъ; для этого достаточно было допустить, что съ архаическихъ временъ Фараоны носили „имя Гора“, отличное отъ „имени царскаго ¹⁾“.

¹⁾ Имя Горуса или Гора Фараоновъ вписано въ прямоугольникъ, украшенный у своего основанія схематическимъ рисункомъ двери, простой или двойной: это планъ дворца, въ которомъ пребываетъ тѣлесная душа, двойникъ или геній царя, т. е. гробницы. Вотъ почему имя это называется Именемъ Двойника. На прямоугольникъ сидитъ соколъ, символизирующій бога Гора, къ которому приравнивается царь. Откуда выраженіе Имя Гора. Передъ Именемъ Царскимъ, чаще всего отличнымъ отъ Имени Горуса, стоитъ тростникъ и пчела или коршунъ и змѣя; въ классическую эпоху это имя заключается въ овальную картушу.

Тогда объяснилось бы, почему царскія имена, найденныя въ Абидосѣ, не встрѣчаются въ официальныхъ спискахъ: послѣдніе приводятъ „царскія имена“, памятники же до сихъ поръ даютъ лишь „имена Гора“. Мы знаемъ теперь, что это предположеніе подтвердилось: по обломкамъ сосудовъ, найденныхъ самимъ Амелино или другими, обнаружилось что для нѣсколькихъ царей употреблялось два имени, обозначающія одного и того же Фараона, что позволило согласовать данныя списковъ и Манеона со свидѣтельствомъ памятниковъ.

Тѣмъ не менѣе, въ 1896 году Амелино оставался еще при своемъ мнѣніи; несмотря на то, что Манеонъ указалъ на происхожденіе царей двухъ первыхъ династій изъ Тиниса, тотъ, кто открылъ ихъ могилы, не хотѣлъ допустить предположенія, что онъ нашелъ самыхъ древнихъ Фараоновъ-смертныхъ. Это повело къ предвзятости въ руководствѣ раскопками 1897—99 г.г. и въ истолкованіи ихъ результатовъ.

Кампанія 1896 — 97 г.г. въ окрестностяхъ четвертаго холма доставила огромную гробницу, въ 80 метровъ длины, раздѣленную на 65 комнатъ, изобиловавшихъ погребальной утварью. Царское имя, вырѣзанное на крышкахъ кувшиновъ, представляло еще неизвѣстную особенность: вмѣсто сокола Гора стоя-

ли соколъ и борзая собака, лицомъ къ лицу или другъ за другомъ. Внутри было имя, прочитанное сначала Ти, которому Масперо далъ въ послѣдствіи правильное чтеніе Х а з е х е м у и. Амелино считалъ, что двойное животное означало двойное имя, а слѣдовательно, двухъ царей. Могила показалась ему болѣе старой, чѣмъ двѣ предыдущія; слѣдовательно, заключилъ онъ, эти два царя принадлежатъ къ династїи Боговъ, предшествовавшей династїи Тѣней.

Это открытіе вызвало въ немъ нѣкоторое разочарованіе: онъ рассчитывалъ открыть могилу самаго популярнаго изъ боговъ-царей, того Озириса, который сталъ въ послѣдствіи покровителемъ Абидоса, „однако, надписи гласили о двухъ богахъ, тогда какъ онъ надѣялся найти лишь одного“.

Въ слѣдующемъ году (1897—98) четвертый холмъ, для котораго наступила очередь, далъ множество обломковъ, относящихся къ болѣе новой эпохѣ, съ посвященіями Озирису: не приближались ли къ пресловутой могилѣ Озириса, которая, по преданію, находилась въ Абидосѣ? Три условія, по Амелино, были необходимы, чтобы искомый памятникъ можно было отождествить съ могилой Озириса: преданіе гласило о множествѣ могилъ или плитъ, расположенныхъ кругообразно; не менѣе прославленная лѣстница должна была вести къ

гробу; знаменитая реликвія, голова Озириса, должна была находиться тамъ, заключенная въ раку. Дѣйствительно, среди многочисленныхъ могилъ, 2 января 1898 года было открыто кирпичное строеніе 12 метровъ длины. Оно было наполнено огромными кувшинами; у южной стѣны находилось смертное ложе изъ гранита, въ 1 метръ 80 сантиметровъ длины, на немъ лежалъ Озирисъ, увѣнчанный митрой, обложенный въ саванъ, со скипетромъ и бичемъ въ рукахъ ¹⁾. У праваго плеча можно было прочесть его имя, „Озирисъ, Существо Благое съ голосомъ животворящимъ“; въ изголовьѣ и у ногъ бодрствуютъ четыре сокола, „Горусы, охраняющіе своего отца“, пятая птица, Изида, опустилась на тѣло своего супруга. Ложе окружено посвященіями „Озирису Хонтаменти, Владыкѣ Абидоса;“ имя царя-жертвователя было разбито и не поддавалось чтенію, но художественный стиль и редакція Царскаго протокола не позволяютъ отнести памятникъ за предѣлы перваго Оиванскаго царства (около 2500 года до Р. Х.), а возможно, что онъ еще менѣе отдаленной эпохи.

Амелино нисколько не усумнился въ томъ, что нашелъ могилу Озириса, и продолжаетъ

¹⁾ Музей Гимэ получилъ съ Амелино слѣпокъ ложа Озириса.

еще обозначать памятникъ этимъ именемъ. Правда, погребальное ложе, дѣйствительно, не въ античномъ стилѣ, но вѣдь позднѣйшіе цари могли обновить первоначальный мавзолей. Наконецъ, послѣднее доказательство: найдена была только одна единственная часть скелета — черепъ, который „не могъ не быть черепомъ Озириса“.

Послѣдній доводъ былъ рѣшающимъ въ опредѣленіи могилы бога-царя. Слѣдствіемъ этого явилась новая очевидность: памятникъ, открытый годомъ раньше, принадлежалъ преемнику Озириса, его брату Сэту, который умертвилъ его, и сыну его Гору, который за него отомстилъ. Царское имя съ борзой собакой Сэта и соколомъ Гора обозначало Сэта и Гора примирившихся и подѣлившихъ Египеть между собой — представленіе, согласующееся съ однимъ изъ преданій, дошедшихъ о божественныхъ династіяхъ. Такъ установилась теорія, въ силу которой „божественныя династіи твердыми шагами вступали въ исторію“.

Въ настоящее время у этой теоріи нѣтъ больше приверженцевъ. Допускаютъ, что погребальное ложе есть поминальный памятникъ позднѣйшаго стиля, который, быть можетъ, возобновляетъ болѣе древній мавзолей. Масперо, въ 1898 году, высказалъ мысль, что мѣсто, на которомъ лежитъ Озирисъ, „могло

быть первоначально могилой монарха изъ Тинисской династіи“. Дѣйствительно, найденные тамъ кувшины помѣчены именемъ Новаго Гора, царя Зэра: это и былъ истинный обладатель могилы, ставшей впослѣдствіи мѣстомъ часовни Озириса. Что касается „черепъ Озириса“, изслѣдованіе, произведенное специалистами, показало, „что это вовсе не человѣческій черепъ“. Двойной титулъ, начертанный въ видѣ сокола и борзой собаки, обозначавшій, по мнѣнію Амелино, „Гора и Сэта“, нашелъ достовѣрное историческое объясненіе. Это одно изъ развитій имени, которое принимаетъ Фараонъ, какъ наслѣдникъ божественныхъ династій. Нѣкогда Сэтъ и Горъ подѣлили Египеть; Фараонъ, царствуя надъ обѣими половинами раздѣленной ими страны, и носитъ имена обоихъ божественныхъ своихъ предковъ. Иногда царицы получаютъ слѣдующее имя, которое уяснить всю эту аллегорію: „Та, что зрѣтъ своего Гора и своего Сэта“, т. е. царя, который ихъ замѣнилъ. Для историковъ могила Озириса есть не что иное, какъ могила царя Зэра; могила Гора и Сэта—царя Хазехемуи. Памятники, открытые Амелино, нисколько не утратили своего громаднаго интереса; они выиграла съ переходомъ изъ области вымысловъ въ область дѣйствительности,

Къ концу своихъ раскопокъ Амелино, впрочемъ, вернулся на почву исторической правды; онъ нашелъ послѣднее зданіе, состоявшее изъ комнатъ съ уцѣлѣвшими бревенчатыми потолками; всюду сосуды изъ камня и мѣди, плиты, крышки кувшиновъ. Вырѣзанное на нихъ имя было именемъ царя Перабсена, знакомое уже по одной плитѣ, сохранившейся въ Каирѣ, гдѣ оно стоитъ рядомъ съ именемъ царя Сонду, по спискамъ относяшагося ко II человѣческой династіи. Пятый курганъ Омъ-эль-Гааба не далъ ничего важнаго. Но открытіе памятника Перабсена увѣнчало раскопки Амелино: цари Абидоса оказались царями Тинисскихъ династій.

Одновременно стали появляться подтвержденія этихъ заключеній въ другихъ мѣстахъ Египта. Де-Морганъ внимательно слѣдилъ за раскопками въ Абидосѣ, которыя позволяли связать документы неолитическаго вѣка съ исторической эпохой: онъ впервые опубликовалъ царскія имена, любезно сообщенныя ему Амелино. По сосѣдству съ неолитическими средоточіями Балласа и Туха, между Абидосомъ и Оивами, онъ самъ, въ мартѣ 1897 года, расчистилъ остатки памятника, который показался ему современнымъ Абидосскимъ зданіямъ. Это прямоугольникъ въ 54 метра на 27, очень тщательной работы, заключающій

одинъ главный покой съ остатками обожженнаго скелета, и шестнадцать боковыхъ комнатъ, полныхъ сосудовъ и всевозможныхъ вещей, перечень которыхъ занимаетъ больше четырехъ страницъ. Все это было покрыто толстымъ слоемъ пепла: вся гробница, подобно многимъ изъ царскихъ могилъ Абидоса, была предана пламени, бушевавшему съ такой силой, что сосуды изъ гранита, порфира, мергеля остеклились, а кирпичныя стѣны толщиной въ 40 сантиметровъ, прокалились. Кувшины для припасовъ и другіе предметы помѣчены именемъ царя Ахи, уже знакомымъ по обломкамъ, найденнымъ въ Абидосѣ.

Эти открытія, расширявшія территорію, занятую архаическими царями, подверглись обсужденію на конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ, въ сентябрѣ 1897 года. Одинъ изъ молодыхъ ученыхъ представителей германской египтологіи, Куртъ Сэтъ, нынѣ профессоръ въ Геттингенѣ, сообщилъ что онъ нашель на нѣкоторыхъ обломкахъ сосудовъ, опубликованныхъ Амелино, „царскія имена“ трехъ царей I династіи такими, какъ они даны въ спискахъ Фараоновъ; до сихъ поръ имена эти, соответствовавшіе „Міебису, Усафаису и Семемпсесу“ Манеѳона, ускользали отъ проницательности египтологовъ, благодаря своему архаическому начертанію. Нѣсколько недѣль спустя, Масперо

предложилъ признать имя „Менесъ“ въ гіероглифическомъ знакѣ Менъ, которому предшествовали царскіе титулы. На дощечкѣ ¹⁾ изъ слоновой кости, покрытой загадочными изображеніями, рядомъ съ именемъ Гора стояло Аха. Одновременно (25 ноября 1897 г.), передъ Берлинской Академіей Борхардтъ ввелъ точно такое же чтеніе. Это отождествленіе и было принято всѣми египтологами по техническимъ соображеніямъ, которые здѣсь невозможно привести вкратцѣ. Изъ того, что картуша Ахи найдена въ Абидосѣ, вывели заключеніе, что цари Абидоса были наслѣдниками царя Нэгады, Аха-Менеса; это совпадаетъ и съ выводами Сэта. Въ концѣ 1897 года было доказано, что Амелино и де-Морганъ нашли, по меньшей мѣрѣ, четырехъ царей I династіи изъ тѣхъ восьми, о которыхъ упоминаетъ Манеонъ, и, быть можетъ, самого баснословнаго Менеса, перваго изъ Фараоновъ.

Эти неожиданныя данныя были пополнены раскопками Кибелля въ одной изъ старѣйшихъ извѣстныхъ намъ мѣстностей Египта,

¹⁾ Эта дощечка найдена разбитой на куски, приблизительно одной трети изъ нихъ недоставало. Въ 1895 году Гарстангъ вернулся къ мѣстности Нэгады; при просѣиваніи земли ему посчастливилось найти еще одинъ кусокъ той же дощечки, который точно пришелся къ прежнимъ.

Гіераконполисъ, Соколиномъ градъ, на полпути между Оивами и Элефантиной ¹⁾. Подъ развалинами одного святилища XII династіи обнаружена группа пяти маленькихъ комнатъ построенныхъ изъ кирпича, гдѣ лежало множество приношеній по обѣту, временъ первыхъ династій; большая часть была помѣчена именемъ царя Н а р м е р а, которое уже встрѣчалось на обломкахъ изъ Абидоса. Имя такъ называемыхъ царей Гора-Сэта, Хазехемуи, красовалось на роскошныхъ косякахъ гранитныхъ дверей; двѣ статуи доставили картушу новаго царя Хазехема; иные предметы восходили до VI династіи. Всѣ находки были исключительной красоты; вѣроятно мы видимъ здѣсь все лучшее, дары по обѣту, принесенные въ храмъ.

Число царскихъ именъ все возрастало. Петри увеличилъ его еще, возобновивъ раскопки въ Абидосѣ, съ 1899 по 1900 гг., на томъ самомъ мѣстѣ, которое использовалъ и забросилъ Амелино. Вся выкопанная земля была просѣяна, зданія осмотрѣны заново, курганы тщательно обслѣдованы до малѣйшихъ подробностей. Появилось два новыхъ зданія; въ одномъ лежала большая плита съ именемъ царицы Мэритъ-Нэитъ, по всей

¹⁾ Quibell, Hierakonpolis, I, 1901; II, 1902.

вѣроятности, жены Ахи; другое, повидимому, принадлежало царю Анз-абу. Но главная добыча Петри заключалась въ крышкахъ кувшиновъ, въ дощечкахъ изъ слоновой кости и обломкахъ вазъ, помѣченныхъ царскими именами, чѣмъ пренебрегъ его предшественникъ. Изреченія, вырѣзанныя на этихъ документахъ, показали, что „имена Гора“, Дэнъ, Анз-абъ, Мерсехъ, принадлежали тѣмъ же самымъ лицамъ, какъ и „царскія имена, уже опознанныя Куртомъ Сэтомъ, а именно, Миебисъ, Усафаисъ, Семемпсесъ¹⁾“. Итакъ, эти шесть именъ принадлежатъ лишь тремъ Фараонамъ. Зато появилось нѣсколько именъ Гора, до сихъ поръ неизвѣстныхъ. И вотъ, египтологи, горевавшіе о полномъ отсутствіи документовъ, относящихся къ первымъ династіямъ, теперь очутились въ затрудненіи, благодаря обилію царскихъ именъ, число которыхъ значительно превосходитъ данныя списковъ классической эпохи²⁾. Какой же можно сдѣлать отсюда выводъ? Или составители этихъ списковъ и книгъ сами не знали всѣхъ именъ, которыя мы нашли, или же сдѣлали изъ нихъ

¹⁾ Fl. Petrie, *The Royal tombs at Abydos*, I, 1899, II, 1901; *Abydos*, I—III, 1902—1905.

²⁾ Петри предложилъ ввести названіе Династіи 0 (ноль) для этихъ дополнительныхъ царей; нѣкоторые изъ нихъ, какъ будто бы, предшествуютъ Менесу.

выборъ, причемъ намъ неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній оказывалось предпочтеніе тому или другому царю.

Съ 1900 года ходъ открытій замедлился и сталъ правильнѣе. Новыя имена появляются рѣже изъ-подъ земли, хотя всегда возможны непредвидѣнныя находки. Зато разсѣялось еще одно заблужденіе: не слѣдуетъ больше считать, что цари первыхъ династій владѣли мелкими территоріальными областями. Раскопки и изслѣдованія Масперо и Барсанти доказали, что Тинисскіе цари занимали мѣстности Мемфиса и Сахары; труды Вейля обнаружили наличность памятниковъ царя Мерсеа въ Синайскихъ рудникахъ, разработка которыхъ восходитъ къ I династии. Такимъ образомъ, Тинисское господство простиралось надъ всѣмъ Египтомъ.

* * *

Тинисская цивилизація существенно отличается отъ культуры неолитическаго вѣка своими новыми элементами, которые немногочисленны, но крайне важны: употребленіемъ металла, строительнымъ искусствомъ и знаніемъ письменности. Невозможно предположить, чтобы мѣстное населеніе такъ внезапно достигло такихъ значительныхъ успѣховъ; эти гончары, эти ваятели не могли превратиться

въ кузнецовъ и каменщиковъ Абидоса и Нэгады. Мы должны допустить, что нашествіе внесло въ Египеть новую народность, Египтянь исторической эпохи.

Откуда пришли эти завоеватели? Ихъ языкъ уже вполнѣ выработанъ, на немъ пишутъ при помощи знаковъ, которые мы называемъ „гіероглифическими“: они изображаютъ тотъ или другой предметъ или существо, и рѣдко бываютъ идеограммами. Эта письменность уже не въ первобытной стадіи, когда, по способу людей неолитической эпохи, пишутъ слово „левъ“, рисуя льва; она достигла той, болѣе утонченной степени, когда левъ не болѣе, какъ знакъ звука, буква или слогъ. Но Египетскій языкъ въ своихъ основныхъ грамматическихъ формахъ, на примѣръ, въ нарѣчіяхъ, и въ своихъ главныхъ корняхъ представляетъ развѣтвленіе Семитической вѣтви. Отсюда первое доказательство Азіатскаго происхожденія завоевателей.

Стиль памятниковъ подтверждаетъ это предположеніе. Употребленіе кирпича, даже по близости каменоломенъ пустыни, изобилующихъ красивыми породами, заставляетъ насъ думать, что эти новые пришельцы заимствовали свои знанія въ Халдеѣ. Въ Нэгадѣ окружающая стѣна, возведенная Ахой, по одному фасаду украшена призматическими выемками, обра-

зующими правильныи рядъ выступовъ и углубленій. Такое же расположеніе наблюдается во всѣхъ царскихъ дворцахъ; прямоугольная картуша, гдѣ вписывается имя Гора, схематическій планъ дворца, всегда носить это украшеніе, которое впослѣдствіи переходитъ и на гробницы, воздвигнутыя царями, ихъ родственниками и придворными. Де-Морганъ обратилъ вниманіе на поразительное сходство между такимъ способомъ постройки и извѣстными планами, очень древними, въ нижней Халдеѣ. Цилиндры для оттиска царскихъ именъ на глиняныхъ сосудахъ тоже подтверждаютъ Халдейское вліяніе; въ Египтѣ они скоро исчезли, сохранившись только въ видѣ исключенія послѣ Тинисскаго періода; это была мода, чуждая странѣ, и она не привилась на берегахъ Нила. На нѣкоторыхъ гравированныхъ дощечкахъ вызываютъ удивленіе фантастическія животныя съ несоразмѣрно длинной шеей, подобныя которымъ, по изслѣдованіямъ Гёзэ, встрѣчаются только на Халдейскихъ цилиндрахъ. Наконецъ, употребленіе мѣди и бронзы подтверждается нахожденіемъ ножей, булавокъ, гвоздей, шиль, наконечниковъ копій; золото выдѣлывалось листовое и чеканенное, желѣзо было извѣстно въ видѣ краснаго желѣзняка. Эти металлы, за исключеніемъ золота, происходили изъ Азіи и изъ Синая. Элементы

цивилизациі, совершившіе вещественный и умственный переворотъ среди неолитическихъ туземцевъ, были, слѣдовательно, по всей вѣроятности, занесены изъ очага культуры, достигшей высокой степени развитія въ то самое время, когда обитатели Нильской долины довольствовались первоначальными представленіями и первобытными орудіями ¹⁾).

Повидимому, азіатскіе кузнецы проникли въ Египетъ не черезъ Суэзскій перешеекъ, а переправившись черезъ Красное море; они достигли Нила, быть можетъ, слѣдуя по Уади Гаммамату изъ Коцеира въ Коптосъ. Этимъ объяснилась бы наличность въ Коптосѣ очень древнихъ статуй, которыя, быть можетъ, представляютъ первые памятники новой расы. По общему мнѣнію, на пути изъ Халдеи въ Египетъ, Аравія и можетъ быть, страна Пунтъ (побережье Эритреи и Сомалиса) служили мѣстами стоянокъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ, для переселяющихся народовъ ²⁾).

1) De-Morgan, *Recherches*, I, стр. 199.

2) Въ историческую эпоху единственнымъ иноземнымъ народомъ, съ которымъ Египтяне признавали свое сходство чертъ лица, цвѣта кожи, съ которыми они никогда не воевали, былъ народъ страны Пунтъ, „Земли боговъ“, откуда къ нимъ явились, быть можетъ, Горъ и Гаторъ. — Сличить Loret, *Nogus le Faoucon*.

Проникнувъ въ Египетъ черезъ среднюю часть долины, завоеватели основали свои первыя селенія противъ устьевъ долины, въ Абидосѣ и Нэгадѣ. Туземное населеніе дало имъ жестокія сраженія; это, повидимому, къ нему относятся имена Темху и Ану, встрѣчающіяся на первыхъ фигурныхъ памятникахъ завоевателей, и въ позднѣйшую эпоху означающія Нубійцевъ и Либійцевъ. Оттѣсненные, одни къ югу до Нубіи, другіе на сѣверъ до Дельты, туземцы изображаются на обѣтныхъ дощечкахъ связанными Соколомъ-побѣдителемъ, поверженными царскимъ Быкомъ, ритуально обезглавленными или умерщвленными Фараономъ. На Палермскомъ камнѣ, хранящемъ списокъ празднествъ Тинисскаго и Мемфисскаго періода, отдѣльно отмѣчены дни, когда вспоминали о „пораженіи Ану“ ¹⁾.

Туземцы были побѣждены, можетъ быть, численностью и навѣрное превосходствомъ вооруженія завоевателей. Мѣдные, бронзовые или желѣзные наконечники давали копьямъ, топорамъ и стрѣламъ пришельцевъ матеріальный и моральный перевѣсъ, о чемъ сохранился любопытный слѣдъ въ исторіи. Тексты и барельефы Птолемеевского храма въ Эдфу про-

¹⁾ J. Capart, *La fête de frapper les Anou*, 1901.

странно повѣствуютъ объ исторіи войнъ во времена божественныхъ династій, которыя велись Горомъ, богомъ - соколомъ, при покореніи Египта. „Спутниками Гора“ были воины, вооруженные копьями и дротиками, носящіе названіе „кузнецовъ“; ихъ селенія называются „кузницами“. Для Масперо, пролившаго свѣтъ на эту область міеологической исторіи, легенда Гора, побѣждающаго Египетъ во главѣ своихъ „кузнецовъ“, не болѣе, какъ отдаленное эхо одного изъ событій первоначальной исторіи: и „чѣмъ-то подобнымъ появленію Испанцевъ среди населенія Новаго Свѣта было это вторженіе въ Египетъ народовъ, знающихъ и употребляющихъ желѣзо, имѣющихъ въ своей средѣ касту кузнецовъ и несущихъ культъ воинственнаго бога ¹⁾“.

„Спутники Гора“, повидимому, дѣйствительно, представляютъ изъ себя передовые отряды новаго народа; въ текстахъ пирамидъ VI династіи о нихъ говорится, какъ о предкахъ, уже подернутыхъ дымкой, но все еще живыхъ въ памяти. Они основали столицу въ Гіераконполисѣ, въ центрѣ Верхняго Египта и вторую въ Буто, въ самой Дельтѣ; съ тѣхъ поръ долина раздѣлилась на Бѣлое Царство

¹⁾ Maspero, Les forgerons d'Horus.

Юга и Красное Царство Сѣвера. Два эти Египта не жили въ согласіи. Гіераконполисъ, памятники котораго нашель Кибелль, подавилъ Буту, и масса оружія Нармера свидѣтельствуесть о сраженіяхъ. У подножья статуй царя Хазехема изображены несчастные Сѣверяне въ страдальческихъ позахъ; ихъ предають казни съ варварской утонченностью¹⁾. Съ воцареніемъ Аха-Менеса поражение Краснаго Царства полное. Этотъ первый въ спискахъ Фараоновъ царь объединилъ оба Египта и основалъ монархію. Чтобы держать въ подчиненіи Красную страну, онъ соорудилъ на границѣ Дельты большую стѣну, окрашенную въ цвѣтъ Юга, знаменитую Бѣлую стѣну Мемфиса; ея оскорбительное названіе сохранилось до Греческой эпохи и отмѣчено Геродотомъ, Фукидидомъ и Страбономъ. Къ югу отъ стѣны было сооружено святилище Фта-внѣ-стѣнъ (дословно, „на югъ отъ его стѣны“); въ день его открытія Менесъ впервые совершилъ символическіе обряды соединенія папируса и лотоса, подчинившихся единой власти; онъ увѣнчалъ себя бѣлой митрой и красной короной и въ торжественной процессіи обошелъ Бѣлую стѣну; до самаго конца Египетской цивилизаціи, Фараоны, Птолемеи

¹⁾ Quibell, Hierakonpolis, I, табл. 39—40.

и Цезари повторяли при своемъ коронованіи эти три церемоніи, которыя свидѣтельствовали о пораженіи Сѣвера и объединеніи двухъ Египтовъ ¹⁾). Потребовалось еще нѣсколько столѣтій для умиротворенія Египта; оно было дѣломъ, еще мало изученнымъ, тинисскихъ фараоновъ. Мемфисскимъ царямъ третьей династіи они оставили Египетъ объединеннымъ, и съ тѣхъ поръ не замѣчается ни соперничества между Красными и Бѣлыми, ни вражды между Либійцами и Азіатами.

Если побѣдители принудили къ повиновенію своей власти, то побѣжденные заставили принять свои нравы. Эпоха первой династіи ознаменована полнымъ расцвѣтомъ искусствъ каменнаго вѣка; въ царскихъ могилахъ мы находимъ самые блестящіе образцы вазъ изъ твердаго камня, въ особенности эти чудесные шары изъ порфира съ разукрашенными поверхностями, гдѣ рука рабочаго провела грани невѣроятной точности. Тинисскіе фараоны выказали себя большими любителями этой истинно царской посуды; имъ пришла счастливая мысль вырѣзывать свои имена на блюдахъ, вазахъ, чашахъ, тарелкахъ, и обломки этихъ приборовъ, разбитыхъ вдребезги, позволили возстановить

¹⁾ Kurt Sethe, Beiträge zur ältesten Geschichte Aegyptens, 1906.

ряды династій ¹⁾). Кремневая промышленность съ появленіемъ оружія и металлическихъ орудій не исчезла, но большіе ножи, созданія доисторическихъ людей, стали предметами роскоши и служили только обѣтными дарами, которые приносили въ храмы, или драгоцѣннымъ оружіемъ, предназначеннымъ для Фараоновъ. Золотой листъ съ розетками и свернувшимися змѣями украшаетъ рукоятку великолѣпнаго образца, найденнаго въ Эль-Амрѣ; на другомъ рукоятка массивнаго золота, прикрѣпленная къ кремневому лезвію тремя заклепками, украшена пляшущими женщинами и лодкой со знаменами. Мелкая обѣтная утварь украшается пластинками слоновой кости съ тонко вырѣзанными фигурами животныхъ; эти вещи были на бычачьихъ ножкахъ изъ слоновой кости, разработанныхъ согласно традиціямъ Халдейскаго искусства. Рѣзныя дощечки, которыя въ доисторическія времена вкладывались въ руки покойниковъ, зарытыхъ въ песокъ, по видимому, становятся украшеніями и подвѣшиваются въ храмахъ; таковы дощечки Гіераконполиса, гдѣ Нармеръ начерталъ свою побѣду надъ людьми Сѣвера. Искусство начинаетъ пріобрѣтать характеръ офиціальныи; народ-

¹⁾ Въ музеѣ Гимэ находится почти полная коллекція царскихъ именъ первой династіи, вырѣзанныхъ на обломкахъ вазъ, и нѣсколько именъ второй.

ная керамика, столь цвѣтушая въ прежнія времена, къ концу Тинисскаго періода мало-по-малу исчезаетъ или техника ея становится чрезвычайно грубой.

Дѣйствительно, художники ограничиваются почти исключительно служеніемъ богамъ и царямъ. Съ завоевателями, обладавшими писанными текстами и религіозной литературой, въ Египетскомъ обществѣ распространяются общія понятія и подчиняютъ своимъ строгимъ рамкамъ его художественное развитіе. Борьба за существованіе на землѣ и безумная жажда пережить себя послѣ смерти — вотъ что владѣетъ всѣми умами. Тогда, въ послѣдовательномъ развитіи, или одновременно, зарождаются ученія о томъ, какой наилучшій способъ побѣдить смерть. Одинъ сжигаетъ трупъ, другой расчленяетъ его и рѣжетъ на куски; здѣсь скелетъ оставляютъ скорченнымъ, тамъ начинаютъ примѣнять бальзамированіе. Изъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ способовъ, ни происхожденія, ни развитія которыхъ мы не знаемъ, съ самыхъ первыхъ временъ письменности выдѣляется и крѣпнетъ одна мысль: въ человѣкѣ есть нѣчто постоянное, въ чемъ воплощается сама раса и что переживаетъ личность; это двойникъ, геній, тѣлесная душа, она соединяется съ формами тѣла, но не сливается съ нимъ. Чтобы спасти двой-

никъ отъ уничтоженія, достаточно построить прочную могилу и сохранять въ ней трупъ, или же замѣнить его человѣческимъ изображеніемъ, начертаннымъ на плитѣ, воспроизведеннымъ въ видѣ статуи или просто именемъ умершаго. Отнынѣ—дѣло каменщиковъ найти тайну нетлѣнныхъ зданій. Ихъ строятъ изъ кирпича на поверхности земли, какъ Абидосскія гробницы; потомъ, высѣкая могилу въ скалѣ, мало-по-малу опускаютъ погребальный склепъ подъ землю, наверху же отводятся комнаты для родственниковъ, приходящихъ совершать обряды. Такъ постепенно доходятъ до типа Мемфисскихъ могилъ, всѣ части которыхъ приходятъ въ гармонію по мѣрѣ того, какъ самыя понятія о загробной жизни развиваются въ стройный синтезъ.

Но вѣра въ загробную жизнь основана на вѣрѣ въ боговъ; явившіеся изъ Аравіи или Пунта вмѣстѣ съ Египтянами первые боги, Горъ, Сэтъ, Шу, Гаторъ, Минъ, воцаряются при посредствѣ своихъ жрецовъ надъ живыми и мертвыми ¹⁾. Отъ первыхъ они требуютъ храмовъ, развалины которыхъ до сихъ поръ уцѣлѣли въ Гіераконполисѣ и Абидосѣ; вторымъ они обезпечиваютъ загробную жизнь, сво-

¹⁾ V. Loret, *Revue égyptologique*, т. XI и Horus le Faucon, 1904.

бодную отъ всякихъ опасностей. Признательность царей и подданныхъ создаетъ правильное богопочитаніе и періодическіе праздники. Вотъ почему Тинисское искусство сводится къ главной цѣли жизни: богамъ, царямъ и мертвымъ нужны статуи, благодаря которымъ оживутъ ихъ двойники. Ваятели пріобрѣтаютъ все больше умѣнія, и ихъ желѣзный рѣзецъ вырѣзаетъ изъ слоновой кости, известняка или дерева грубую статую Мина, изящный образъ Фараона Хазехема, или какое-нибудь тяжело-вѣсный и обыденный образъ простого смертнаго съ необдѣланнымъ туловищемъ, но съ живыми чертами лица: портретъ долженъ быть похожъ, чтобы двойникъ могъ узнать въ немъ себя.

Преобладающія идеи, постепенно подчиняющія себѣ искусство, преобразуютъ и условія общественной жизни. Египтяне принесли съ собой политическій строй и вождей; „спутники Гора“, повидимому, учредили кланы, которые, какъ и у туземцевъ, отличались по тотемамъ, помѣщаемымъ на знаменахъ. Красный Сѣверъ и Бѣлый Югъ подѣлились на враждебные кланы: кланы Сокола, Пса и Волось, заплетенныхъ въ косу, сражаются за Сокола Гора, Чибись и Лукъ поддерживаютъ Борзого пса Сэта. На обѣтныхъ дощечкахъ вырѣзаны ихъ сраженія и побѣды: здѣсь Борзая Собака та-

щитъ повѣшеннаго за шею жалкаго Чибиса; тамъ Соколъ съ позоромъ влачитъ побѣжденный Лукъ; Скорпионъ и Левъ ударами заступа разрушаютъ укрѣпленіе вражескихъ тотемовъ¹⁾. Огромное множество оружія и памятниковъ съ военными украшениями, найденное въ Гіераконполисѣ, святилищѣ Сокола, тоже свидѣтельствуеетъ о боевой дѣятельности „Спутниковъ Гора“ и о борьбѣ съ Сѣверянами, Азіатскими соперниками или мятежными Либійцами.

Примиреніе клановъ и подчиненіе туземцевъ произошло, вѣроятно, въ тѣ времена, когда Менесъ возвелъ Бѣлую стѣну, съ цѣлью господства надъ Сѣверомъ, и построилъ свой дворецъ двойника въ Нэгадѣ, промежуточномъ городѣ между Буто и Гіераконполисомъ, центрѣ тинисскаго Египта. Къ этому же времени, повидимому, относится и любопытная перемѣна въ особѣ Фараона. До сихъ поръ царь, вождь отдѣльнаго клана, избиралъ своимъ тотемомъ какое-нибудь животное, которое, какъ полагали, принимало участіе въ битвахъ. Рыба Наръ, служащая для начертанія имени Нармера, не есть безжизненный знакъ: иногда мы видимъ ее снабженной двумя руками, она заноситъ ими палицу, чтобы сразить Либійца.

1) V. Loret, L'Égypte au Temps du totémisme, 1906 г.

Щитъ и дротикъ, составляющіе имя Аха-Менеса, находятся въ когтяхъ у Сокола Гора, а крылья его распростерты во всю ширину для полета на битву ¹⁾. Послѣ объединенія Бѣлыхъ и Красныхъ Соколъ становится богомъ безпристрастнымъ: онъ больше не спускается на поле битвы и мирно сидитъ на своемъ царскомъ шестѣ. Фараонъ относится къ птицѣ не какъ къ тотему, вождю клана, товарищу въ битвахъ, онъ поклоняется ему какъ національному богу объединеннаго Египта, принимаетъ его имя, отождествляетъ себя съ нимъ, и дѣлаетъ Сокола символомъ своей власти и первымъ изъ своихъ титуловъ. Какимъ образомъ кланъ Сокола и вождь его, Фараонъ, поглотили другіе кланы и другихъ вождей? Это было достигнуто съ бою и путемъ взаимныхъ уступокъ. Два старинныя царства, Гіераконполисъ и Буто, получили для своихъ тотемовъ, Коршуна и Змѣи, честь быть выбранными послѣ Сокола официальными титулами царя. То же преимущество было дано Тростнику Юга и Пчелѣ Сѣвера. Итакъ, Фараоны купили свою побѣду, принявъ, наряду съ Соколомъ, четыре старинныхъ враждебныхъ тотема, которые, въ свою очередь, обезпечили

¹⁾ Въ *L'Aigle du Casque* В. Гюго одаряетъ, точно такой же жизнью геральдическую птицу, украшающую шлемъ злого рыцаря.

ему внѣшнюю и духовную власть. Прошло нѣсколько столѣтій, и теологи Гіераконполиса ¹⁾ соединяють эти разрозненныя понятія, построивъ теорію божественныхъ династій, основанныхъ солнцемъ Ра, утвержденныхъ Горомъ Соколомъ и продолженныхъ сыномъ ихъ, Фараономъ, „сыномъ Солнца, возобновляющимъ годы земной жизни Гора“.

* * *

Итакъ, Египеть тинисскихъ династій предопредѣляетъ памятники, искусство, религіозныя понятія политическаго строя Мемфисскаго царства. Но сколько пробѣловъ въ этой исторіи, гдѣ намъ еще ничего неизвѣстно ни о происхожденіи туземнаго племени, ни о дѣйствительномъ происхожденіи иноземцевъ, и очень мало о сліяніи двухъ элементовъ, создавшемъ этихъ семитизированныхъ Африканцевъ, которыхъ мы называемъ „Египтянами“. Чтобы угадать скрытыя еще въ землѣ тайны, или объяснить то, что она намъ открыла, было допущено много теорій, которыхъ я не привожу. Не будемъ скрывать отъ себя, что большинство современныхъ мнѣній, складывающихся съ чрезчуръ стремительной, но необходимой для

¹⁾ Сл. S. Maspero, *Les dynasties divines de l'Egypte ancienne*. 1895.

успѣховъ науки поспѣшностью, будутъ забыты или пересмотрѣны въ недалекомъ будущемъ, когда грядущія открытія разобьютъ ихъ или подвергнуть критикѣ документы. Но одно останется: за послѣдніе годы исторія человѣчества, какъ чудомъ, шагнула въ далекое прошлое. Приподнять край завѣсы, скрывающей происхожденіе и первыя сношенія народовъ восточнаго побережья Средиземнаго моря. И—что рѣдко—открытые памятники позволяютъ прослѣдить развитіе народа, начиная съ каменнаго вѣка до историческихъ временъ. И только въ Египтѣ намѣчается путь, проложенный человѣкомъ отъ грубыхъ могилъ пустыни и пещеръ до пышныхъ кургановъ Пирамидъ.

Вокругъ пирамидъ.

На лѣвомъ берегу Нила, отъ мыса Дельты до оазиса Файюмъ, пирамиды Нижняго Египта поднимають къ небу свои треугольные лики, то ясные, то хмурые, въ зависимости отъ игры свѣта. Возносясь надъ обработанными полями, онѣ поднимаются изъ песка, плотно возсѣдая на первомъ уступѣ африканскаго плоскогорья. Уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней пирамидъ насчитывается до сорока. Вмѣстѣ съ сотнями могилъ, тѣснящихся вокругъ, онѣ указываютъ мѣста смѣнявшихся резиденцій Мемфисскихъ фараоновъ: Сахара, Меидумъ, Дахшуръ для III династіи; Гизэхъ для IV; Абусиръ и Сахара для V и VI. Это Древнее Египетское царство, съ 4000 до 3500 года до нашей эры, переживаетъ себя своими могилами, раскинутыми въ окрестностяхъ Мемфиса, его столицы, всѣ слѣды которой исчезли.

Всего только десять лѣтъ тому назадъ мы

надѣялись открыть около пирамидъ зачатки исторіи Египта и самые отдаленные архивы человѣчества; за это время доисторическія кладбища и царскія могилы Абидоса заставили насъ допустить существованіе двухъ первыхъ династій и въ общихъ чертахъ ознакомили съ Тинисской цивилизаціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цари, строители пирамидъ, помѣщены на свое настоящее хронологическое мѣсто, т.-е. заняли вторую стадію исторіи Египта; но больше чѣмъ когда-либо выяснилось все значеніе пирамиды. Предыдущей, тинисской эпохѣ она неизвѣстна; во времена послѣдующихъ Оиванскихъ династій, послѣ XII династіи она выходитъ изъ употребленія. Итакъ, пирамида характеризуетъ одинъ періодъ, древнее Царство; она замѣтно сосредоточивается въ одной мѣстности, въ окрестностяхъ Мемфиса; не подлежитъ сомнѣнію, что новый художественный и религіозный идеаль нашелъ въ ней полное свое выраженіе.

* * *

Архитектурный замыселъ пирамиды не былъ случайной находкой генія, онъ возникъ путемъ довольно медленнаго развитія и послѣдовательнаго усовершенствованія первобытныхъ могилъ.

Доисторическіе туземцы погребали тѣла сво-

ихъ мертвыхъ въ ямахъ, на незначительной глубинѣ, окружая ихъ обычными сосудами. Побѣдители Египтяне занесли изъ Халдеи употребленіе кирпича и воздвигли царскія могилы, усовершенствовавъ первобытное устройство. Яма расширяется и становится прямоугольной; ея обсыпающіяся стѣны укрѣпляются кирпичной облицовкой; деревянный потолокъ отдѣляетъ тѣло отъ набросанной сверху земли; вмѣсто того, чтобы укладывать сосуды и другіе предметы вокругъ тѣла, для нихъ отводятъ комнаты, смежныя съ главной ямой, ставшей погребальнымъ покоемъ. Все вмѣстѣ имѣетъ видъ зданія, приземистаго и удлиненнаго, покрытаго пескомъ; въ него спускаются по кирпичной лѣстницѣ.

Такова царская гробница въ началѣ Тинисскаго періода. Чтобы обезпечить нетлѣнное жилище для тѣла и души, чьи судьбы занимаютъ созрѣвающее сознаніе народа, погребальный склепъ начали прорывать до скалы. Могила приняла видъ удлиненнаго хода, гдѣ скала эта образовала непроницаемый потолокъ. У этой подземной галлерей было слабое мѣсто— всегда открытый въ нее доступъ. Чтобы избѣгнуть его, зодчіе стали прорѣзывать потолокъ узкими перпендикулярными колодцами. съ отверстіемъ на поверхности земли; когда тѣло было погребено, въ эти подступы бросали

огромные камни въ видѣ опускающихъ дверей, которые герметически закупоривали проходъ. Выходъ изъ этихъ колодцевъ находили въ пескѣ, ихъ скрывала куча земли или песку, подпертая стѣнками. Но такой плотно закупоренный склепъ оказывался недоступнымъ для семьи покойнаго; какъ же обезпечить ему тѣлесную жизнь въ загробномъ мірѣ? Въ кучу песка, ставшую кровлей, надъ самымъ тѣломъ, стали закапывать сосуды съ припасами, потомъ при входѣ на лѣстницу отвели маленькую комнату, куда бы могли приходиться родственники съ ихъ дарами. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ планъ зданія входила лѣстница; съ теченіемъ времени она была устранена, какъ дающая слишкомъ свободный доступъ. Ее замѣнили отвѣснымъ колодцемъ, который, прорѣзая всю постройку, позволялъ спускать трупъ на веревкахъ. По окончаніи похороннаго обряда колодцы зарывались, и ничто не указывало на ихъ отверстія. Маленькая комната была перенесена тогда къ восточной сторонѣ мавзолея: она имѣла форму узкаго коридора, а въ концѣ его находилась глухая дверь, какъ бы дававшая доступъ въ жилище мертваго ¹⁾). Усовершенство-

¹⁾ J. Garstang, The third egyptian dynasty, 1904, гл. VI и табл. XX—XXI.

ванная такимъ образомъ тинисская могила превратилась къ началу III династіи въ укрѣпленный домъ, отчасти высѣченный въ скалѣ, отчасти построенный на поверхности земли; онъ включалъ недоступный склепъ, заполненные колодцы и одну комнату для почитанія, открытую родственникамъ. Издали зданіе представляется каменнымъ кубомъ, которому Арабы дали названіе *мастаба* („скамья“); это научный терминъ, принятый для обозначенія могилъ Мемфисской эпохи.

Выборъ матеріала для постройки гробницъ тоже подвергся соотвѣтствующему измѣненію. Подобно Халдеямъ, пришедшіе изъ Азіи Египтяне употребляли преимущественно кирпичъ; но когда они водворились въ узкой долинѣ Нила), скалистые обрывы плоскогорья пустыни доставили имъ грубый и мелкозернистый известнякъ изъ Мокаттама и Тураха, песчаникъ Сильсилэ, алебастръ, гранитъ и базальтъ изъ Ассуана. Искусству обработки этого матеріала новые пришельцы научились у туземцевъ, которые шлифовали всѣ твердые камни съ непостижимой легкостью. Въ своей заботѣ объ обезпеченіи себя несокрушимыми гробницами, Фараоны примѣнили работу туземцевъ къ сооруженію большихъ построекъ; этихъ мастеровъ, шлифовальщиковъ сосудовъ, они превратили въ каменотесовъ и зодчихъ. Съ I ди-

настіи, царь Усафаисъ замѣняетъ въ своей гробницѣ обычный деревянный полъ гранитными плитами; одна изъ комнатъ могилы Хазехемуи (II династіи) построена изъ глыбъ известняка, обтесанныхъ и прилаженныхъ другъ ко другу; это самый старый изъ нынѣ извѣстныхъ образцовъ каменотесныхъ работъ. Тотъ же царь надѣляетъ храмъ Гора въ Гіераконполисѣ роскошными дверями розоваго гранита; ихъ косяки находятся теперь въ музеѣ Каира. Судя по этимъ обломкамъ, Египтяне уже въ тѣ времена были законченными мастерами.

Они приступали къ работамъ болѣе широкимъ по замыслу. Сфинксъ Гизеха (табл. VIII, 1), огромная скала, высѣченная въ формѣ льва съ человѣческой головой, быть можетъ, относится къ этой эпохѣ. Задумчивое величіе этого прекраснаго, нынѣ изуродованнаго, лица, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуешь о степени техническаго умѣнія и силѣ выраженія, достигнутой Египетскими художниками. Относится ли къ той же эпохѣ и смежный со Сфинксомъ храмъ, гдѣ ни одна надпись не указываетъ на время его сооруженія? Эти крытые залы, отъ которыхъ уцѣлѣли однѣ четырехугольныя колонны розоваго гранита, узкія, низкія святилища съ потолкомъ изъ одной гигантской плиты, ограда, цѣликомъ построенная изъ алебаstra—все заставляеть

отнести зданіе къ первымъ годамъ Египетскаго искусства, благодаря выдержанности и массивности линій и потрясающему величію сающей (табл. VIII, 2). Тѣмъ же настроеніемъ вѣетъ отъ загадочнаго памятника, только что расчищеннаго Барсанти для Попечительства о Древностяхъ, около Зауэтъ-эль-Аріана, на полпути между Гизехомъ и Сахарой. Это одна изъ достопримѣчательностей мемфисскаго Египта; такъ какъ зданіе, несомнѣнно, относится къ концу Тинисскаго періода, то по нему мы можемъ распознавать во времени всѣ другія, въ которыхъ встрѣчаются тѣ же приемы постройки.¹

Остатки построекъ памятника находятся въ глубинѣ ямы, вырытой въ формѣ буквы Т, въ 100 метровъ длины, 25 ширины и 30 глубины. Стѣны ямы просто вытесаны въ известковомъ грунтѣ; ихъ профиль настолько чистъ, что кажется, будто скала обрѣзана натянутой ниткой, какъ рѣжутъ кусокъ масла. На дно ведетъ наклонная плоскость; середина ея представляетъ скользкій скатъ для спуска вещей, а по бокамъ головокружательная лѣстница съ истершимися ступенями (табл. VI, 1). Яма была наполнена щебнемъ и пескомъ; пришлось извлечь болѣе 4000 куб. метровъ мусора, чтобы обнаружить полъ, состоящій изъ громадныхъ глыбъ розоваго гранита. Барсанти надѣялся, смѣстивъ одну изъ этихъ

глыбъ, встрѣтить погребальный склепъ, такъ какъ одинъ изъ обломковъ, найденныхъ въ мусорѣ, былъ отмѣченъ именемъ одного царя II династіи, Нофирки. Подъ приподнятой глыбой оказалась другая глыба, а подъ ней три другіе пласта, лежащіе одинъ надъ другимъ; послѣдній лежалъ на самой скалѣ. Гдѣ же склепъ? Чтобы открыть его, Барсанти отозвалъ гранитотесовъ, работавшихъ надъ запрудой Нила ассуанскаго, и заставилъ ихъ пробуравить туннель въ гранитъ—трудъ, достойный Фараоновъ. Туннель, по которому я ходилъ въ 1907 году въ сопровожденіи Барсанти, до сихъ поръ доказалъ лишь то, что вся эта масса компактна; и многіе египтологи считаютъ, что настилка не скрываетъ никакого тайника и служила только поломъ для построекъ, которыя такъ и не были возведены. Барсанти же твердо вѣритъ, что этотъ полъ является потолкомъ, прикрывающимъ нетронутую могилу; его убѣжденіе въ значительной мѣрѣ основывается на особенномъ расположеніи плитъ. Въ одной изъ гранитныхъ глыбъ оказался овальный обтесанный чанъ, 2-хъ метровъ длины и 1 м. емкости; онъ накрытъ красивой крышкой съ четырьмя ушками; все очень гладко отшлифовано и обработано такъ же тщательно, какъ драгоценная бездѣлушка (табл. VI, 2). „Съ истиннымъ трепетомъ—

пишетъ Барсанти—отважился я приподнять крышку; когда обнаружилась внутренность вмѣстилища, оно оказалась совершенно пустымъ: я могъ замѣтить только какъ бы чернѣйшій ободокъ въ 10 сантиметровъ ширины, окружавшій боковыя стѣнки. По всей вѣроятности, это легкій слѣдъ какой-нибудь жидкости, замкнутой въ чанъ въ качествѣ жертвенныхъ даровъ или возліяній, и испарившейся съ теченіемъ лѣтъ“ ¹⁾).

Дѣйствительно, возможно, что подъ чаномъ, по отвѣсной линіи, былъ скрытъ погребальный покой, какъ это дѣлалось въ мастаба, гдѣ на крышѣ находился складъ приношеній. Для разрѣшенія этой загадки Масперо уполномочилъ Барсанти смѣстить одинъ за другимъ всѣ четыре ряда глыбъ, которыя будутъ водворены снова на мѣсто, послѣ того, какъ изслѣдуютъ всю глубину колодцевъ Зауэть-эль-Аріана.

Каково бы ни было назначеніе зданія Нофирки, оно какъ и храмъ Сфинкса, свидѣтельствуеетъ о склонности Фараоновъ тѣхъ временъ къ исполинскимъ постройкамъ изъ матеріаловъ гигантскихъ размѣровъ. „Впечатленіе—пишетъ Масперо—неизгладимо. Размѣръ и богатство матеріала, совершенство тесаныхъ

¹⁾ Annales du Service des Antiquités de l' Egypte, VII, стр. 285.

поверхностей и скрѣпъ, несравненная законченность гранитнаго чана, и, съ другой стороны, смѣлость линій и высота стѣнъ—все это въ цѣломъ даетъ нѣчто, до сихъ поръ, единственное. Впечатлѣніе потрясающее, и ни въ чемъ не проявилась разительнѣе сила древнихъ Египетскихъ зодчихъ“ ¹⁾).

* * *

По мѣрѣ все возрастающаго размаха строителей, это двойное движеніе, вглубь и ввысь, уводящее Египетскую могилу къ новымъ очертаніямъ, нашло свое блестящее выраженіе въ замыслѣ пирамиды. Первая была воздвигнута въ Сахарѣ Зесеромъ, однимъ изъ послѣднихъ монарховъ III династіи (около 4100 лѣтъ до Р. Х.).

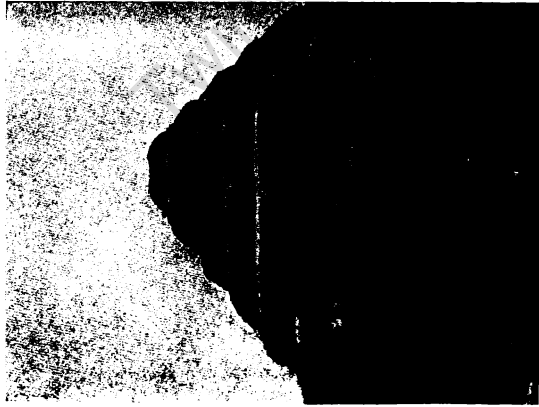
Зесеръ былъ одной изъ самыхъ видныхъ фигуръ исторіи Египта: отъ Синая до Элефантины памятники хранятъ его имя, но подробности его подвиговъ отъ насъ ускользаютъ. Еще въ греческую эпоху Зесеръ слылъ изобрѣтателемъ построекъ изъ тесанаго камня; слѣдуетъ замѣтить, что царствованіе его знаменуетъ окончательное¹⁾ распространіе построекъ изъ обтесанныхъ глыбъ, побѣду камня надъ кирпичемъ. Тѣмъ не менѣе, подобно своимъ предшественникамъ, онъ на-

¹⁾ Annales du Service,.... стр. 259.

чалъ строить изъ кирпича свою усыпальницу въ мѣстности Бэтъ-Халлафъ, около Абидоса ¹⁾. Эта огромная мастаба возвышается надъ нѣсколькими склепами, къ которымъ ведетъ коридоръ, заваленный пятью опускными дверями. Могила осталась не использованной. Можетъ быть, это случилось благодаря вліянію крупнаго царедворца, Имготепа, чья слава, какъ мага и зодчаго, пережила столѣтія. Зесеръ покинулъ Тинисскія кладбища, перенесъ свою резиденцію къ Бѣлой стѣнѣ Мемфиса, и избралъ Сахару мѣстомъ своего вѣчнаго упокоенія. Здѣсь возносится его пирамида „уступами“, переходная ступень между прямоугольной мастаба и пирамидой съ острыми ребрами. Это четырехсторонняя лѣстница изъ шести гигантскихъ ступеней, высотой отъ 11 м. 50 с. до 9 метровъ; каждая послѣдующая сокращается на 2 метра сравнительно съ предъидущей; общая высота памятника достигаетъ 60 метровъ. По виду это шесть уменьшающихся мастаба, построенныхъ одна на другой, и нововведеніе здѣсь сводится къ развѣтлію основанія въ смыслѣ восхожденія. На самомъ же дѣлѣ замыселъ гораздо сильнѣе. Прежде всего зодчіе замѣнили кирпичъ камнемъ; затѣмъ, вмѣсто того, чтобы строить пер-

¹⁾ J. Garstang. *Mahâsna and Bet-Khallâf*, 1902

АРХАИЧЕСКІЯ ПИРАМИДЫ.

1. Саккара. Ступенчатая пирамида
Зесера.

2. Меидумъ. Пирамида Снофруи.

ГИЗЕХЪ.

1. Сфинксъ и пирамида Хефрена.

2. Храмъ Сфинкса.

вую террасу, на которой бы они возвели пять остальныхъ, они распредѣлили всю массу камня параллельными пластами, однимъ порывомъ восходя отъ подножья до вершины и останавливаясь по краямъ на опредѣленной высотѣ, чтобы сохранить ступени уступами ¹⁾. Это уже не исканіе ошупью: у рабочихъ было ясно выраженное намѣреніе, или же они получили точное приказаніе воздвигнуть сооруженіе, выходящее изъ земли и устремляющееся къ небу (табл. VII, 1).

По мѣрѣ развитія замысла, ступени, знаменующія какъ бы пресѣченія порыва, уменьшались. Одинъ изъ преемниковъ Зесера, Снофруи, построилъ въ мѣстности Меидумъ ²⁾, къ югу отъ Сахары, пирамиду подобнаго типа; но ширина каждой ступени уменьшена на половину, что сильнѣе выдвигаетъ восходящее движеніе всей массы (табл. VII, 2). Нѣсколько времени спустя, Снофруи еще больше подчеркнулъ это устремленіе ввысь во второй пирамидѣ, сооруженной въ Дахшурѣ. Основаніе этого зданія представляетъ приблизительно наклонъ стѣнъ мастаба; потомъ, безъ промежуточныхъ уступовъ, четыре ребра рѣшительно устремляются къ небу и впервые

¹⁾ Сл. Choisy, *L'art de construire chez les Egyptiens*.

²⁾ Сл. Fl. Petrie, *Medum*, 1892.

даютъ истинный профиль пирамиды. Рядъ попытокъ Зесера и Снофруи приводитъ, около 4000 года до Р. Х., къ опредѣленному замыслу зданія, „выходящего изъ земли“ ¹⁾ и соединяющаго въ одной точкѣ неба четыре гладкія стѣны, которыя кажутся сходящими съ неба на землю правильными треугольниками. Художественная формула пирамиды, какой ее будутъ строить цари IV династіи, найдена.

Кажется, будто Хеопсъ, Хефренъ и Микеринъ были охвачены какимъ-то опьяненіемъ, развернувъ эту формулу до гигантскихъ размѣровъ трехъ большихъ пирамидъ Гизеха. „Горизонтъ“, построенный Хеопсомъ, былъ 233 м. ширины на 147 высоты; „Большая“, воздвигнутая Хефреномъ, 138 высоты на 215; и „Великая“, произведеніе Микерина, 66 метровъ высоты на 108 въ основаніи. Максимальный размахъ былъ достигнутъ въ началѣ IV династіи и, давъ все, что могъ, мало-по-малу пошелъ на убыль. Это впечатлѣніе бросается въ глаза посѣтителю. Первой на краю пустыни появляется Большая пирамида; ея необъятная громада являетъ мечту о величіи исполинскомъ, которая могла осуществиться

¹⁾ Это смыслъ гіероглифическаго выраженія „p r e m e o u s“, откуда греческое слово *pyramis*.—Сличить Eisenlohr, *Ein mathematisches Handbuch der alten Aegypter*, стр. 260.

только однажды. За ней, по діагонали, поднимаются вторая и третья, одна являя болѣе стройныя очертанія, другая сильно уменьшенныя пропорціи, свидѣтельствующія о возвращеніи къ сдержанному и расчитанному замысламъ. За первымъ, подавляющимъ впечатлѣніемъ васъ охватываетъ желаніе понять тайны постройки и назначеніе этихъ памятниковъ¹⁾ (табл. IX, 1).

¹⁾ Никто лучше Жомара, въ его мемуарахъ о Мемфисѣ и Пирамидахъ, не выразилъ впечатлѣнія, какое производятъ вблизи Большія пирамиды (*Description de l'Égypte*, изд. in-8°, т. V, стр. 597): „Ихъ вершины, виднѣющіяся издалека, производятъ впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, какое испытываешь при видѣ пирамидальныхъ верхушекъ высокихъ горъ, стремящихся и врѣзывающихся въ небо. Чѣмъ ближе подходишь, тѣмъ это впечатлѣніе слабѣе. Но въ непосредственной близости этихъ правильныхъ громадъ оно смѣняется другимъ—вы сражены неожиданностью, едва ступивъ на берегъ, вы чувствуете себя во власти другого настроенія. У самага подножья пирамидъ васъ охватываетъ острое могучее ощущеніе съ примѣсю изумленія и подавленности. Верхушка и углы теряются изъ виду. Испытываемое чувство не есть восхищеніе передъ созданіемъ искусства, оно глубже. Оно навѣяно величіемъ и простотою формъ, контрастомъ между человѣкомъ и огромностью труда его рукъ; глазъ не въ состояніи охватить его, мысль отказывается воспринять. Вотъ когда начинаешь проникаться всѣмъ величіемъ этой громадной груды отесанныхъ камней, нагроможденныхъ въ стройномъ

* * *

Работы по расчисткѣ, произведенныя по почину Масперо вокругъ пирамиды Унаса въ Сахарѣ, дали возможность уяснить себѣ схематическій планъ любой пирамиды. Она состоитъ изъ трехъ частей: внутри погребальныя покои; кругомъ толща пирамиды; снаружи часовня для отправленій культа. Все окружено оградой, заключающей въ себѣ могилы родственниковъ царя или приближенныхъ лицъ.

Работы начались съ раскопокъ въ каменистомъ грунтѣ пустыни: разрушенная пирамида Абу-Роаша, расчищенная Шассина, и памятникъ Зауэть-эль-Аріана дали превосходные образцы этихъ, уже гигантскихъ, подземныхъ сооружений. Въ серединѣ располагали погребальный покой, куда велъ коридоръ съ очень сильнымъ наклономъ; сюда шелъ отборный

порядкъ на баснословную высоту. Вы видите ихъ, вы касаетесь этихъ сотенъ каменныхъ пластовъ по 200 кубическихъ футовъ въ 50 тысячъ вѣсомъ, и тысячъ другихъ пластовъ, которые ни въ чемъ не уступаютъ первымъ, и стараетесь понять, какая сила сдвинула, подвезла, подняла столько огромныхъ камней, сколько работало надъ ними людей, какое имъ нужно было для этого время, какими подъемными машинами они пользовались. И чѣмъ меньше можешь объяснить себѣ все это, тѣмъ больше восхищаешься силой, для которой такія препятствія были игрушкой“.

матеріалъ: мелкозернистый известнякъ Тураха или гранитъ Ассуана. Вокругъ этого ядра, доступъ къ которому оставался открытымъ, располагали пласты пирамиды, известковыя глыбы, получавшіяся съ плоскогорья пустыни, или изъ каменоломенъ Аравійской горной цѣпи. Глыбы легко доставлялись по Нилу, который въ пору разлива, омываетъ скалы отъ Гизеха до Сахары; на плоскогорье ихъ поднимали по насыпямъ, слѣды которыхъ уцѣлѣли и понынѣ.

Долгое время оставался спорнымъ вопросъ, замышлялось ли сооруженіе пирамиды сразу въ конечныхъ размѣрахъ и по заранѣ установленному плану, или же первая ячейка, охватывающая погребальный покой, представляла изъ себя уже пирамиду въ маломъ размѣрѣ, которая разрослась ввысь и вширь, сообразно средствамъ и времени, какія удѣлялъ ей Фараонъ. Наличие, въ нѣкоторыхъ пирамидахъ, входныхъ коридоровъ, нынѣ засыпанныхъ мусоромъ, и расположеніе пластовъ камня дали перевѣсъ старой теоріи Лепсіуса: каждая пирамида развивается по закону кристаллизаціи и послѣдовательными надстройками вокругъ ядра уже законченной формы; первоначальный ея размѣръ—50 метровъ въ основаніи, съ соразмѣрной высотой; затѣмъ послѣдующія надстройки увеличиваютъ ихъ

размѣры до настоящаго, намъ извѣстнаго, на какомъ ихъ остановила смерть Фараона или его сознательный расчетъ. Сооруженіе уступовъ не представляло никакой трудности, кромѣ огромности самой задачи: наклонная плоскость доставляла глыбы на желательную высоту, а съ уступа на уступъ онѣ поднимались на маленькихъ дѣревянныхъ машинахъ, описанныхъ Геродотомъ и очень недавно воспроизведенныхъ Легреномъ ¹⁾. Когда была водворена на свое мѣсто послѣдняя площадка, сверху начиналась облицовка, превращавшая каждую сторону въ непрерывную стѣну; на каждой ступени вмуровывалась глыба со скошенной наружной стороной; спускаясь со ступеньки на ступеньку, рабочіе оставляли за собой непрерывныя плоскости съ правильнымъ уклономъ на каждомъ боку пирамиды (табл. VIII, 1 и XII, 1).

Внутри находилось, обыкновенно, нѣсколько погребальныхъ покоевъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ ведущихъ туда корридоровъ, что вытекало изъ постепеннаго развитія плана: въ сущности же, Фараону достаточно было одного только склепа. Посѣтители, которыхъ не пугаетъ неудобство спуска по скользкой

¹⁾ Hérodote, II, 125.—См. сказанное объ этомъ на стр. 37.

землѣ, низкими коридорами, гдѣ воздухъ застаивается и термометръ показываетъ 30°, будутъ вознаграждены совсѣмъ особеннымъ настроеніемъ, которое испытываешь въ погребальномъ покоѣ Хеопса. На сѣверной сторонѣ, на высотѣ 12 метровъ надъ землею, открывается входъ въ одинъ изъ корридоровъ съ сильнымъ наклономъ; ссыпавшаяся облицовка обнажила наверху четыре громадныя перекладины изъ известняка, сходящіяся попарно своими верхушками, обтесанными въ видѣ арки. Сводъ этотъ, выдерживающій неослабно вѣсъ находящейся надъ нимъ громады, повторяетъ треугольный очеркъ пирамиды: линіи его, очень простыя и чистыя, придаютъ этимъ вратамъ загробнаго міра красоту неизъяснимую (табл. X).

Каменная плита, насаженная на шипъ, нѣкогда преграждала входъ въ корридоръ¹⁾; поворачивая ее, обнаруживали галлерею въ 22 метра длины и 1 метръ ширины. Мѣста было достаточно, чтобы спустить гробъ по этому каналу съ полированными стѣнами, людямъ же приходится скользить на корточкахъ, удерживаясь ногами за выемки, сдѣланныя тамъ и сямъ. Такъ достигаютъ горизонтальной площади,

1) Сл. Strabon, XVII, стр. 808. „На боку пирамиды, на небольшой высотѣ, есть камень, который можно устранить; если приподнять этотъ камень, открывается извилистый ходъ, ведущій къ могилѣ“.

гдѣ нисходящій коридоръ ведетъ къ горницѣ, высѣченной въ скалѣ, на глубинѣ 30 метровъ подъ землей; это былъ первоначальный погребальный склепъ, нынѣ заброшенный. Съ той же площадки восходящій коридоръ ведетъ къ средоточію пирамиды, но со дня погребенія три опускныя гранитныя двери преграждаютъ туда доступъ. Уже въ давнія времена искатели сокровищъ обошли это препятствіе, выдолбивъ надъ ними туннель, черезъ который теперь проникають посѣтители. Новый, низкій коридоръ въ 33 метра длины ведетъ ко второй площадкѣ, откуда открываются еще два хода. Одинъ, горизонтальный, черезъ 38 метровъ вводитъ въ гранитный покой съ треугольнымъ потолкомъ, который повидимому представляетъ изъ себя лишь второй склепъ, въ свою очередь оставленный безъ примѣненія благодаря увеличенію сооруженія. Другой ходъ, восходящій, превращается въ обширную галерею въ 8 м. 50 с. высоты на 2 м. ширины и 50 м. длины.

Постройка этой галереи весьма замѣчательна. Съ каждой ея стороны скамья, высотой въ 60 сантиметровъ, урѣзываетъ ея ширину на 50 сантиметровъ; на верхней плоскости ея сдѣланы зарубки, куда можно поставить ногу, что весьма кстати въ виду сильнаго наклона и чрезмѣрной шлифовки камня. Воз-

ГИЗЕХЪ.

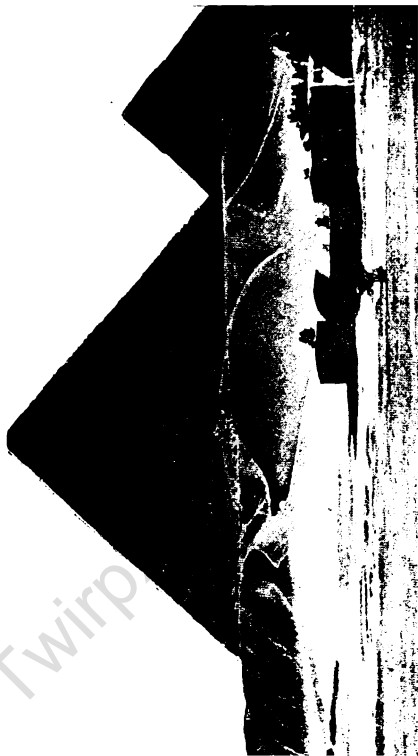
1. Большія пирамиды IV династіи.

САККАРА.

2. Пирамида Унаса, храмъ и могила.

ГИЗЕХЪ.

можно, что это сдѣлано было для спуска гроба который самъ скользилъ по полу галлерей между двумя приступками. Не менѣе пола любопытенъ потолокъ: онъ состоитъ изъ семи пластовъ, расположенныхъ выступами: „Получается—говорить Жомаръ—иллюзія: стѣны кажутся вогнутыми, несмотря на то, что поверхность каждого слоя вертикальна; онѣ производятъ впечатлѣніе очень заостренного свода. Блескъ и обработка каждого камня такая, что многіе, подобно мнѣ, сначала принимали его за гранитъ или мраморъ. Мѣста соединенія пластовъ почти незамѣтны, туда не проникло бы и лезвее ножа. Все это сооруженіе изумительно по своей законченности; но не менѣе изумительна и прочность работы: несмотря на громадность тяготящейся на ложномъ сводѣ массы, все сохранилось безъ малѣйшихъ поврежденій ¹⁾“ (табл. XI, 2).

Большая галлерей заканчивается гранитными покаями, представляющими царскій склепъ. Тутъ преграды умножаются: нужно перешагнуть порогъ въ 90 сант. вышины; за нимъ слѣдуетъ очень низкій коридоръ, въ серединѣ котораго открывается преддверіе въ 3 метра

¹⁾ Description... т. V., стр. 627. Большая галлерей, въ дѣйствительности, построена изъ мелкозернистаго известняка Мокаттама.

высоты, служившее для постановки четырехъ опускныхъ дверей. Первая осталась еще на мѣстѣ, удерживаясь, на высотѣ 1 м. отъ земли, чуть замѣтнымъ выступомъ ската; три остальные исчезли, или отсутствовали съ самаго начала. Почему дверь не была спущена послѣ погребенія? Мы не знаемъ. Но не безъ страха пробираешься ползкомъ подъ этой громадой гранита, вотъ-вотъ готовый рухнуть. Наконецъ, вы вступаете въ погребальный покой, помѣщенный въ оси пирамиды, на высотѣ 40 м. надъ землею и на 100 м. отъ верхушки пирамиды. Это гранитный блокгаузъ въ 10 м. 50 с. длины, 5 м. ширины и 6 м. высоты, сооруженный изъ громадныхъ камней изумительной работы: „залъ остался нетронутымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и шлифовка его стѣнъ вполне закончена; съ большимъ трудомъ можно найти мѣста соединеній пластовъ, которыхъ шесть, всѣ одинаковой высоты; потолокъ покоя состоитъ изъ цѣльныхъ кусковъ, длиной болѣе 6 м. каждый. Здѣсь, какъ въ галлереяхъ и во всѣхъ проходахъ, ни слѣда какихъ-нибудь трещинъ или осѣданія, ничто не смѣстилось съ самаго начала, такъ совершенны горизонтальныя и вертикальныя линіи“. Въ одномъ углу стоитъ гранитный гробъ, прямоугольное ложе безъ всякихъ надписей и украшеній; крышки нѣтъ;

тѣло и погребальная утварь исчезли. Надъ склепомъ пять маленькихъ комнатокъ, очень низкихъ, расположенныхъ одна надъ другой; онѣ служатъ выходами въ потолокъ; туда можно проникнуть по приставленнымъ лѣстницамъ, уже изъ галлерей (табл. XI, 1). Тамъ найдена написанная красной краской, картуша Хуфу (Хеопса): эта отмѣтка подрядчика является подписью, позволяющей установить строителя Великой пирамиды.

Всѣ предосторожности, принятыя для прегражденія доступа въ коридоръ, указываютъ на то, что проникать внутрь пирамиды по водвореніи гроба на мѣсто, воспрещалось, какъ и въ мастаба. Поэтому почитаніе умершаго царя осуществлялось въ наружной часовнѣ, которая находится на восточной сторонѣ каждой пирамиды. Въ „Горизонтѣ“ Хеопса отъ нея остался одинъ только базальтовый полъ; но на восточной сторонѣ Большой и Великой сохранились еще остатки стѣнъ; въ Сахарѣ, въ часовнѣ Унаса (табл. IX, 2) уцѣлѣли колонны розоваго гранита и барельефы. Обряды, которые совершались въ этихъ погребальныхъ храмахъ, составляютъ настоящую „тайну“ пирамидъ; они стали намъ извѣстны съ тѣхъ поръ, какъ Масперо открылъ въ малыхъ пирамидахъ Сахары (V и VI династіи) тексты, недостающіе въ роскошныхъ усыпальницахъ

Гизеха ¹⁾. Вотъ гдѣ нужно искать объясненія этихъ безмѣрныхъ сооруженій, тяготѣвшихъ тайной и возбуждавшихъ любопытство на протяженіи столѣтій.

* * *

Пирамиды—могилы; но для того, чтобы понять значеніе слова „могилы“ для Египтянъ древняго царства, нужно отрѣшиться отъ современныхъ понятій о смерти, которая для насъ неизбѣжно противопоставляется жизни. Египтяне первыхъ временъ, подобно дикимъ нашей эпохи, не понимаютъ смерти какъ противоположности жизни, а могилы, какъ мѣста уничтоженія. Для тѣхъ и другихъ умершій человѣкъ пребываетъ въ особомъ состояніи, которое не должно неизбѣжно измѣнить обычныя условія жизни. А эти условія хорошо извѣстны народамъ въ ихъ младенчествѣ. „Дикарь — говоритъ Фразеръ въ своей замѣчательной книгѣ о первобытныхъ вѣрованіяхъ—объясняетъ всѣ явленія жизни какъ и явленія неодушевленной природы, считая ее дѣломъ живыхъ существъ, скрытыхъ въ нихъ или за ними. Животное живетъ и движется только потому, что заключаетъ въ себѣ

¹⁾ Нижеприведенные тексты заимствованы изъ фундаментальнаго труда Масперо, *Les inscriptions des pyramides de Sakkarah*, текстъ и переводъ.

маленькаго человѣчка или маленькаго животнаго, дающихъ ему жизнь и движеніе. Животное, обитающее въ животномъ, человѣкъ, обитающій въ человѣкѣ, и есть душа“ ¹⁾). Для многихъ нецивилизованныхъ народовъ душа имѣетъ форму маленькаго человѣчка, воспроизводящаго черты каждой отдѣльной личности. Египтяне тоже вѣрили, что все сущее—боги, люди, животныя, деревья, камни, всѣ предметы—заключаетъ въ себѣ свое подобіе въ уменьшенномъ видѣ, которое и есть его душа. Они давали этому образу названіе Ка, которое мы переводимъ словами Двойникъ или Геній; для людей они представляли себѣ этого Ка въ видѣ маленькаго человѣчка, съ тѣми же чертами, какъ и у живого существа. Добавимъ, что, подобно многимъ нынѣшнимъ дикарямъ, Египтяне не ограничивались этимъ единственнымъ представленіемъ о душѣ; наряду съ двойникомъ, связаннымъ съ тѣлесной формой, у нихъ было понятіе о душѣ подвижной и духовной, которую символизировало Ба, птица съ человѣческой головой; въ тѣни и въ имени они тоже видѣли проявленіе маленькой, скрытой въ человѣкѣ, души.

¹⁾ J. Frazer, *Le gameau d'or*, франц. перев., I стр. 183.

Отсюда, жизнь, по понятіямъ Египтянъ, длится до тѣхъ поръ, пока человѣкъ пользуется сліяніемъ своего тѣла съ его двойникомъ. Но бываютъ моменты, когда двойникъ разстается со своимъ тѣломъ: во время сна, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, влекущихъ за собой потерю сознанія или обморокъ, двойникъ удаляется; выходя изъ сна или обморока, человѣкъ „приходитъ въ себя“, т.-е., снова соединяется со своимъ двойникомъ. То, что называютъ смертию, есть не болѣе, какъ длительный обморокъ, который можетъ прекратиться, если вернется двойникъ. Послѣ смерти каждая составная часть человѣка, тѣло и двойникъ, продолжаютъ жить порознь. И вотъ, чтобы сдѣлать смерть безвредной, нужно поставить тѣло въ условія, противодѣйствующія тлѣнію, этому роковому послѣдствію раздвоенія: нужно сохранить его по возможности нетронутымъ, чтобы душа-двойникъ могла, въ свою очередь, узнать его и снова обитать въ немъ. Словомъ, нужно дать блуждающей душѣ убѣжище. Отсюда необходимость погребальнаго обряда, цѣль котораго — сохранить тѣло и обезпечить душѣ жилище.

Однѣхъ этихъ представленій было бы достаточно для объясненія великаго значенія могилы, пріюта жизни, у Египтянъ. Но первобытные народы рѣдко останавливаются на простыхъ

понятіяхъ. Страшась временной или окончательной отлучки двойника, влекущей сонъ или безсознательную жизнь смерти, Египтяне сроднились еще съ одной мыслью, въ которую многіе дикіе вѣрятъ и теперь. Раздвоеніе человѣка гибельно только въ томъ случаѣ, если оно независимо отъ воли; и, наоборотъ, полезно поставить своего двойника въ безопасность, облегчая ему выходъ изъ тѣла и помѣщая его въ достовѣрное мѣсто. Одни, вслѣдствіе этого, вручаютъ свою душу животному, растенію, какому-нибудь предмету, который становится тогда священнымъ существомъ или тотемомъ; другіе отправляютъ его въ тайное мѣсто или въ укрѣпленное зданіе, могущее служить могилой для тѣла. Итакъ, пирамиды и могилы въ Египтѣ становятся „дворцами двойника“, которые Фараоны и ихъ подданные строятъ еще заживо; двойники являются туда и вселяются въ статуи тѣла, идеализированнаго, но похожаго чертами лица; душа такимъ путемъ ограждается отъ случайностей, которыхъ тѣло не всегда можетъ избѣгнуть. Пока тѣло продолжаетъ жить обыкновенной жизнью, оно заботится о благополучіи своего двойника въ могилѣ: видные сановники становились „рабами двойника“ Фараона; частныя лица обезпечивали своему двойнику такія же заботы, входя въ

сглашение съ жрецами могилъ. Это объясняетъ ту власть могилъ, которая тяготѣла, по-видимому, надъ Египтянами въ самый расцвѣтъ ихъ жизни: съ самой юности сооружать прочный домъ, гдѣ когда-нибудь будетъ похороненъ тѣло, хранить тамъ статуи, въ которыхъ будетъ обитать двойникъ ¹⁾, навѣщать въ праздничные дни свою могилу и поклоняться собственному генію ²⁾, обезпечить ему полное благополучіе вдали отъ превратностей общественной „жизни“—таковъ идеаль счастливой жизни въ Мемфисскую эпоху. Когда наступаетъ смерть, говорили, что тѣло „переходило къ своему двойнику“, откуда слѣдуетъ, что онъ уже обиталъ въ могилѣ.

Итакъ, Египетская могила по преимуществу домъ, гдѣ пребываетъ самое живое, самое реальное, самое неизмѣнное въ человѣкѣ. Нужно ли удивляться, что въ тѣ времена, когда такія понятія процвѣтали на радость человѣчеству, цари и частныя лица не жалѣли средствъ на сооруженіе несокрушимыхъ твердынь, хранилищъ душъ и тѣлъ? Безмѣрная любовь къ жизни, жестокая борьба за существованіе воспламенила фантазію строи-

1) См. напр., Maspero, Contes populaires, 3 изд., стр. 81.

2) См. плиту Госси въ Каирѣ, изданную въ Musée Égyptien, табл. XXII.

ВНУТРИ БОЛЬШОЙ ПИРАМИДЫ.

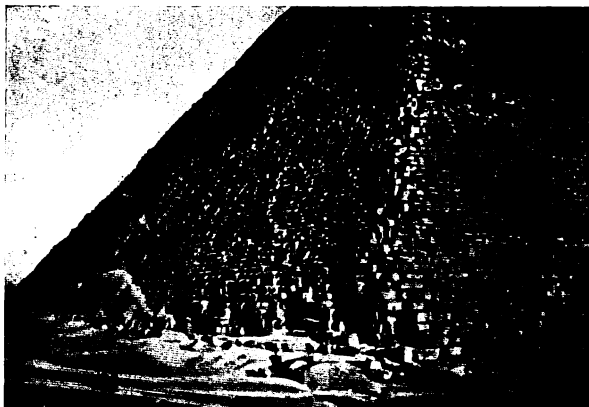
1. Изслѣдованіе кладовыхъ
надъ склепомъ.

Табл. XI.

2. Большая восходящая
галерея.

ГИЗЕХЪ.

1. Западная сторона Большой пирамиды.

2. Мастаба съ двумя входами.

телей пирамидъ. Эти „Дома Вѣчности“, гдѣ мы ищемъ лишь смерти, общали имъ вѣчную жизнь.

* * *

Это могло произойти лишь при условіи оживленія тѣла послѣ смерти. Въ томъ состояніи трупнаго окостенѣнія и разложенія, въ какомъ кладутъ его въ могилу, оно могло быть для двойника только обремененіемъ. Съ Мемфисскаго періода Египтяне разрѣшили задачу сохраненія тѣла посредствомъ бальзамированія. Очень интересно было бы узнать, какимъ путемъ они дошли до этого; похоронные обряды Тинисской эпохи не носятъ никакихъ слѣдовъ подготовки бальзамированія и трудно поддаются объясненію. Въ очень древнихъ могилахъ мы видимъ трупы сидящими на корточкахъ; въ нѣкоторыхъ могилахъ скелеты разрознены, голова отдѣлена отъ туловища, кости разбиты, какъ будто изъ покойника хотѣли сдѣлать жертвенное приношеніе; или же отдѣльныя кости сложены въ кучу, сверху лежитъ голова, придавая погребенному тѣлу новую форму. Эти приемы, о которыхъ часто упоминаютъ позднѣйшія ритуальныя книги, были оставлены въ началѣ Мемфисскаго царства и замѣнились обрядами, обезпечивающими сохраненіе трупа въ цѣломъ видѣ. Намъ неизвѣстно, какъ произошелъ этотъ перево-

ротъ, оставившій такія прочныя послѣдствія; говоря о немъ, Египтяне ссылаются на божественное откровеніе, приписывая это благодѣяніе богу Анубису ¹⁾. Онъ, „владыка повязокъ“, научилъ людей искусству предупреждать разложеніе путемъ удаленія сосудовъ, натроннаго промыванія, примѣненіемъ асептическихъ веществъ и повязокъ, изолирующихъ тѣло отъ соприкосновенія съ воздухомъ.

Спасенное отъ разложенія тѣло было лишь неподвижной муміей, слѣпой, глухой, лишенной сознанія. Понадобилось новое откровеніе, чтобы научить людей искусству возвращать муміи способность пользоваться органами чувствъ и призвать въ нее отлетѣвшую душу. Къ концу третьей династіи ²⁾ этотъ ритуаль, которымъ Озирисъ, „богъ благой“, Искупитель, одарилъ людей, претерпѣвъ его впервые на себѣ, вошелъ во всеобщее употребленіе ³⁾. Говорили, что Озирисъ, во времена божественныхъ династій, былъ убитъ и разсѣченъ на части братомъ своимъ Сэтомъ, и что первый изъ людей онъ позналъ смерть. Благодаря кудесническому знанію его жены Изиды,

¹⁾ См. G. Maspero, *Histoire*, I, стр. 112 и 178.

²⁾ Въ могилѣ Мтэна (конецъ III династіи) совершался обрядъ à p-го.

³⁾ G. Maspero, *Rituel de l'Embaumement*, и *Histoire*, I, стр. 18.

сестры Нефтисъ, сына Гора, Анубиса и Тота, его союзниковъ, всѣ найденные куски тѣла Озириса были подвергнуты асептикѣ и соединены въ полную мумію; движеніе и пользование всѣми чувствами вернулись къ этому неподвижному тѣлу, когда Тотъ и Горъ коснулись его устъ, глазъ, ушей, развязали ему руки и ноги при помощи магическихъ средствъ. Душа, задержанная въ плѣну у Сѣта, еще отсутствовала; Горъ и Тотъ пустились за нимъ въ погоню—тщетно скрывался онъ, принимая обликъ быка, газели, кабана, или гуся; въ сердцахъ этихъ животныхъ, пойманныхъ и принесенныхъ въ жертву, душа Озириса была найдена; Горъ вернулъ ее своему отцу, сообщивъ дыханіе жизни черезъ поцѣлуй. Озирисъ, оживленный и воссоединившійся со своей душой, сталъ существомъ исключительнымъ, выше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ перешагнулъ черезъ порогъ смерти и восторжествовалъ надъ величайшимъ ужасомъ. Такое существо, живущее совершенной жизнью, безъ всякаго страха смерти, ставшей для него безвредной, и есть богъ ¹⁾).

Отнынѣ Озирисъ становится образцомъ, которому подражаетъ все, живущее на небѣ

¹⁾ А. Moret, *Le rituel du culte divin en Égypte*, 1902, стр. 200.

и на землѣ, и все, что обречено на смерть. Никто изъ жителей неба и ни одно изъ земныхъ человѣческихъ созданій не составляетъ исключенія изъ этого всеобщаго удѣла; въ благой смерти Озириса и погребальномъ культѣ, созданномъ Горомъ и Тотомъ, искали и нашли возможность жизни вѣчной. Каждый изъ боговъ позналъ смерть и воскресеніе: ихъ земной сынъ, Фараонъ, играетъ роль „возлюбленного сына“, отверзая уста своего отца и возвращая ему въ поцѣлуѣ душу. Всякій смертный человѣкъ могъ надѣяться стать богомъ: въ день похоронъ старшій сынъ семьи заявлялъ, что онъ Горъ или Тотъ, и повторялъ надъ своимъ отцомъ обрядъ великой мистеріи, уподоблявшей послѣдняго Озирису.

Тексты пирамидъ Сахары и картины гробницъ знакомятъ насъ съ этими обрядами въ ихъ древнѣйшей формѣ: ихъ совершали въ часовняхъ исчезнувшихъ пирамидъ и въ мастаба, найденныхъ тысячами (табл. XII, 2). Существенной частью погребальнаго покоя была та глухая дверь, которая впоследствии стала надгробной плитой. Она ведетъ въ другой міръ, гдѣ обитаетъ двойникъ. Позади этой двери находится коридоръ (serdab), гдѣ покоются статуи двойника, а подъ ней склепъ, въ который опускаютъ мумію. Въ день похоронъ тѣло, обернутое повязками и набальза-

мированное по ритуаламъ Анубиса, приближаютъ къ глухой двери. Кругомъ стоятъ родственники въ траурѣ. Жена и сестра покойнаго возглашаютъ, что онѣ Изиды и Нефтисъ, пришедшія оплакивать и оберегать Озириса. А вотъ и старшій сынъ: онъ очистился, облекся въ шкуру пантеры и подноситъ курящійся ѳиміамъ, „который обожествляетъ“, и желѣзный крюкъ, какимъ нѣкогда Горъ отверзъ уста Озириса. Возлѣ сына стоитъ жрецъ подземныхъ гробницъ, совершающій службу: со сверткомъ папируса въ рукѣ, онъ готовъ подсказать слово изъ текста, указать жестъ въ случаѣ, если бы память измѣнила сыну покойнаго (табл. XV). Кругомъ толпятся родственники, близкіе, священнослужители, и хоромъ повторяютъ слова и жесты, усиливая тѣмъ ихъ дѣйствительность. Тѣмъ временемъ, жертвоприносители закололи быка, газель и гуся, и приносятъ ихъ переднее бедро, голову и сердце.

Тутъ начинаются верховные обряды. Омовеніемъ и куреніемъ ладана смываютъ съ муміи тѣлесныя и душевныя скверны: „все, чему не должно оставаться въ ней, падаетъ на землю“. Потомъ Горъ, возлюбленный сынъ, совершаетъ подобіе отверзанія рта, глазъ, ушей своего отца при помощи магическихъ орудій; онъ потираетъ ихъ мизинцемъ своимъ; каса-

ется ихъ сердцемъ и бедромъ жертвъ, приговаривая нараспѣвъ: „Возстань живымъ, возстань Озирись, ибо я, сынъ твой, я Горъ пришелъ омыть тебя, очистить, вернуть тебѣ жизнь, обнять твои кости, соединить твои ткани, обнять твои члены, ибо я Горъ, который вылѣпилъ своего отца ¹⁾.... Горъ отверзаетъ тебѣ око, дабы видѣлъ ты окомъ своимъ ²⁾,тебѣ отверзають уста, и это дѣлаетъ Горъ своимъ мизинцемъ, которымъ онъ отверзъ уста отца своего, Озириса ³⁾; тебѣ даны твои очи, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать слова, которыя произносятся уста твои, твои ноги, чтобы ходить, руки, чтобы дѣйствовать ⁴⁾. И сынъ обѣими руками охватываетъ трупъ отца, подносить къ лицу муміи собственное лицо, и въ этомъ поцѣлуѣ магическій жизненный токъ переходитъ изъ тѣла живущаго въ тѣло умершее, дыханіе жизни сообщается изъ устъ въ уста. Тутъ хоръ, совершающій богослуженіе, возглашаетъ: „Горъ пришелъ, онъ цѣлуетъ тебя, Озирись!... Сынъ твой Горъ поразилъ Сэта, онъ своей рукой вырвалъ у него глаза, онъ отдалъ ихъ тебѣ вмѣстѣ съ твоей душой, которая въ нихъ, и съ твоей фор-

1) Pyramide de Mirinri, 446.

2) Pyramide de Têti, 264.

3) Pyramide de Pêpi I, 590.

4) Формула Средняго Царства (El-Kab).

мой, которая въ нихъ“ ¹⁾). Тѣло оживлено и одарено душой. Нужно сейчасъ же обезпечить ему пищу и питіе для вѣчной жизни. Передъ муміей накрываютъ столъ съ жертвенными дарами: на круглыхъ блюдахъ разставляютъ хлѣбъ, мясо, плоды, вино, пиво, ликеры и воду—полный обѣдъ, меню котораго во всѣхъ подробностяхъ записано на стѣнахъ гробницы. Нѣсколько отборныхъ кусковъ сжигается на пылающемъ огнѣ жертвенника, и мумія питается дымомъ; остальное разложено на столѣ, за который садятся родственники и священнослужители. Трапеза сопровождается плясками и пѣніемъ подъ аккомпаниментъ арфъ и флейтъ. И къ новому богу обращаютъ добрыя пожеланія: „Голодъ, не подступайся къ этому новому Озирису“ ²⁾).... Онъ питаетъ отвращеніе къ голоду и не вкушаетъ его; онъ питаетъ отвращеніе къ жадѣ и не пьетъ ея“ ³⁾).... О, боги, вы взяли къ себѣ этого Озириса; онъ вкушаетъ отъ того, что вкушаете вы, онъ живетъ тѣмъ, чѣмъ живете вы.... въ странѣ, куда онъ вступаетъ, онъ не испытаетъ болѣе ни жажды, ни голода вовѣки“ ⁴⁾).

¹⁾ См. тексты, приведенные А. Moret, *Rituel du culte divin*, стр. 88.

²⁾ *Pyramide de Têti*, 54.

³⁾ *Pyramide d'Ounas*, 190.

⁴⁾ *Pyramide d'Ounas*, 488.

По окончаніи трапезы очищаютъ мумію водой и ладаномъ. Вотъ она уже въ рукахъ служителей; по низкимъ коридорамъ спускаютъ ее до средоточія пирамиды или въ глубину мастаба. Но когда опускающаяся дверь захлопнулась, колодцы засыпаны, это тѣло не предастся живущими забвенію. По опредѣленнымъ днямъ—и даже очень часто—родственники и жрецы возвращаются къ глухой двери и повторяютъ животворящіе обряды. Муміи тутъ больше нѣтъ, но оживаетъ изображеніе покойнаго на плитѣ. Иногда въ углубленіи глухой двери стоитъ статуя, выставивъ одну ногу впередъ, словно готовясь спуститься съ лѣстницы, ведущей къ странѣ смертныхъ ¹⁾; иногда изъ-за притолки выявляется одинъ бюстъ или лицо ²⁾: кажется, будто умершій выглядываетъ въ окно, чтобы побесѣдовать со своими дѣтьми. Чаше всего узкій ходъ, шириной въ нѣсколько сантиметровъ, одинъ только является сообщеніемъ между богослужебнымъ покоемъ и сэрдабомъ, гдѣ спрятаны статуи двойника: черезъ это отверстіе проникаютъ ароматы ладана и дымъ съ алтарей, а также двойники жертвъ, которые, достигая такимъ образомъ обожествившагося мертвого, созда-

¹⁾ Гробница Мэры въ Сахарѣ, наша табл. XIII, 2.

²⁾ Гробница, открытая Лоре въ Сахарѣ, наша табл. XIII, 1.

ютъ ему этотъ полу-идеальный, полу-реальный міръ, гдѣ протекаетъ отнынѣ его вѣчная жизнь.

Таковы формулы и главныя дѣйствія этого Ар - го (отверзанія устъ), быть можетъ, перваго искупительнаго обряда, какой знало человѣчество. Благодаря ему пирамиды и мастаба сдѣлались святыми мѣстами, гдѣ каждый умершій человѣкъ воскресалъ въ Озирисѣ, богѣ живущемъ. Тамъ уже много столѣтій тому назадъ раздалась старая пѣсня, которая все еще служитъ утѣшеніемъ для людей: „Нѣтъ, не мертвымъ ты уходишь. Живымъ возсядешь ты на престолѣ боговъ“ ¹⁾.

* * *

Жизнь двойника въ пирамидѣ или въ гробницѣ Египтяне представляли себѣ очень похожей на жизнь до могилы. Она была обезпеченнымъ существованіемъ всякаго богатаго человѣка, только безъ примѣси несчастій или случайностей, присущихъ человѣческой долѣ. Художники изображаютъ покойника сидящимъ за столомъ съ жертвенными дарами; жена его сидитъ рядомъ и обнимаетъ его; у ногъ его играютъ дѣти съ собакой или обезьяной. Каждый человѣкъ изображался въ самый счастливый моментъ своей жизни—двойникъ

¹⁾ Pyramide d'Ounas, 206.

познаётъ только избранныя минуты. Кругомъ служители приносятъ съѣстные припасы, одежду, необходимую утварь; изготовленіе или происхожденіе каждаго приношенія даетъ тему для декоративной картины. Чтобы иллюстрировать подношеніе бычачьяго бедра, изображаютъ животныхъ на пастбищѣ, случку коровы, рожденіе теленка и сцены земледѣльческой жизни, вплоть до жертвоприношенія животного; приношеніе хлѣба сопровождается сценами пашни, жатвы и хлѣбопеченія; принесеніе винъ даетъ случай показать виноградники и сборъ винограда; приношеніе дичи, звѣря или птицы изображается сценами охотъ въ пустынѣ, рыбной ловли на удочку или сѣтями (табл. XIV). Каждый предметъ погребальной утвари—ковчегъ, гробъ, ложе, сосуды, одежда, оружіе, драгоценныя украшенія—все это влечетъ за собой описаніе способовъ производства: мы видимъ плотниковъ, литейщиковъ, оружейныхъ мастеровъ, ткачей, ювелировъ за ихъ работой¹⁾. И такъ вплоть до закупки провизіи на рынкѣ и хозяйственныхъ счетовъ—все доставляетъ матеріалъ для картинъ. Душа и тѣло умершаго непрерывно переживали сцены, изображенные на рельефахъ: изображенное дѣйствіе становилось реальнымъ, каждая фигура су-

¹⁾ S. Maspero, *Etudes égyptiennes*, I, стр. 80.

щества или предмета на время воссоединялась со своимъ двойникомъ и оживлялась по желанію бога, обитающаго въ гробницѣ.

Этотъ идеаль удовлетворялъ Египтянъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, потомъ онъ показался имъ скучнымъ и недостаточнымъ. Мы можемъ прослѣдить это постепенное развитіе мысли по пожеланіямъ на надгробныхъ плитахъ, которыя измѣнялись съ каждымъ столѣтіемъ. Въ началѣ IV династіи „много приношеній и прекрасная усыпальница на Западѣ“—вотъ чего испрашиваютъ у боговъ, Анубиса и Озириса, покровителей кладбищъ. Но погребенную душу охватывала тоска о томъ, что во внѣ. Озирійскій ритуаль дѣлалъ мертваго равнымъ богу, боги же обитаютъ на небѣ. Захотѣлось, чтобы благое погребеніе въ пирамидѣ или мастаба дало душѣ, вмѣстѣ съ нетлѣннымъ убѣжищемъ, исходную точку для путешествій въ тѣ надземныя обители, которыя зовутся раемъ. Тексты пирамидъ Сахары показываютъ намъ это видоизмѣненіе уже достигшимъ предѣла. По какимъ этапамъ душа проходила по дорогѣ отъ кладбища къ небу? Изреченія надгробныхъ плитъ даютъ на это лишь неполный отвѣтъ.

Своимъ желаніемъ „ходить по прекраснымъ путямъ закатнаго края, гдѣ ходятъ вѣрные

Озириса“ ¹⁾), душа свидѣтельствуесть объ утомленіи могильнымъ покоемъ. Пути закатные ведутъ въ таинственные края, гдѣ прекрасная богиня Аменти (Закать), встрѣчая двойника, подноситъ ему хлѣбъ и воду: если онъ выпьетъ и съѣстъ, онъ становится другомъ боговъ и за ними дальше, идетъ вослѣдъ. Тогда умершій „прогуливается по прекраснымъ путямъ въ сопровожденіи своихъ двойниковъ; богъ беретъ его за руку и ведетъ путями великими“. Вотъ онъ у предѣловъ неба. На востокъ есть лѣстница; боги крѣпко держатъ его; душа поднимается по ней безопасно, а на самомъ верху ее встрѣчаютъ Горъ и Сэтъ и за руки втаскиваютъ на небо ²⁾). Если нѣтъ лѣстницы, къ его услугамъ является ладья и перевозитъ къ небеснымъ берегамъ, гдѣ благосклонный богъ помогаетъ причалить ³⁾). Иногда душа въ видѣ птицы улетаетъ къ небу ⁴⁾), или Тотъ ибисъ принимаетъ ее на свое крыло и уноситъ въ небо. При первомъ ея появленіи боги оказываютъ ей радушный пріемъ: „Откройте врата неба, говорятъ они

¹⁾ Фразы въ кавычкахъ заимствованы изъ плитъ V и VI династій.

²⁾ Pyramides d'Ounas, 493; de Pépi I, 191; de Pépi II, 974.

³⁾ Pyramide de Pépi I, 650.

⁴⁾ Pyramide d'Ounas, 571.

наперерывъ, возьмите этого Озириса съ собой, дабы онъ жилъ вѣчно“ ¹⁾).

На небѣ обожествившемуся двойнику представляются разные удѣлы; каждый изъ нихъ представляетъ понятіе о раѣ, сначала мѣстномъ, для того или другого города, а со временемъ все болѣе и болѣе обобщенное и сдѣлавшее его доступнымъ для всѣхъ Египтянъ. Самымъ обычнымъ удѣломъ было пребываніе душъ въ плодородныхъ странахъ, которыя позднѣйшіе теологи помѣщали на пути слѣдованія солнца ночью. Тамъ находились поля, озера, острова, деревни, увеселительные дома; желѣзная стѣна съ укрѣпленными воротами служила защитой. Это былъ край, похожій на *la eta arva* Энеиды, „идеальный Египетъ съ его Ниломъ, прудами, роскошной растительностью и, въ особенности, съ его урожаями“ ²⁾. Ее называли „*Sekhet Yalou*, поля тростника“, наподобіе одной мѣстности Дельты въ сторонѣ Пелузы, въ архаическомъ царствѣ Буто. Неподалеку простирался другой рай, „Поля Приношеній“ (*Sekhet hotrou*). Тамъ удѣлъ былъ еще пріятнѣе. Въ Поляхъ Ялу душѣ приходилось воздѣлывать свой

¹⁾ *Pyramide de Pépil*, 196.

²⁾ См. *Lefébure, Le paradis égyptien* въ *Sphynx*, III, стр. 195, гдѣ находятся тексты пирамидъ, относяшіеся къ этимъ раямъ.

садъ; въ Поляхъ Приношеній она находила готовый столъ, благодаря двойникамъ земныхъ приношеній, которые тоже направлялись къ небеснымъ путямъ, если имъ облегчали ихъ освобожденіе, разбивая эти приношенія или сжигая ихъ. Приношенія достигали Сѣхетъ-Готпу или вмѣстѣ съ умершимъ, или въ ладѣ, въ которой солнце плыветъ вокругъ свѣта. Плавать въ солнечной ладѣ, обходить вмѣстѣ съ Ра ночное и дневное небо, правя веслами и парусами, быть въ числѣ гребцовъ, собранныхъ звѣздными богами—вотъ удѣлъ самый завидный, самый славный, самый невещественный. Душа, получившая туда доступъ, радостно покидала землю и плавала въ самомъ небѣ, какъ духъ „Лучезарный“ (K h o u) среди созвѣздій, обходящихъ сѣверный полюсъ, тѣхъ, что звали „Негибнущими“ (a k h e m o u - s e k o u), ибо они никогда не исчезали съ видимаго неба. Египтяне наблюдали ихъ, чтобы опредѣлять часъ, особенно Большую Медвѣдицу; говорили о душѣ, что „она обитаетъ въ странѣ часовъ (O u n i t), что она управляетъ ночью и ведетъ часы“, распоряжаясь, такимъ образомъ, пространствомъ и временемъ¹⁾.

Съ теченіемъ вѣковъ эти представленія дали

¹⁾ Pyramide d'Ounas, I, 643. — Сл. Lefèbure, Le pays des heures, въ Sphynx, IV, стр. 8.

Египтянамъ ^{тѣмъ} матеріаль для метафизическихъ утонченностей, и они добросовѣстно изложены въ руководствахъ теологовъ, какъ, напр., въ Книгѣ Мертвыхъ и въ Книгѣ о томъ, что есть въ Гадесѣ. Во времена Пирамидъ они неполны и скорѣе чисто-вещественны. Выборъ наиболѣе желаннаго изъ этихъ раевъ не сдѣланъ: душѣ предоставлялось испытывать ихъ по очереди. Такимъ образомъ, можно было желать умершему раи послѣдовательные и одновременные. „Этому Озирису возвращено его сердце, и когда онъ отправляется на небо, Анубисъ выходитъ къ нему навстрѣчу, Сэбъ протягиваетъ ему руку. Ты восходишь, окуриваешь себя ладаномъ въ озерѣ Гадеса, очищаешься своими приношеніями на Поляхъ Ялу; ты плаваешь по небу и совершаешь ежедневный привалъ на Поляхъ Приношеній, окруженный богами. Сядь на желѣзный престолъ твой, ибо вручена тебѣ твоя бѣлая палица и бичъ; ты отдаешь приказы богамъ... потомъ продолжаешь свой путь, плывешь по своему озеру, подобный Ра у небесныхъ прибрежій. Возстань и гряди, Лучезарный!“ ¹⁾).

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ душа чело-вѣческая перешла отъ убогой ямы, вырытой въ пескахъ пустыни, къ звѣзднымъ полямъ

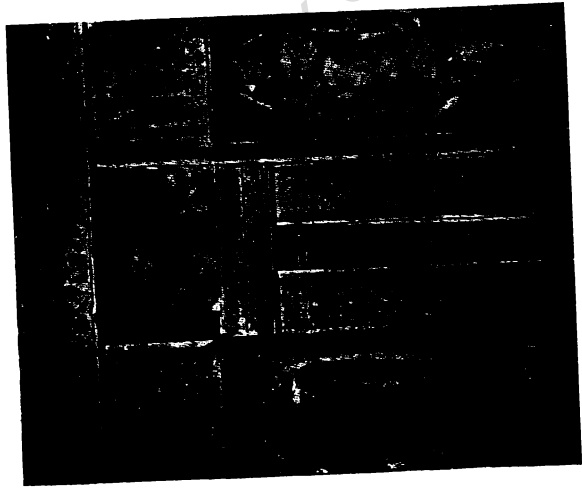
¹⁾ Pyramide de Péri II, 1145 и слѣд.

небеснымъ. „Небу душа, землѣ тѣло“, такова формула загробной жизни во времена пирамидъ. Но душа, восхищенная къ небеснымъ угѣхамъ, сохраняетъ способность нисходить на землю, въ свою могилу, благопріятствующую земнымъ радостямъ. Подъ видомъ птицы она возвращается къ могилѣ, садится на деревья своихъ владѣній, опускается въ засыпанный колодецъ, ведущій къ гробу: положивъ обѣ руки на сердце муміи, она созерцаетъ то, что было ея земной оболочкой въ тѣ времена, когда ей невѣдома была горняя обитель и небесная жизнь боговъ ¹⁾).

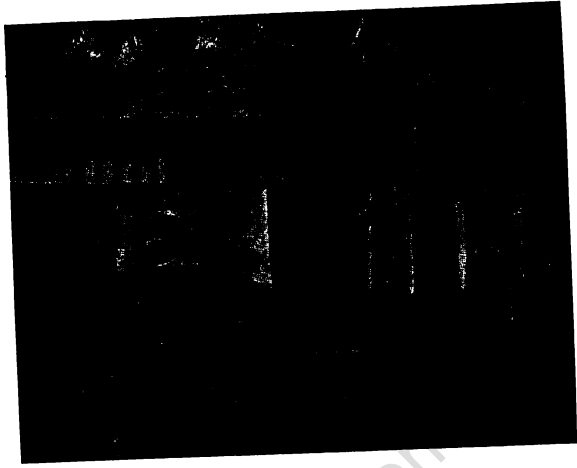
* * *

Мы видѣли, что обожествившемуся мертвому оказывается на небѣ братскій пріемъ: боги протягиваютъ руку приходящему къ нимъ человѣку, болѣе того, послѣдній садится на престолъ, беретъ скипетръ и булаву и предписываетъ богамъ свою волю. Допущенный какъ братъ, онъ водворяется господиномъ. Это одинъ изъ самыхъ характерныхъ пунктовъ религіозныхъ представленій въ эпоху пирамидъ—человѣкъ не заслуживаетъ небо, онъ проникаетъ туда хитростью и удерживается тамъ силой.

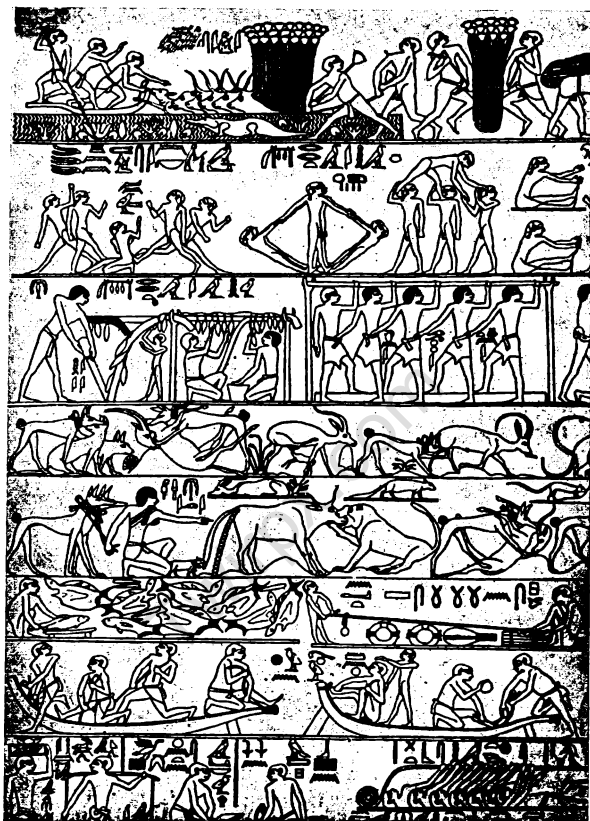
¹⁾ По виньеткамъ погребальныхъ папирусовъ.

1. Стоячая плита, глухая дверь, бюсты и статуи.

2. Глухая дверь и статуя двойника.

Барельефъ въ одномъ изъ погребальныхъ покоевъ
(Птагетепъ).

Что даетъ человѣку это могущество, равное или превосходящее могущество небесныхъ существъ? Это обладаніе источниками Магіи. Мемфисскій Египетъ находится еще въ той стадіи, когда человѣкъ не признаетъ основного различія въ самой природѣ между собою и высшими существами, которыми онъ населяетъ небо. На этомъ, какъ и на томъ свѣтѣ, всякій обладаетъ тѣломъ, душой, двойникомъ, подверженнымъ однѣмъ и тѣмъ же случайностямъ и подвластнымъ однѣмъ и тѣмъ же вліяніямъ. Обитатели неба, несомнѣнно, болѣе длительной сущности; но и они становятся богами только преодолевъ испытаніе смерти: они познали вѣчную жизнь лишь съ тѣхъ поръ, какъ Озирисъ открылъ имъ ея тайну. Человѣкъ, пользующійся благодѣяніями Озирійскаго ритуала, считаетъ себя равнымъ высшимъ существамъ, которыя избѣгаютъ уничтоженія только въ силу тѣхъ же самыхъ обрядовъ: тексты пирамидъ неустанно повторяютъ, что умершій живетъ и дѣйствуетъ какъ богъ.

Въ такомъ случаѣ, къ чему же молиться богамъ? Тексты древняго царства и не содержатъ молитвъ; человѣкъ не умоляетъ боговъ, онъ спрашиваетъ у нихъ содѣйствія, ихъ дружеской помощи; ставши Озирисомъ, онъ считаетъ себя ихъ единокровнымъ и желаетъ быть принятымъ, какъ братъ. А если

боги враждебны, у него есть средства сломить ихъ противодѣйствіе. Магія открываетъ ему тайныя соотношенія между существами и предметами; законы, которые она извлекаетъ изъ этого, непреложны на небѣ, какъ и на землѣ, ибо люди и боги одинаковой природы и подчинены тѣмъ же неизбѣжностямъ. А Озирисъ, которому уподобляется человѣкъ, обязанъ своимъ воскресеніемъ магіи; съ тѣхъ поръ, какъ вновь ему отверзли уста и глаза, онъ владѣетъ творческой властью Слова и притягательной силой глазъ. Подобно Деміургамъ, которые сотворили вселенную, созерцающая существа и предметы и называя ихъ по имени, онъ звукомъ своего голоса порождаетъ все, чего пожелаетъ, и уничтожаетъ все, что ненавидитъ. Такъ и мертвый, являясь на небо, можетъ заявить всякому, что сила его равна и даже превосходитъ могущество любого бога. Изъ предосторожности, священнослужитель въ день похоронъ читаетъ заклинанія, которыми умершій обращается къ обитателямъ неба и замышляетъ осилить ихъ страшными угрозами:

„Небо таетъ, превращаясь въ воду, звѣзды сражаются, стрѣльцы совершаютъ свой дозоръ, кости Акеру (созвѣздія) содрагаются при видѣ Унаса, поѣдающаго людей и питающагося богами... Духи связали боговъ для Унаса,

они ихъ связали, они пронзили ихъ грудь, выпотрошили внутренности и сварили ихъ въ пылающихъ котлахъ. Унасъ пожираетъ ихъ волшебства и поѣдаетъ ихъ духовъ, и великіе среди нихъ суть утренняя трапеза Унаса, средніе среди нихъ жаркое, малые среди нихъ суть вечерняя трапеза Унаса, старики и старухи ихъ идутъ въ горнила... Ибо Унасъ есть могущественнѣйшій изъ могущественныхъ; все что попадется на пути его, онъ жадно поѣдаетъ... онъ поглотилъ мудрость любого бога“ ¹⁾).

Какому богу устоять передъ этимъ людоедомъ - истребителемъ? Такая несокрушимая сила живетъ въ каждомъ, для кого былъ совершенъ по всѣмъ правиламъ ритуаль Озириса; онъ знаетъ ее въ себѣ и хвалится ею въ своихъ эпитафіяхъ: „Я есмь Лучезарный, посвященный и хорошо вооруженный, я магъ, знающій (власть) своихъ устъ!“ ²⁾. Манія величія заходитъ такъ далеко, что, приближаясь къ величайшему богу, Ра, умершій восклицаетъ: „Когда Пепи взошелъ на небо, онъ встрѣтился съ Ра лицомъ къ лицу... и Ра знаетъ, что Пепи больше его, ибо Пепи Лучезарнѣйшій изъ Лучезарныхъ, посвященнѣйшій изъ Посвященныхъ“ ³⁾. Вотъ до чего, по этимъ

¹⁾ Pyramide d'Ounas, 496 и слѣд.

²⁾ Inscription d'Hirkouf, VI dynastie (Elephantine).

³⁾ Pyramide de Pépi I, 91.

понятіямъ, богъ поддается застрашиваніямъ и внушенію соперника, который хвастается безъ зазрѣнія совѣсти.

Понятно, что богамъ приходилось быть на чеку и что они безпощадно отвергали и даже посылали на плаху ¹⁾ тѣхъ, которые являлись на небо не вооруженными магической силой. Горе тому, у кого нѣтъ въ распоряженіи устрашающихъ изреченій: „Когда человѣка погребаютъ съ его тысячами хлѣбовъ и тысячами сосудовъ съ пивомъ на столѣ Хонтаменти, горе той плоти, у которой нѣтъ писаній... Писаніе Унаса опечатано большой печатью; истинно, не за малой печатью писаніе его“ ²⁾. И наоборотъ, „тотъ кто знаетъ эту главу Ра и произноситъ эти волшебныя изреченія Гора, того знаетъ Ра, тотъ другъ Гора“ ³⁾. Человѣкъ не обманывается себя иллюзіями. Онъ знаетъ, что доступомъ на небо онъ не обязанъ ни заслугамъ своимъ, ни благоволенію боговъ: „О Пепи, если душа твоя находится среди Лучезарныхъ, это потому, что устрашенія твои дѣйствуютъ на сердце ихъ... Это (власть) книги твоей на сердцахъ ихъ“ ⁴⁾. Зато всѣ уловки противъ боговъ хороши. Въ началѣ

¹⁾ Pyramide de Têti, 234.

²⁾ Pyramide d'Ounas, 582.

³⁾ Pyramide de Pépi II, 658.

⁴⁾ Pyramide de Pépi I, 20.

VI династїи ко двору привели карлика, плясуна изъ племени Данга, жившаго въ области верхняго Нила. Этотъ карликъ пользовался такимъ успѣхомъ у Фараоновъ, что небесные боги должно быть не меньше сгорали отъ любопытства увидать его и готовили ему благосклонный прїемъ. И царь Пепи I не задумался обмануть довѣрчивость духовъ, переправляющихъ душу его черезъ небесное озеро: „Дайте мнѣ пропускъ, говоритъ онъ, я Данга, пляшущій передъ богомъ и веселящій сердце Озириса!“ Благодаря уловкѣ, душа царя была пропущена немедленно ¹⁾!

Этотъ рай, куда проникають силой и хитростью, съ теченіемъ вѣковъ превращается, однако, въ убѣжище правды и справедливости, куда душа допускается только пройдя пресловутое Судилище передъ лицомъ Озириса. Не подлежитъ сомнѣнію, что это превращеніе началось со времени пирамидъ. Въ тѣхъ же самыхъ текстахъ, гдѣ такъ грубо торжествуетъ сила Магіи, зарождается мысль, что чело-вѣкъ долженъ не только завоевать вѣчную жизнь, но что онъ долженъ ее заслужить. Душа человѣческая всегда была сложной и раздробленной въ своихъ стремленіяхъ. Въ

¹⁾ Maspero, *Études de Mythologie*, II, стр. 429 (Pyramide de Pépi I, 400; de Mîrnîrî, 570).

то же самое время, когда Озирисъ научаетъ людей непобѣдимой силѣ магическихъ обрядовъ, онъ открываетъ имъ понятіе о нравственности; онъ не только случайно избѣгъ смерти, онъ становится „богомъ, который любитъ справедливость“.

Въ началѣ роль Озириса какъ судьи была по характеру чисто практическая. Люди, дорогой цѣной обезпечивавшіе постоянныя жертвоприношенія своему двойнику, принимали мѣры, чтобы оградить себя отъ возможныхъ грабителей, призывая ихъ на судъ Озирійскихъ жрецовъ, покровителей кладбищъ. „Если какой-нибудь человѣкъ пойдетъ въ эту гробницу для злого дѣянія, чтобы ограбить ее какъ хищная птица, онъ будетъ судимъ за это великимъ богомъ, владыкой неба, въ мѣстѣ, гдѣ воздаютъ правосудіе“. Заранѣе покойный оправдывалъ себя отъ всякаго обвиненія, составляя самому себѣ панегирикъ, какъ свидѣтельство своей нравственности.

„Я—говорилъ онъ—возлюбленный моего отца, любимецъ моей матери, преданный братьямъ и слугамъ моимъ; я далъ хлѣбъ голодному, одежду нагому, я былъ кормильцемъ сиротѣ, мужемъ вдовѣ, костылемъ старику, я хоронилъ того, у кого не было сына. Никогда не былъ я предметомъ жалобъ ни для одного человѣка“ ¹⁾.

¹⁾ Текстъ IV и VI династій.

Эти изреченія представляютъ дѣйствительный интересъ съ точки зрѣнія нравственности, но здѣсь они являются какъ предварительная защитительная рѣчь передъ судомъ, который отъ міра сего. Оправданіе получаетъ болѣе общій характеръ и значеніе болѣе возвышенное, когда доходятъ до слѣдующихъ выраженій: „Я ежедневно говорилъ правду, которую любитъ богъ“ ¹⁾). Постепенное развитіе этого представленія сведется къ тому, что Озирисъ отдаетъ предпочтеніе человѣку праведному; отнынѣ мертвый больше уподобляется Озирису и легче получить доступъ къ вѣчной жизни, если онъ, дѣйствительно жилъ согласно правдѣ.

Чтобы убѣдиться въ праведности человѣка, необходимо разслѣдованіе. Отсюда первое понятіе о судѣ мертвыхъ, совершаемомъ богами Озирійской семьи, что составляетъ условіе доступа въ рай. Эрманъ и Лефобюръ ²⁾) указали на глубокій интересъ, связанный съ нѣкоторыми, очень краткими текстами пирамидъ, гдѣ мысль суда скорѣе намѣчена, чѣмъ развита: „и Унасъ обладаетъ творческимъ голосомъ сообразно тому, что онъ дѣлалъ“ ³⁾). Тефень и Тфенуитъ спрашиваютъ его; Маитъ (Правда) выслушиваетъ, Шу—свидѣтель. Маитъ поста-

1) Lepsius, Denkmäler, II, 81.

2) Aegyptische Zeitschrift, 1893, стр. 75.

3) Sphinx, VIII, стр. 34.

новляетъ, что онъ можетъ ходить по землѣ и переноситься куда угодно... Итакъ, Унасъ выходитъ оттуда живой душой. Справедливость, вотъ что несетъ онъ съ собой“ ¹⁾). Такъ волшебная сила творческаго Слова зависитъ у Унаса отъ качества его поступковъ. Конечно, нужно вспомнить, что одно магическое изреченіе, сказанное кстати, измѣнить колебаніе вѣсовъ въ пользу совѣсти мертваго, если она слишкомъ много вѣситъ, чтобы допустить его къ новой жизни. Но не менѣе истинно и то, что понятіе о Правдѣ начинается подвигаться впередъ съ этого времени: въ Оиванскую эпоху мы встрѣчаемъ въ литургическихъ книгахъ слѣдующія, истинно библейскія слова по поводу людей, призванныхъ къ жизни въ раю: „Тѣ, кто жили праведно на землѣ, призваны обитать въ Радости міра, во дворцѣ, гдѣ живутъ Справедливостью“.

Нужно ли удивляться этимъ противорѣчивымъ понятіямъ о Морали и Магіи, о волѣ и совѣсти у первыхъ людей, приступившихъ къ религіознымъ проблемамъ? Тысячи лѣтъ спустя тѣ же вопросы все еще раздѣляютъ умы; подобныя противорѣчія скорѣе сближаютъ, чѣмъ отдаляютъ насъ отъ пирамидъ.

Въ IV тысячелѣтіи до Р. Х. Египетъ уже

¹⁾ Pyramide d'Ounas, 453.

достигъ полнаго разрѣшенія этихъ общихъ представленій о смыслѣ жизни, о цѣли мірозданія и человѣка. Можно распространить на Египетъ заключеніе, внушенное Фюстель де Куланжу изученіемъ первобытныхъ цивилизацій у индоевропейскихъ народовъ: „Можетъ быть при видѣ смерти впервые зародилась въ человѣкѣ мысль о сверхъестественномъ, и ему захотѣлось надѣяться за предѣлами того, что онъ видѣлъ. Смерть была первой тайной; она поставила человѣка на путь къ другимъ тайнамъ. Она понесла его мысль отъ видимаго къ невидимому, отъ преходящаго къ вѣчному, отъ человѣческаго къ божественному ¹⁾“.

Хеопсы и Пепи съумѣли дать представленіямъ своихъ современниковъ форму во времени и пространствѣ сооруженіемъ пирамидъ, этихъ твердынь, которыя всей своею тяжестью ограждаютъ тѣла и мощнымъ порывомъ устремляются въ небо. Преданіе, оставленное Геродотомъ, дѣлаетъ изъ нихъ тирановъ, угнетающихъ свои народы, чтобы воздвигнуть ненужныя могилы, памятники гордыни и себялюбія. Это преданіе лишено историческаго смысла. Для своихъ современниковъ Фараоны эти были благодѣтелями, осуществившими великіе замыслы и доставившими цѣлому народу

¹⁾ La cité antique, гл. II.

завоеваніе рая. Они могли въ теченіе вѣковъ доводить до благополучнаго конца эти безмѣрныя сооруженія лишь пользуясь всеобщимъ одушевленіемъ, подобнымъ тому, которое, менѣе чѣмъ девять вѣковъ тому назадъ, привело къ сооруженію нашихъ соборовъ. Есть у Сюлли Прюдома превосходные стихи о рабочемъ, который умираетъ при постройкѣ пирамиды и чей голосъ тщетно зоветъ:

„Il monte, il va, cherchant les dieux et la justice... ¹⁾“

Это не жалоба жертвы, это вопль всего первобытнаго человѣчества, вопль надежды, страха, воли, привѣтствующій путь, открытый въ небо острымъ треугольникомъ пирамидъ.

¹⁾ Онъ вверхъ идетъ, ища боговъ и правосудья.

V.

Книга мертвыхъ.

Во времена пирамидъ (4000 лѣтъ до Р. Х) Фараоны Мемфиса обладали уже цѣлой философіей запредѣльности; но доступъ къ безсмертію дѣлили съ ними одни члены ихъ семьи, или ихъ близкіе; нужно было быть „другомъ царя“, чтобы пользоваться могилой, освященной обрядами, которые обезпечивали будущую жизнь. Нѣсколько вѣковъ спустя ученіе объ искупленіи выходитъ изъ тѣснаго круга Двора и распространяется на весь Египетскій народъ: погребальныя тексты, исключительное пользованіе которыми удерживали за собой цари VI династіи (3000 лѣтъ до Р. Х.), распространяются повсюду, переписываются на могилахъ и гробницахъ частныхъ лицъ.

Предчувствуемое завоеваніе рая вселило въ душѣ новую тревогу; честь уподобленія богу жизни и смерти, Озирису, по примѣру котораго достигалась божественная жизнь, была опасна.

Озирійскій мертвый принималъ славу и опасности существа благого: онъ становился мишенью для нападеній всѣхъ враговъ Озириса и козней Злого. Чтобы защитить его отъ нихъ, нужно покрыть его тѣло броней и снабдить душу его магическимъ оружіемъ: отсюда эти тысячи труповъ, превращенныхъ въ муміи, и эти несчетныя собранія папирусовъ, называемыя *Книгой Мертвыхъ*, которыя складывались въ Египетскихъ кладбищахъ.

Опущенный въ погребальный склепъ трупъ Египтянина могъ считаться въ безопасности: онъ былъ защищенъ глухой дверью, засыпанными колодцами, спущенными заслонками. Между тѣмъ, въ глубинѣ своего „дворца двойника“, душа тревожно бодрствовала. Оградить тѣло отъ разложенія было задачей сравнительно легкой, съ ней какъ нельзя лучше справлялись бальзамировщики, которыхъ Геродотъ (II, 86) показываетъ намъ за ихъ работою:

„Сначала они извлекаютъ мозгъ черезъ ноздри частию желѣзнымъ крючкомъ, частию промывая благовонными веществами, которыя вводятъ въ голову. Потомъ острымъ камнемъ изъ Эѳіопіи они взрѣзаютъ животъ, черезъ это отверстіе вынимаютъ внутренности, очищаютъ ихъ и промываютъ пальмовымъ виномъ; потомъ снова промываютъ ароматиче-

скими веществами, послѣ чего наполняютъ животъ миррой, гвоздикой и другими благовоніями и зашиваютъ его. Покончивъ съ этимъ, они солятъ тѣло и погружаютъ его въ натронъ, оставляя тамъ въ продолженіе семи-десяти дней. По истеченіи срока они обмываютъ тѣло и обвиваютъ его цѣликомъ полосками холста“.

Изслѣдованіе мумій показываетъ, что повязки составляли настоящую предохранительную броню. Тѣла намазываютъ священнымъ елеемъ, пустоты живота и груди заполняли не только ароматическими веществами, но еще статуэтками и амулетами. Восковая дощечка съ начертаніемъ символическаго ока покрывала рану на животѣ. Золотили лицо и пальцы, чтобы въ тѣло проникло свойство неразрушимыхъ металловъ. На грудь клали сердце, обозначавшее мѣсто души; скарабей, ястребъ, змѣя защищали туловище и чело; и повсюду были разбросаны статуэтки, бодрствующія, сторожевыя. Сверху толстые свертки полотна сглаживали очертанія, плотная или свободная сѣть повязокъ обвивала голову, туловище и ноги. Длинный саванъ, сдерживаемый полотняной полоской, окутывалъ лобъ и скрещивался на груди, гдѣ красовалось изображеніе Озириса, которому поклонялся умершій. Все это снаряженіе не могло

имѣть своего предохранительнаго значенія безъ содѣйствія жрецовъ и произнесенія формулъ. „Ритуальъ бальзамированія“ знакомитъ насъ съ названіями, примѣненіемъ, предохранительными свойствами каждой повязки и каждой статуэтки. На самомъ дѣлѣ это не полотно, не статуэтки, не благовонія: это боги живые, Изидъ, Нефтисъ, Горъ, Тотъ—они, подъ видомъ елѣя, повязокъ, амулетовъ, окружаютъ своими руками мумію и защищаютъ ее своими тѣлами и всей своей сверхъестественной силой.

Орудіемъ защиты этого тупа, населеннаго богами, были формулы, вырѣзанныя на стѣнахъ или на стѣнкахъ саркофага, строки располагались такимъ образомъ, чтобы глаза муміи могли свободно ихъ читать. Во время новаго египетскаго царства (около 1500 г. до Р. Х.) гробы, точно прилаженные къ очертаніямъ муміи, приняли „человѣкоподобную“ форму, и не хватало мѣста для декоративныхъ начертаній строфъ; тогда стали класть въ картонную трубку свертокъ папируса, заключающій болѣе или менѣе полную редакцію необходимыхъ текстовъ. Постепенная замѣна могилы гробницей, потомъ гробницы папирусомъ сдѣлала доступными всѣмъ слоямъ населенія благодѣнія искупительныхъ изреченій: эту „Книгу Мертвыхъ“ мы тысячами находимъ на муміяхъ.

Съ теченіемъ тысячелѣтій, раздѣляющихъ

Θиванскія гробницы отъ птоломеевыхъ папирусовъ, содержаніе выпусковъ измѣнялось, какъ и ихъ внѣшнее расположеніе. Первый сборникъ пирамидъ заключаетъ въ себѣ 453 главы; изъ нихъ только нѣкоторыя переписаны въ Θиванскую эпоху; изъ новыхъ же текстовъ, доставленныхъ гробницами, многіе пользовались лишь мимолетной распространенностью, и въ папирусахъ мы ихъ уже не встрѣчаемъ. Ко времени Псаметиховъ (600 л. до Р. Х.) Египтяне поняли необходимость привести этотъ священный матеріалъ въ порядокъ; было выбрано 65 главъ и размѣщено въ порядкѣ произвольномъ, но котораго съ тѣхъ поръ держались переписчики. Лучшій экземпляръ этихъ списковъ—папирусъ въ 20 м. длины, хранящійся въ Туринскомъ музеѣ и изданный Лепсіусомъ. Главы слѣдуютъ по вертикальнымъ столбцамъ, съ заглавными буквами, тщательно отмѣченными красными чернилами, рядъ заставокъ, нарисованныхъ легкими штрихами, служитъ цифрами столбцовъ и поясняетъ текстъ изреченій.

Такая книга необходима была каждому мертвому, заботящемуся о достиженіи будущей жизни; поэтому погребальныхъ дѣлъ мастера всегда держали у себя наготовѣ ея экземпляры, полные или сокращенные, съ заставками или безъ нихъ: для имени обладателя ея, которое

нужно будетъ упоминать съ каждой новой главой, оставлено пустое мѣсто; оно вписывалось послѣ покупки. Большая часть этихъ общераспространенныхъ изданій весьма небрежно составлена: неправильно прочитанныя или списанныя слова, пропуски цѣлыхъ фразъ или повторенія по невниманію, ошибки, свидѣтельствующія о полномъ непониманіи переписчикомъ древнѣйшихъ изреченій. Дѣйствительно, священныя Египетскія книги изобилуютъ намеками на миѳическія событія, незнакомыми названіями или рисунками, значеніе которыхъ требуетъ поясненій. Теологи Египетской эпохи были въ меньшемъ затрудненіи передъ этими загадками, чѣмъ мы; они писали толкованія часто разнорѣчивыя, а переписчики помѣщали ихъ всѣ безъ разбора. За то, благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ возможность прослѣдить толкованія текста очень древняго и уже искаженнаго.

Пирамиды научаютъ обрядамъ, спасающимъ человѣка отъ смерти и дающимъ ему жизнь въ могилѣ и на небѣ; но онѣ умалчиваютъ о средствахъ обрѣсти вѣрный путь къ раю, избѣжать вражескихъ козней, преодолѣть испытанія послѣдняго суда. Эти практическіе совѣты и мудрыя наставленія находились въ главахъ Книги. Человѣку, при жизни знакомому съ этими формулами, нечего было бо-

яться послѣ смерти. „Тотъ, кто прочитаетъ эту главу, очистивъ себя въ натронной водѣ, выйдетъ послѣ погребенія на свѣтъ, онъ пройдетъ черезъ всѣ превращенія, какія подскажетъ ему его сердце, онъ пройдетъ воистину черезъ огонь,“ (гл. XX). Достаточно было также положить спасительный текстъ на мумію: „Глава, которую должно написать клеевыми чернилами и краской на сверткѣ царскаго папируса и положить на шею муміи въ день погребенія. Съ этимъ талисманомъ на шеѣ умершій очутится среди боговъ... Онъ станетъ богомъ навѣки“. (гл. CI). Чаще всего рѣчь идетъ отъ лица мертваго: онъ какъ бы читаетъ формулы и самъ сражаетъ своихъ враговъ; но достаточно, чтобы въ день его похоронъ жрецъ прочиталъ эту книгу, и муміи не угрожаетъ никакая опасность. И, наоборотъ, горе погребенному безъ Книги: „Тотъ, кто не знаетъ этой главы, не можетъ предстать передъ ликомъ Дня“ (гл. LXXXVI).

* * *

Книзу Мертвыхъ можно подраздѣлить на четыре части. Послѣдняя есть смѣсь всевозможныхъ рецептовъ Магіи; три первыя провожаютъ покойника отъ земли до неба по различнымъ путямъ и съ помощью различныхъ поученій. Чтобы исправить несвязность неизбежную для такихъ компиляцій, въ заголовкѣ

каждаго отдѣла помѣщали синтетическія главы I, XVII и LXIV, гдѣ символически излагаются судьбы души и дается какъ бы схема Книги.

Первая часть. Заставки надъ главами отъ I до XVI рисуютъ погребеніе. Жрецы и плакальщицы суетятся около гроба; шествіе съ муміей, готовое переправиться черезъ Нилъ, размѣщается въ лодкѣ попеременно съ жертвенными животными и приношеніями. У могилы люди ставятъ мумію стоймя на кучу песку и разсѣкаютъ быка; жрецъ въ маскѣ собачьей головы, играющій роль Анубиса, отверзаетъ уста умершему по ритуалу, дѣлающему его богомъ живымъ; а по другую сторону гроба умершій воскресаетъ и освобождается отъ повязокъ: онъ преклоняетъ колѣна передъ Ра и садится въ небесную ладью.

Дѣйствительно, заглавіе первой главы указываетъ на то, что ее читаютъ въ день погребенія. Чтобы добиться благосклоннаго пріема Озириса, мертвый безъ всякаго зазрѣнія совѣсти заявляетъ, что онъ Тотъ, Горъ, или одинъ изъ тѣхъ, кто сражался за бога въ день, когда вырвали по частямъ тѣло его у Тифоновыхъ чудовищъ. Покойный называетъ себя жрецомъ разныхъ храмовъ: онъ прошелъ всѣ степени посвященія, его чистота, его святость очевидна, „не найдется грѣха его на вѣсахъ“ въ день суда, ему от-

кроются врата рая и будетъ накрытъ для него столъ боговъ. Здѣсь, какъ и въ текстахъ пирамидъ, явно выставляется стремленіе обмануть боговъ того свѣта путемъ наглыхъ заявленій. Слѣдующія главы даруютъ мертвому жизнь послѣ смерти и свободу проходить землю, область кладбищъ (Аменти), восходить на небо; не остановятъ его ни враги, ни змѣй Апофисъ, чье коварство заклинали надъ восковой фигуркой, и кого побѣдоносная душа попирала ногами. Въ заключеніе душа запѣваетъ гимнъ Ра: „Я достигъ страны вѣчности..., я прохожу по небосклону, я преклоняю колѣна посреди звѣздъ... Почетъ тебѣ, отецъ боговъ, да будетъ благосклоненъ ко мнѣ лучезарный ликъ твой!“

Мы у воротъ міра запредѣльнаго. Глава XVII, важнѣйшая изъ всего сборника, служитъ введеніемъ ко второй части. заставка показываетъ мертваго въ обществѣ великихъ боговъ; текстъ имѣетъ цѣлью ни больше, ни меньше, какъ „воскресить тѣни усопшихъ“. Какъ и въ I главѣ, слово дается покойному. Онъ хвастливо заявляетъ себя Творцомъ Вселенной во всемъ ея многообразіи, онъ открываетъ намъ происхожденіе міра и судьбы людей, приводящія ихъ отъ земли къ небу, если въ день послѣдняго суда они доставятъ торжество правдѣ и добру. Изложеніе каждой

фразы этой главы краткое и точное. На нѣсколькихъ гробницахъ XI династіи изреченія эти повторяются безъ дальнѣйшаго развитія; но въ тѣ отдаленныя времена точный смыслъ слова превосходилъ пониманіе простолюдина; теологи снабдили формулы поясненіями въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, приложенныхъ къ каждому члену предложенія. Будучи темнымъ, само толкованіе требовало иногда второго и даже третьяго поясненія; вотъ съ такими то научными сооруженіями тройного толкованія дошелъ до насъ Саисскій списокъ XVII главы.

Посвященный въ тайны, мертвый собираетъ всѣ свои силы для будущихъ бореній и великаго испытанія суда. Онъ умоляетъ Тота даровать ему магическій голосъ, который звучалъ бы правильно, говорилъ правду, уничтожалъ заблужденіе. Эта сила будетъ дарована ему, если возложить ему на голову „вѣнецъ творческаго голоса“. вмѣстѣ съ тѣмъ боги отверзаютъ ему уста священными орудіями, которыми разомкнули уста и очи Озириса; послѣдовательно получаетъ онъ въ даръ магическія чары, сознаніе, волю, сердце. И тотчасъ же возникаетъ борьба съ животными Тифона, крокодилами, змѣями, черепахами, красными ослами, стремящимися поглотить талисманы мертваго, дабы обезоружить его и уничто-

жить; но онъ потрясаетъ копьемъ и ударяетъ имъ крокодиловъ, которые съ трепетомъ уклоняются; онъ пригвождаетъ къ землѣ черепахъ и змѣй, и преслѣдуетъ гадовъ вплоть до спины осла, куда они спрятались. Одинъ изъ пріемовъ борьбы съ этими чудовищами, это безсовѣстно ихъ обмануть: обращаясь къ крокодилу, умершій кричитъ ему: „Стой, крокодилъ! то, что ты ненавидишь, у меня въ животѣ: я съѣлъ шею Озириса, я Сэтъ!“ Въ другомъ случаѣ приходится утверждать обратное: „Я Ра, я Озирисъ“ и заявить, что каждая часть его тѣла есть богъ живой, который сумѣетъ постоять за себя: „Нѣтъ ни одного члена его тѣла, который бы не былъ богомъ..., его нельзя схватить за локоть, удержать за руку; ни люди, ни боги, ни тѣни, ни мертвые—никто не можетъ произвести надъ нимъ насилія“ (гл. XLII). Онъ также удачно спасается отъ тѣхъ, кто хочетъ обезглавить его или отравить нечистотами: „Нечистотъ не вкушаю я; нечистоты—скверны, я не ѣмъ ихъ; я живу хлѣбомъ и пивомъ!“ (гл. LII).

Но вотъ конецъ испытаніямъ: появляется Тумъ, несущій въ рукѣ надутый парусъ—символь дыханія жизни; Нуить, прекрасная богиня сикоморъ, выступаетъ изъ дерева, протягивая ему воду и хлѣбъ: О, сикомора Нуить, восклицаетъ мертвый, дай мнѣ воды, кото-

рая заключается въ тебѣ“, и получивъ напитокъ: „Я отверзаю врата небесъ, я перешелъ врата земли!“

Глава LXIV въ началѣ третьей части обѣщала дать „въ одной главѣ обряды предстанія передъ ликомъ Дня“; эта попытка синтеза, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Туманно и безъ пояснительныхъ комментаріевъ въ ней высказаны общія истины, уже изложенныя въ XVII главѣ: Происхожденіе вселенной, Назначеніе человѣка. „Протяните мнѣ руку, восклицаетъ умершій, о, боги, исшедшіе изъ устъ моихъ; я поднимаюсь обновленный, я возношусь къ небу, парю каждый день надъ землей..., я вступилъ въ святилище и выхожу изъ него Лучезарнымъ, я созерцаю формы людей вовѣки.—Тотъ, кто знаетъ эту главу, владѣетъ творческимъ голосомъ на землѣ и въ другомъ мірѣ; онъ принимаетъ образы всѣхъ живущихъ... Эта глава найдена въ Гермополисѣ на плитѣ изъ алебаstra и желѣза написанной лаписъ-лазурью, у ногъ бога (Тота) во времена царя Микерина царскимъ принцемъ Гордидифомъ, который путешествовалъ, чтобы сдѣлать подсчетъ въ храмахъ; тамъ былъ написанъ гимнъ, который привелъ принца въ восторгъ. Онъ снесъ его царю, исполненный изумленія, едва лишь позналъ эту великую тайну...“

То, что открылъ людямъ Тотъ при посредствѣ одного святого, впавшаго въ экстазъ, это была возможность „предстать передъ ликомъ Дня“, т.-е. пережить послѣ смерти всѣ формы жизни. Ворота неба и земли открыты для мертваго; вотъ онъ, съ золотой тростью въ рукѣ, идетъ среди боговъ и людей. Рядъ очень старинныхъ главъ (LXXVI—LXXXVIII) даетъ намъ названія цѣлаго цикла популярныхъ божествъ, чьи формы принималъ умершій; это соколъ, фениксъ, цапля, ласточка, гусь, змѣя, крокодилъ среди животныхъ, а также и лотосъ. Ожить въ одномъ изъ этихъ образовъ значило уподобиться мѣстнымъ богамъ, преемникамъ тотемическихъ животныхъ первобытнаго Египта; здѣсь мы, можетъ быть, сталкиваемся съ очень древнимъ представлениемъ, значительно предшествовавшимъ Озирійскимъ и Солнечнымъ учениямъ ¹⁾. Будущая жизнь есть еще лишь метампсихозъ, переселеніе души въ существа и предметы. Но книга спѣшитъ вернуть насъ къ болѣе современнымъ богамъ.

Обращаясь къ богамъ Геліополиса и Абидоса, мертвый не представляетъ себѣ больше будущей жизни въ видѣ переселенія въ божест-

¹⁾ Сл. Wiedeman, *Quelques remarques sur le culte des animaux en Egypte*, прим. Museon, 1905, стр. 123.

венныя формы: онъ возвращается къ человѣческому идеалу рая, среди плодородныхъ нивъ Елисейскихъ полей. Тотъ и Анубисъ помогаютъ ему не сбиться съ дороги. Вотъ онъ на берегу адской рѣки; онъ находитъ тамъ лодку, готовую къ переправѣ, но сидящій у рѣки Харонъ и сама ладья подвергаютъ его допросу; мертвый долженъ назвать бога и каждую изъ частей судна по имени, своими отвѣтами онъ доказываетъ, что ему извѣстны необходимыя для его спасенія изреченія. „О, стражъ таинственной ладьи, я спѣшу, я пришелъ увидать отца моего, Озириса“. — Назови меня по имени“, говоритъ остовъ ладьи. — „Потемки имя твое“. — „Назови меня по имени, говоритъ мачта. — „Тотъ, который ведетъ великую богиню по пути ея, имя твое.“ — Назови меня по имени“, говоритъ парусъ. — „Нуить (небо) имя твое“... Кто знаетъ эту главу, вступаетъ въ Елисейскія поля, получаетъ тамъ хлѣбъ, напитки, вкушаетъ тамъ ячмень и пшеницу семи локтей высоты, которую собираютъ слуги Гора... и покидаетъ Елисейскія поля во всѣхъ образахъ, какіе пожелаетъ“ (гл. XCIX).

Послѣ воззванія къ Духамъ Востока и Заката умершій вступалъ въ Рай; заставки изображаютъ его плодородными нивами, невоздѣланными или покрытыми богатой жатвой; по нимъ извивается рѣка; солнце и вода

тамъ повсюду, они неизсякаемо оплодотворяютъ землю (гл. СХ). Тамъ не водится ни гадовъ, ни вредныхъ рыбъ и ничего нечистаго. Избранники садятся на мягкую траву на берегу рѣки, подъ вѣчно зеленой сѣнью большихъ деревь, и вдыхаютъ свѣжее дуновение сѣвера. Они ловятъ удочкой рыбу среди лотосовъ, садятся въ лодку, и ихъ тянутъ бичевой ихъ слуги, или же, иногда, сами они достаиваютъ взяться за широкое весло и медленно катаются по каналамъ; они охотятся въ заросляхъ на птицу или удаляются въ расписные шатры читать сказки, играть въ шашки, навѣщать своихъ женъ, вѣчно юныхъ, вѣчно прекрасныхъ ¹⁾“.

По древнѣйшимъ представленіямъ, мертвый прерывалъ свой досугъ нѣкоторыми работами: онъ держалъ ручки плуга, запряженного парой воловъ, косилъ хлѣбъ, вырывалъ пучками ленъ. Одно изреченіе Книги освобождало его и отъ этихъ легкихъ трудовъ: оно произносилось надъ одной изъ тѣхъ статуэтокъ, деревянныхъ или изъ глазированной глины, какія мы тысячами встрѣчаемъ на кладбищахъ. Онѣ изображаютъ стоящаго человѣка, окутаннаго саваномъ муміи, съ поднятыми до груди руками; въ нихъ онъ держитъ, какъ

¹⁾ G. Maspero, Histoire, I, стр. 194, по виньеткамъ Книги Мертвыхъ.

солдаты, дѣлающій на караулъ, мотыку, лопату и мѣшокъ съ зерномъ для полевыхъ работъ. Это были изображенія слугъ, которыхъ всякій, даже самый бѣдный, могъ призвать на тотъ свѣтъ; ихъ называли „отвѣтствующими“ (oushaibtou), ибо они отзывались на каждый приказъ умершаго: „О, ты, отвѣтствующій; если призовутъ тебя отъ имени Озириса N., исполнять всѣ работы, какія потребуются въ другомъ мѣрѣ — воздѣлывать поля, наполнять каналы водой, переносить песокъ съ Востока на Западъ (отвѣтствуй): „Я здѣсь! Я здѣсь!“ (гл. VI).

Нѣкогда, во времена Мемфисской цивилизации, доступъ къ раямъ и матеріальнымъ благамъ былъ открытъ для всякаго, добраго или злого, кто знаетъ формулы. Моральное пониманіе судьбы въ загробномъ мѣрѣ находитъ почти полное развитіе въ слѣдующихъ главахъ. Мертвый направляется къ Абидосу; онъ стучится въ ворота Царства Правосудія, и передъ лицомъ „присяжныхъ Озириса“ долженъ исповѣдать чистоту своей совѣсти. „Я прихожу какъ совершенная тѣнь, дабы возшло Правосудіе къ тому, кто его любитъ“ (гл. CXXIV). Онъ вступаетъ тогда „въ чертогъ двойнаго Правосудія, гдѣ человекъ разстается со своими грѣхами, чтобы заслужить лицезрѣніе боговъ“.

Таковъ заголовокъ знаменитой СХХV главы, важнѣйшей изъ всей Книги, на ряду съ главой XVII, гдѣ, смотря по заслугамъ, судьба ведетъ людей къ раю или аду. Мертвый цѣлуетъ землю у порога чертога Суда. Тамъ, подъ ковчегомъ, увѣнчаннымъ фризомъ изъ свернувшихся змѣевъ, засѣдаетъ Существо Благое, Озирисъ, искупитель и судія, ожидая сына своего, „приходящаго съ земли“. На серединѣ стоятъ большіе вѣсы; около нихъ Маитъ, владычица Правды и Правосудія, готова взвѣшивать сердце умершаго. Неподалеку ужа-сающее животное, Амаитъ, Пожирательница, полу-крокодилъ, полу-гиппопотамъ, обращаетъ свою пасть къ Озирису, какъ бы испрашивая позволенія растерзать прибывшаго. Кругомъ, по восточному обычаю, на корточкахъ, сидятъ сорокъ два божества въ саванахъ; это судъ, состоящій изъ выборныхъ сорока двухъ провинцій Египта. Умершій подаетъ смиренное прошеніе: онъ только что оправдалъ себя въ сорока двухъ каноническихъ грѣхахъ; каждому изъ сорока двухъ судей подлежитъ одинъ изъ грѣховъ и соотвѣтствующее наказаніе. „Привѣтъ вамъ, владыки Правосудія, привѣтъ тебѣ, богъ великій, владыка Правды и Правосудія. Я пришелъ къ тебѣ, мой повелитель, я призванъ созерцать красоты твои! Ибо я знаю тебя, я знаю имя твое, я знаю имена

сорока двухъ божествъ, находящихся съ тобой въ чертогѣ двойной Правды, питающихся останками грѣшниковъ, насыщающихся кровью ихъ въ тотъ день, когда они даютъ отчетъ Существу Благому. Я несу вамъ Правду и для васъ уничтожилъ я грѣхи“.

Слѣдуетъ перечень этихъ грѣховъ, совершение которыхъ мертвый отрицаетъ; эта Исповѣдь отрицающая является для насъ моральнымъ кодексомъ. Мертвый опять даетъ общій и безличный ихъ перечень, а потомъ оправдывается передъ каждымъ изъ судей:

„Я не сотворилъ зла; я не совершалъ насилія; я не укралъ; я не повелѣлъ предательски убить человѣка; я не умалилъ приношеній (богамъ); я не говорилъ неправды; я не заставилъ пролить слезы; я не былъ нечистымъ; я не убивалъ священныхъ животныхъ; я не портилъ воздѣланныхъ полей; я не былъ клеветникомъ; я не впадалъ въ гнѣвъ; я не творилъ прелюбодѣянiя; я не отказывался услышать слова правды; я не изрекалъ проклятiй царю, ни отцу своему; я не загрязнялъ воду; я не допускалъ дурного обращенiя хозяина съ рабомъ; я не давалъ клятвы (напрасно); я не поддѣлывалъ коромысла вѣсовъ; я не отнималъ молока ото рта младенцевъ; я не ловилъ птицъ боговъ въ сѣти; я не отвергъ воду въ

пору ея; я не перерѣзалъ оросительную канаву; я не загасилъ огня въ часъ его; я не поносилъ бога въ сердцѣ своемъ. Я чистъ, я чистъ, я чистъ!”

Прошеніе услышано, ибо Тотъ и Анубисъ спросили вѣсы, положивъ на одну чашу сердце мертвого, на другую изображеніе Правды; равновѣсіе обѣихъ чашъ свидѣтельствуешь объ искренности исповѣди. Тотъ заноситъ на свои таблицы результаты взвѣшиванія и говоритъ Озирису: „Умершій подвергнутъ взвѣшиванію на вѣсахъ; нѣтъ въ немъ никакой вины; правда въ сердцѣ его, стрѣлка показываетъ равновѣсіе, сомнѣнія нѣтъ, всѣ члены его совершенны“. Озирисъ выноситъ приговоръ, который мы находимъ иногда на гробницахъ, записаннымъ на таблицахъ, какъ подлинный документъ. „Да изойдетъ усопшій побѣдителемъ, дабы направиться куда пожелаетъ въ близость духовъ и боговъ. Онъ не будетъ отвергнутъ блюстителями воротъ Края Закатнаго“ (табл. XVI).

О наказаніи не могло быть и рѣчи для „того, кто обладалъ этой главой, написанной на плиткѣ изъ чистаго мергеля, взятаго съ поля, по которому ни разу не прошелъ плугъ“. А слѣдующая глава приводитъ оправданнаго мертвого къ огненному бассейну, который охраняютъ четыре павіана: „О вы, четыре

обезьяны, что судите и бѣднаго, и богатаго, что питаетесь правдой, уничтожьте во мнѣ всякую скверну, уничтожьте грѣхи мои“! „Мы уничтожаемъ всѣ твои скверны, мы уничтожаемъ всѣ грѣхи твои“, отвѣчаютъ стражи огня. Не есть ли этотъ огненный бассейнъ чистилище, преддверіе обители праведныхъ?

Выйдя побѣдителемъ изъ испытанія, мертвый становится равенъ богамъ Абидоса или Геліополиса; его голосъ раздается повсюду, ибо онъ исповѣдуетъ Истину; „приказъ отданъ, чтобы могъ онъ совершать всѣ свои перевоплощенія“ (гл. СХХVIII), и онъ „переступаетъ врата неба, земли, ада, подобно душѣ Ра“. Избирая свой удѣлъ по собственному желанію, онъ садится въ солнечную ладью, гдѣ становится воплощеннымъ Ра, „ибо двойникъ бога соединился съ тѣмъ, кого онъ любитъ“ (гл. СХХХIII); онъ можетъ поселиться и въ раю Озириса. Онъ долженъ узнать имена всѣхъ боговъ, его братьевъ (у одного Озириса около сотни именъ, которыя читаются въ молитвословіяхъ) и названія семи чертоговъ рая, четырнадцати воротъ, четырнадцати обителей и ихъ стражей. Кто знаетъ имя вещей или существъ, владѣетъ ихъ тайной и подчиняетъ ихъ себѣ. Проникшій въ эти высшія тайны умершій позналъ все то, что должны вѣдать боги; онъ чувствуетъ себя членомъ ихъ семьи: „боги

окужають его и любятъся имъ, ибо онъ сталъ однимъ изъ нихъ“ (гл. CXLVIII).

* * *

Покончивъ съ этимъ разборомъ, попытаемся глубже проникнуть въ тайны, обученіемъ которымъ похвалялись Египетскіе жрецы и знаніе которыхъ дѣлало человѣка подобнымъ богамъ. „Очи ваши отверзнутся, и будете вы какъ боги, познавъ добро и зло“, говоритъ Змѣй Бытія.

Книга Мертвыхъ не только, согласно обычному изреченію, путеводитель странника въ краяхъ запредѣльныхъ, руководство безупречнаго покойника; она хочетъ дать ключъ къ важнѣйшимъ загадкамъ міра боговъ и людей; она хочетъ удовлетворить, „жаждущаго религіозныхъ вѣрованій, желающаго познать свое происхожденія, пекущагося о своей судьбѣ!“ ¹⁾. Откуда пришелъ человѣкъ, куда онъ идетъ—таковъ главный вопросъ, на который Книга стремится отвѣтить своими формулами; съ этой точки зрѣнія двумя полюсами сборника являются главы XVII и CXXV; одна—Бытіе, другая—Евангеліе священной Книги Египтянъ. Разоблачать эти тайны было страшно; онѣ

¹⁾ De Rougé, *Études sur le Rituel funéraire*, 1860.

передавались отъ отца къ сыну какъ ритуаль семейнаго культа, но съ какими предосторожностями! „Не показывай этихъ главъ ни одному человѣку за исключеніемъ самого себя, твоего отца или твоего сына¹⁾. . . .“ „Пусть не взглянетъ на это никто кромѣ тебя²⁾. . . .“ „Это истинная тайна, которой не знаетъ никто нигдѣ³⁾. . . .“ „Эта книга есть величайшая изъ тайнъ. Не показывай ея никому. Ужасно показать ее⁴⁾;... пусть никто не видитъ ея, кромѣ тебя и того, кто научилъ тебя ей⁵⁾“.

Какъ произошла вселенная? Этотъ вопросъ рано приходитъ на умъ дѣтямъ и народамъ въ младенчествѣ. „Эта Книга научить тебя познать то, что произошло Вначалѣ“ (гл. CXLVIII).

Въ началѣ міра не существовало ничего кромѣ бездны первобытныхъ водъ, чье имя Н у н ъ. Въ тѣ времена, говорятъ тексты пирамидъ, „не было еще ни неба, ни земли, ни людей, боги еще не родились, и не существовало смерти⁶⁾“. Въ водѣ плавалъ Духъ первобытнаго бога Тума; онъ носилъ въ себѣ животворящую силу

1) Гл. CXXXIII.

2) Гл. CXXXVI, CXLIV, CLXVIII.

3) Гл. CLXI.

4) Гл. CLXII.

5) Гл. CXLVIII.

6) Pyramide de Pepi I, 663.

существъ и предметовъ. Тумъ отъ неподвижности перешелъ къ дѣйствию, произнесъ слово: „Гряди ко мнѣ ¹⁾“, воскликнулъ онъ; и раздвоившись, Тумъ создалъ солнце Ра. Были ли Тумъ и Ра отецъ и сынъ? Вовсе нѣтъ; вдвоемъ они образуютъ единое лицо, „ибо богъ есть атомъ недѣлимый, въ самомъ себѣ носящій творческую силу собственнаго бытія ²⁾“. Итакъ, въ началѣ временъ раздалось творческое Слово, и бысть Свѣтъ. Относительно сущности ученія среди богослововъ было полное единомысліе, но имя творца мѣнялось, смотря по городамъ. Жрецы Абидоса приписывали „Гряди ко мнѣ“, вступленіе къ мірозданію, Озирису; духовенство же Геліополиса приписывало эту честь Туму. Чтò народу трудно было понять, это, какимъ образомъ свѣтъ могъ существовать въ инертномъ состояніи въ водѣ Нуна, при чемъ вода не угашала огня. Затрудненіе разрѣшалось аллегоріями. Ра въ Нунѣ былъ соколомъ, закрывшимъ глаза; когда онъ открываетъ ихъ, сверкаетъ солнце; или же, это дитя, спрятанное въ лотосѣ; когда лотосъ всплываетъ, изъ него восходитъ солнце.

Тумъ — Ра привелъ тогда въ порядокъ Хаосъ: изъ самого себя, „безъ содѣйствія жен-

¹⁾ Въ Книгѣ Мертвыхъ день творенія названъ Днемъ „Гряди ко мнѣ“.

²⁾ Brugsch, Religion und Mythologie.

шины“, онъ извлекъ два элемента, воздухъ и огонь, въ образѣ разнополой четы, Шу и Тафнуитъ. Вторая пара, Сэбъ и Нуитъ, олицетворяла землю и небо, распростертыя другъ надъ другомъ; воздухъ Шу, проскользнувъ между ними, раздѣлилъ богиню Небо и ея супруга Землю. Жестокая разлука: и если небо окружаетъ землю со всѣхъ сторонъ, это потому, что ноги и руки богини еще касаются земли. Шу продолжаетъ поддерживать въ воздухѣ звѣздное тѣло въ положеніи, которое стало позой Атласа, поддерживающаго небесный сводъ. И если на поверхности земли есть мучительныя неровности, то это потому, что Сэбъ продолжаетъ бороться съ Шу; онъ приподнимается на локтѣ, сгибаетъ колѣно, но каменѣетъ въ этомъ положеніи. Отъ Неба и Земли родились двѣ пары: Озирисъ и Изиды (вода и оплодотворенная ею земля) и Сэтъ и Нефтисъ (безплодная почва пустыни). Вражда между плодородной землей и пустыней нашла себѣ выраженіе въ миѣ Озириса и Сэта, ведущихъ между собой борьбу какъ добро и зло. Эти четыре первыя пары, отъ которыхъ произошли остальные боги, составили съ Тумомъ „великое Девять, которое пребываетъ въ Геліополисѣ“. Книга выразила это представленіе, говоря, что Тумъ—Ра преобразовалъ неподвижныхъ въ восемь боговъ, извлеки изъ Хаоса восемь элемен-

товъ, до этой минуты бездѣятельныхъ и смѣшанныхъ ¹⁾).

И вотъ великая тайна, которая открывалась мертвому: человѣкъ самъ божественной сущности; какъ и боги, онъ изошелъ изъ Ра. Во времена творенія онъ вытекъ, подобно слезѣ, изъ глазъ создателя, боги же изошли изъ устъ его. Вмѣстѣ съ человѣкомъ все вещество возникло изъ божественнаго глаза, изошло отъ свѣта. Не было ничего во вселенной, пока творецъ не увидалъ предметовъ и не назвалъ ихъ по имени. „О ты, впервые открывшійся себѣ самому, въ тѣ времена, когда не существовало ни одного бога, когда не было имени ни одному предмету.... Когда отверзъ ты глаза твои и взглянулъ ими, сталъ свѣтъ для цѣлаго міра.... богъ, что порождаетъ боговъ, людей и вещи! Все составляетъ часть божества: „Ты небо, земля, вода, воздухъ и ихъ обитатели!“ Міръ лишь форма божественнаго духа: „Ра исходящій изъ Нуна, это душа—богъ, творящая матерію, т.-е. свое тѣло²⁾“.

Если вселенная лишь тѣнь божественной души, то мертвый, которому открывается эта тайна, сознаетъ свою истинную сущность. Частица

¹⁾ Livre des Morts, гл. XVII, по толкованію Навиля.

²⁾ Livre des Morts; гл. XVII, papirus de Sou-times.

божественнаго цѣлаго, одаренный душой и тѣломъ по образу создателя, онъ заключаетъ въ себѣ все сущее. Прошлое не таитъ и будущее не обѣщаетъ ничего, что бы не заключалось уже въ немъ самомъ. Не холодный урокъ теологіи читаетъ посвященный въ XVII главѣ Книги—онъ восторженно приподнимаетъ завѣсу видимостей и получаетъ откровеніе своей истинной природы:

„Я Тумъ, единственно существовавшій въ Нунѣ, я Ра, когда онъ возстаетъ въ Началѣ, дабы управлять всѣмъ тѣмъ, что онъ создалъ... Я богъ великій, который творитъ самого себя, то-есть Нунъ, отецъ боговъ. Что это значитъ? (толкованіе): Это Ра, творящій свои члены, которые становятся богами свиты Ра.

Я есмь Вчера, и я вѣдаю Завтра. Что это значитъ? (толкованіе): Вчера это Озирисъ (смерть), Завтра это Ра (будущее).

Я великая птица Бену, обитающая въ Геліополисѣ; я итогъ бытія и существъ. Что это значитъ? (толкованіе): Бену это Озирисъ въ Геліополисѣ. Итогъ бытія и существъ это тѣло его; другими словами, это всегда и никогда; всегда это день, никогда это ночь“.

Въ какой мѣрѣ Египтянинъ изъ народа понималъ эти символы? Мы допускаемъ, что одинъ только посвященный способенъ былъ

усвоить пантеистическое объясненіе Вселенной, божественную самотворящую матерію, гдѣ все божественное во всемъ; непосвященный же, по меньшей мѣрѣ, зналъ, что человѣкъ происходитъ отъ боговъ и что это божественное происхожденіе опредѣляло его судьбу.

* * *

Жить на землѣ и умереть, чтобы вновь стать богомъ, таковъ былъ истинный удѣлъ всѣхъ существъ, исшедшихъ изъ создателя. Этотъ удѣлъ полонъ такихъ страданій, что простой народъ не могъ понять, почему потомки Тума прихотью своего отца были обречены на это горестное испытаніе земной жизни. Жрецы, внимающіе божественнымъ откровеніямъ, научили людей, что земля въ свои первые дни, „во времена бога Ра“, была Раемъ полного блаженства. Человѣкъ, по-египетски Темъ, былъ созданъ по подобію Тума, который всегда изображался въ образѣ человѣка, слѣдовательно, Тумъ, котораго называютъ также Атумъ, прежде всего человѣкъ, что любопытно сближаетъ его съ библейскимъ Адамомъ, имя котораго значитъ первый человѣкъ, какъ и человѣкъ вообще ¹⁾).

¹⁾ Lefébure, Le Cham et l'Adam égyptiens, въ Proceedings of Society of Biblical archaeology (1893).

Какимъ образомъ живой образъ Творца былъ обреченъ на существованіе, полное столькихъ испытаній? Мы знаемъ, какъ объясняетъ это восточная мудрость. Человѣкъ, опьяненный свободой и жаждущій познанія, возсталъ на своего отца по наущенію змѣя и женщины.

Нельзя отрицать, что въ Египтѣ существуетъ то же преданіе, въ тѣхъ же общихъ чертахъ. Лефобюръ, которому мы обязаны прекрасными работами по вопросамъ о первоосновахъ, усматриваетъ нѣчто, подобное исторіи Адама въ земномъ раю, въ одной сценѣ адскаго міра, изображенной на гробницѣ Рамзеса VI (около 1200 года до Р. Х.), и на одномъ Саисскомъ саркофагѣ Лувра. „Лицо мужского пола стоитъ около Змѣя съ двумя ногами и руками, который протягиваетъ ему красный плодъ или, по крайней мѣрѣ, маленькій круглый предметъ краснаго цвѣта“ ¹⁾. Древо жизни и познанія извѣстно въ Египтѣ; одна изъ самыхъ старыхъ главъ Книги, „глава, которой мертвому дается божественное познаніе“, приглашаетъ умершаго спуститься въ образѣ птицы на прекрасную сикомору съ плодами жизни: „кто находится подъ ней, становится богомъ“. Несмотря на эти сближе-

¹⁾ Фигуры были воспроизведены Ланцони въ его *Dizionario di Mitologia Egizia*, табл. CLXXII.

нія, отъ насъ ускользаетъ связь между этими фактами и возстаніемъ людей на Творца, возстаніемъ для Египтянъ неоспоримымъ. До насъ дошелъ одинъ разсказъ объ этомъ въ гробницахъ Оиванскихъ царей (1500—1200 л. до Р. Х.) Это было въ концѣ временъ, когда царствовалъ Ра; богъ сзываетъ на совѣтъ своихъ первенцевъ, Шу и Тафнуить, Сэба и Нуить, и говоритъ имъ: „Вотъ люди, рожденные отъ меня самого, произносятъ слова противъ меня. Скажите мнѣ, что сдѣлаете вы за это. Я ждалъ и не убивалъ ихъ, не выслушавъ васъ“. Совѣтъ единодушно соглашается уничтожить всѣхъ живущихъ; Ра возлагаетъ это дѣло на дочь свою Гаторъ, и она въ теченіе нѣсколькихъ дней избиваетъ людей, захлебываясь въ ихъ крови. Опьяненная избіеніемъ, богиня истребила бы все, но богъ, по милосердію своему, останавливаетъ рѣзню, прибѣгая къ хитрости: семь тысячъ кувшиновъ съ мандрагорами, напоенными человѣческой кровью, были разсѣяны по полямъ; это отвлекло богиню: „она принялась пить и упившись, не видала больше людей“. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ представителей челоуѣчества явилось тогда къ Творцу съ предложеніемъ покорить послѣднихъ мятежниковъ. Ра заключилъ съ людьми союзъ и простилъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ваши

грѣхи отпущены вамъ, убіеніе (мятежниковъ) устраняетъ убіеніе (всѣхъ людей)“; отсюда возникновеніе жертвоприношеній ¹⁾. Навиль, впервые переведя этотъ текстъ, очень удачно подчеркнул его значеніе: „мысль, которая привела къ учрежденію жертвоприношенія, та же, что у Евреевъ и у Грековъ ²⁾“. Убіеніе виновныхъ, а затѣмъ жертвенныхъ животныхъ устраняетъ наказаніе другихъ людей; жертвой можно искупить челоѣчество.

Иного сходства нѣтъ между этимъ уничтоженіемъ людей Ра и тѣмъ, о которомъ говоритъ Бытіе; но въ Книгѣ Мертвыхъ есть повѣствованіе о наказаніи людей посредствомъ воды. „Это діалогъ между умершимъ и различными божествами, въ частности Тумомъ. На одинъ вопросъ мертвого Тумъ отвѣчаетъ слѣдующими словами: „Я измѣню сдѣланное мною. Эту землю наводненіе превратитъ въ воду, какой она была вначалѣ. Я останусь одинъ съ Озирисомъ“ ³⁾.

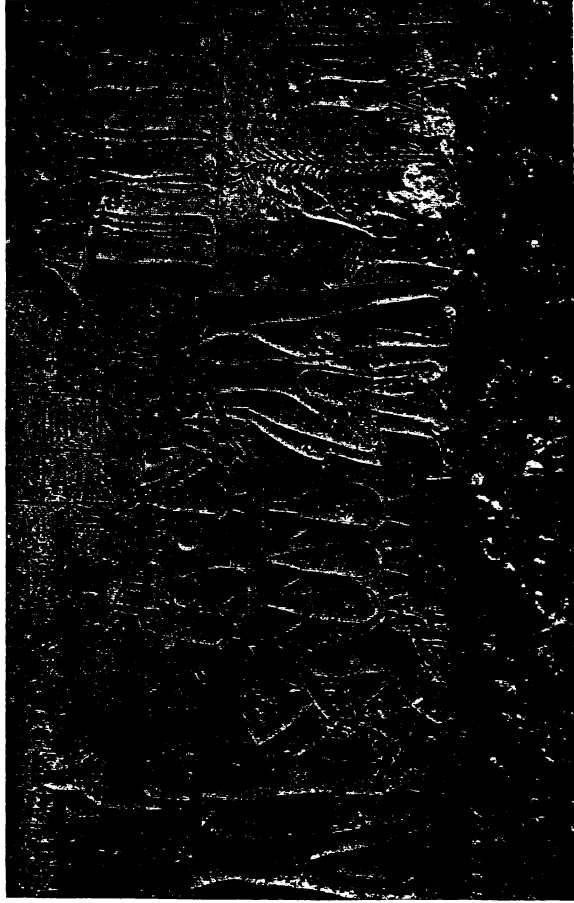
Эти тексты, слишкомъ малочисленные, еще

1) Ed. Naville, *La destruction des hommes par Ra*, въ *Transactions of Society of Biblical archeology*, т. IV, стр. 1.

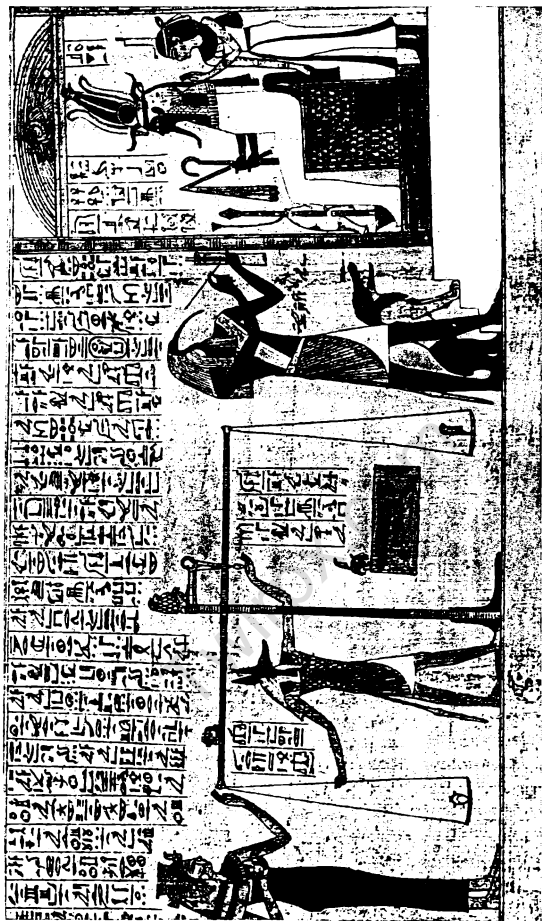
2) Ed. Naville, *Rèligion des anciens Égyptiens*, 1905, стр. 183.

3) Ed. Naville, *Rèligion des anciens Égyptiens*, стр. 190.

ГРОБНИЦА ПТАНЕФЕРА.

Изображеніе похоронъ.

Судъ надъ мертвыми (съ папируса).

Табл. XVI.

очень темны; тѣмъ не менѣе, изъ нихъ видно, что и въ Египтѣ „Предвѣчный раскаялся въ сотвореніи людей на землѣ, опечалился сердцемъ и рѣшилъ ихъ уничтожить“. Какое мѣсто отвести искушенію или коварству женщины въ первоначальномъ возстаніи чело-вѣка? Мы ничего не находимъ по этому поводу въ Египетскихъ текстахъ; но одинъ папирусь, комментированный Лефобюромъ, выводитъ эпизодъ борьбы между Творцомъ, съ одной стороны, и женщиной и змѣемъ съ другой: „Изида была женщина искусная въ словахъ; сердце ея отвратилось отъ общенія съ людьми, она предпочитала общеніе съ богами, она питала великое уваженіе къ міру духовъ. Не могла ли она въ небѣ и на землѣ стать подобной Ра, владѣть землей и быть богиней Именемъ верховнаго бога?“ — „Но Ра каждый день, во главѣ своихъ пловцовъ, продолжалъ восходить на престолъ двойного горизонта. Богъ состарился; изо рта у него текло, слюна капала на землю. Изида размяла это въ своей рукѣ: изъ земли и того, что было на ней, она вылѣпила священнаго змѣя. И священный змѣй ужалилъ Ра; богъ открылъ ротъ, и крикъ его поднялся до неба. И начала божественная его свита говорить: „Что это такое?“ и боги его: „Что тамъ случилось?“ Онъ не могъ

отвѣчать: онъ шелкалъ челюстями, всѣ члены его дрожали, ядъ овладѣвалъ его тѣломъ. „Поспѣшно зовутъ маговъ; Изиды явилась со своими чарами; она сказала: „Что такое, божественный отецъ? Змѣй напустилъ на тебя немочь? Одно изъ твоихъ твореній подняло голову на тебя?“ Для исцѣленія его она требуетъ, чтобы онъ открылъ ей свое Имя, что было равносильно—открыть тайну своего всевластія. Богъ, побѣжденный женской хитростью, далъ похитить у себя свое Имя. „Изида, говоритъ Лефевюръ, нѣчто въ родѣ Евы, которая, при помощи змѣя, хочетъ овладѣть божественностью, овладѣвъ высшимъ познаніемъ¹⁾“. Это возстаніе—одна изъ причинъ наказанія людей; въ вышеизложенномъ текстѣ есть выговоръ Ра Сэбу (землѣ) „за змѣй, которыя въ немъ“ и которыя заставили бога трепетать за собственную жизнь.

Таково, мнѣ кажется, объясненіе, данное Египтянами печальному удѣлу людей. Послѣ возстанія и наказанія, человѣчество влачить бремя первороднаго грѣха, и жизнь его есть искупленіе. Тутъ мы снова возвращаемся къ даннымъ Книги Мертвыхъ. Большая часть существеннѣйшихъ главъ, особенно тѣ, кото-

¹⁾ Lefèbure, Un chapitre de la chronique solaire, 1883.

рыя даютъ синтетическія понятія о человѣческой жизни, настаиваютъ на грѣхѣ, сквернахъ, послѣдствія которыхъ несетъ на себѣ все человечество. Въ главѣ XVII, послѣ хвастливаго исповѣданія вѣры, въ которомъ мертвый заявляетъ о своей божественной природѣ, мы съ удивленіемъ видимъ его падающимъ съ высоты, куда онъ вознесся, до уровня человеческого бѣдствія.

Гл. XVII.—Я съ земли, я пришелъ изъ моего города. Я уничтожилъ всякую нечисть, я уничтожилъ всякія скверны. Что это значитъ? (толкованіе): это уничтоженіе постыдныхъ дѣлъ Озириса N.

Всѣ мои скверны устранены. Что это значитъ? (толкованіе): Я очистилъ себя въ день моего рожденія въ великомъ озерѣ Натрона, гдѣ обитаютъ Ра и Правосудіе.—Всѣ мои скверны. Что это значитъ? (толкованіе): это то, что сдѣлалъ Озирисъ N. противъ боговъ съ той поры, когда онъ вышелъ изъ лона своей матери.

Гл. LXIV.—Я приближаюсь къ богу. Нѣтъ больше скверны матери моей во мнѣ.

Эти скверны, исходящія отъ матери, нечистота, какъ послѣдствіе рожденія, что это, какъ не первородный грѣхъ? Для устраненія его представлялось два способа: соглашаясь съ Руже, я вижу въ приведенныхъ стихахъ

намекъ на обрѣзаніе и крещеніе. Одна изъ Мемфисскихъ гробницъ сохранила картину хирургической операціи, но мы не знаемъ, было ли это общераспространеннымъ обычаемъ; что же касается крещенія, мы видимъ въ Дэйръ-эль-Бахари и въ Луксорѣ очищенія, которыя совершались въ родильномъ покоѣ при появленіи царскаго дитяти на свѣтъ.

Однако очистительныхъ ритуаловъ было недостаточно, чтобы освободить человѣка отъ послѣдствій грѣха. Главы XVII и CXXV Книги свидѣлствуютъ, что судъ передъ лицомъ Озириса есть неизбѣжное заключеніе всякаго существованія. Жизнь должна устремляться въ опредѣленномъ направленіи, по пути правды и справедливости; это путь боговъ, это путь, которому долженъ слѣдовать человѣкъ, если онъ хочетъ заслужить рай. Въ такомъ смыслѣ нужно понимать слѣдующій стихъ главы XVII:

Я иду по пути, который я вѣдаю, съ лицомъ (обращеннымъ) къ водоему двойного Правосудія. Что это значитъ? (толкованіе): это путь, которому слѣдуетъ Тумъ, когда онъ проходитъ по Полямъ Елисейскимъ. Водоемъ двойного Правосудія находится въ Абидосѣ (возлѣ Озириса).

Мы уже говорили выше о томъ, какъ выработалось во время Мемфисскаго царствова-

нія понятіе о послѣднемъ судилищѣ ¹⁾. Со времени Оиванскихъ династій (приблизительно за 1500 лѣтъ до Р. Х.) эпизодъ божественнаго суда сдѣлался существеннымъ элементомъ Книги Мертвыхъ; въ то время какъ тексты пирамидъ даютъ лишь сухое опредѣленіе суда, Книга посвящаетъ ему свою самую длинную главу. Вышеприведенныя подробности „Исповѣди отрицающей“ даютъ намъ возможность оцѣнки запросовъ совѣсти у Египтянъ; попытаемся намѣтить послѣдовательные этапы развитія моральнаго чувства.

Большое число грѣховъ касается личности и имущества боговъ: небрежность въ соблюденіи ритуала, кража жертвенныхъ даровъ, умерщвленіе священнаго скота и т. д.; эти преступленія жрецы отмѣтили, можетъ быть, раньше всего. Потомъ появляются дѣянія противъ ближняго. Правосудіе Озириса простирается и на взаимныя отношенія людей: „отвести воду сосѣда, перерѣзать оросительную канаву, погасить огонь“. Послѣдними въ ряду преступленій, на которыя стала отзываться совѣсть, были, вѣроятно, преступленія „личныя“, оскорбляющія только нравственное достоинство грѣшника; сюда относятся почти всѣ основные грѣхи—ложь, гордость, раз-

¹⁾ См. выше стр. 194.

вратъ, гнѣвъ, жестокость, эгоизмъ—все проступки, въ которыхъ мертвый оправдываетъ себя передъ Озирисомъ. Такимъ образомъ, боги становятся судьями за оскорбленія, нанесенныя всему человѣчеству и нравственному идеалу; они уже не довольствуются местию за нарушеніе своихъ личныхъ интересовъ¹⁾.

Отмѣтимъ также переменны въ составѣ суда. Въ самыхъ древнихъ редакціяхъ каждый грѣхъ

¹⁾ Сл. Marillier, *La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés*, 1894 стр. 44—46: (У нецивилизованныхъ) „чаще всего наказуются богами тѣ дѣйствія, которыя оскорбляютъ ихъ непосредственно... упущенія въ соблюденіи ритуала часто караются въ загробной жизни строже, чѣмъ самыя тяжкія преступленія по отношенію къ ближнему“. Что касается правосудія на томъ свѣтѣ, оно, прежде всего, личное: „это тѣ, кто были обижены, прежде всего мстятъ въ загробной жизни: призраки лицъ и предметовъ преслѣдуютъ на томъ свѣтѣ души злыхъ, которые имъ вредили... Наказаніе за преступленія является прежде всего частнымъ дѣломъ на томъ свѣтѣ, какъ и на этомъ. Но скоро происходитъ смѣшеніе: авторитетъ боговъ возрастаетъ, какъ и авторитетъ вождей, ихъ обязанности усложняются: не довольствуясь наказаніемъ за преступленія, которыя уязвляютъ ихъ непосредственно, они караютъ тѣхъ, чьими жертвами являются ихъ преданные слуги, ихъ вѣрные поклонники. Мало-помалу, они распространяютъ свой судъ на всѣ человѣческіе поступки и караютъ даже тѣ изъ нихъ, которые ихъ самихъ вовсе не затрагиваютъ“.

представленъ въ судѣ однимъ богомъ. Мертвый долженъ своей исповѣдью примирить съ собой каждаго отдѣльнаго бога; но онъ дѣйствуетъ на него еще просьбой или застрашиваніемъ, смотря по тому, прибѣгаетъ ли онъ къ религіи или къ магіи. Если умершій знаетъ имена каждаго изъ засѣдателей—а онъ этимъ похваляется—какъ устоять богу передъ именнымъ требованіемъ, передъ заклинаніемъ, направленнымъ лично противъ него ¹⁾. Въ позднѣйшихъ переложеніяхъ исповѣдь обращается не только къ этимъ богамъ. И другія божества—божества Геліополиса—присутствуютъ при взвѣшиваніи души; передъ ними мертвый оправдываетъ себя не отдѣльными доказательствами, а во имя нравственности вообще. Эта перемѣна свидѣлствуетъ о значительномъ моральномъ успѣхѣ ²⁾. Параллельно наблюдается и перемѣна въ наказаніи. Въ древнія времена 42 засѣдателя сами выполняютъ месть надъ виновными, они ихъ терзаютъ. Потомъ появляется ублюдочное чудовище, крокодилъ—левъ—гиппопотамъ, „пожирающій мертвыхъ“, Амаитъ; въ новѣйшія времена идетъ рѣчь объ огненномъ бас-

¹⁾ Знать имя бога значитъ держать его въ своей власти.

²⁾ Naville, *Todtenbuch*, тексты стр. 164 и табл. CXXXVI, Ag.

сейнѣ, въ которомъ уничтожаются осужденные. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что наказаніе перестаетъ быть личной обязанностью того или другого бога, судьи надъ тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ преступленіемъ? Въ такомъ случаѣ оно до нѣкоторой степени ускользаетъ отъ личнаго произвола засѣдатель, разъ исполнителемъ приговора является палачъ на службѣ у всего состава суда ¹⁾, или такой элементъ умерщвленія, какъ огонь. И это шагъ впередъ къ идеалу правосудія, переставшаго быть индивидуальнымъ.

Наконецъ, въ редакціяхъ Книги Мертвыхъ Новаго Царства, въ человѣкѣ просыпается сознаніе преступности; онъ уже не старается отрицать своей грѣховности передъ лицомъ Озирійскаго суда, онъ проситъ боговъ уничтожить все, что есть въ немъ преступнаго ²⁾. Ничто, быть можетъ, не даетъ намъ болѣе высокаго понятія о тонкости этого сознанія, чѣмъ глава сердца (гл. XXX). То, что больше всего переполняло мертваго леденящимъ ужасомъ въ день суда, это было видѣть

¹⁾ Сл. глава XVII Todtenbuch, гдѣ палачемъ является то Сэтъ, то Горусъ или Тотъ (Revue Archéologique, 1860, стр. 341).

²⁾ Todtenbuch, гл. XVII изд. Budge, стр. 38, l. 85—86; сл. de-Rougé въ Revue Archéologique, 1860, стр. 248.

свое собственное сердце, свою совѣсть на чашѣ вѣсовъ съ противовѣсомъ Правды на другой. „Сердце матери моей, говорилъ онъ ему, сердце моего рожденія, сердце, которое было у меня на землѣ, не свидѣтельствуй противъ меня, не будь моимъ противникомъ передъ божественными властями, не вѣсь противъ меня, ... не говори: Вотъ что онъ содѣлалъ, воистину онъ это содѣлалъ. ... не навлекай на меня зла передъ великимъ богомъ Края Закатнаго ¹⁾“. Такъ, „самый страшный обвинитель человѣка тотъ, чьихъ утвержденій никто не можетъ опровергнуть, это онъ самъ, это его собственное сердце, которое слишкомъ хорошо знаетъ, что сотни разъ онъ преступалъ прекрасно извѣстный ему нравственный законъ ²⁾“.

Нравственный законъ, слѣдованіе которому обезпечиваетъ людямъ искупленіе, можно свести къ одному предписанію: „быть праведнымъ, творить истинное“. Назначеніе человѣка на землѣ въ томъ, чтобы заклѣсть первородный грѣхъ; онъ достигнетъ этого, если, помня о своемъ небесномъ происхожденіи, онъ будетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствуютъ боги. Богъ—говорять

¹⁾ Ed. Naville, *La religion des anciens Egyptiens*, стр. 183.

²⁾ Ibid.

литургійные тексты—творить Правду, живетъ Правдой, есть сама Правда. Человѣкъ да чтить законы природы и совѣсти; дѣйствовать иначе, творить дѣло эгоизма, насилія, несправедливости, это значитъ исказить гармонію между людьми и міромъ предметовъ, сходить съ почвы дѣйствительности, измѣнять созданіе Творца. Несправедливый или порочный забываетъ, что онъ лишь частица божества въ божественномъ цѣломъ; онъ нарушаетъ порядокъ Вселенной, онъ „не въ Правдѣ“. Праведный продолжаетъ дѣло Творца; творя милосердіе, братство, правосудіе, онъ укрѣпляетъ общій порядокъ и понимаетъ міровую гармонію; удѣлъ его послѣ смерти—безпрепятственно наслаждаться Правдой: „Тѣ, что творили праведное, будучи на землѣ, и боролись за боговъ, призваны пребывать въ Радости міра, въ странѣ, гдѣ живутъ правосудіемъ. Ихъ праведныя дѣянія зачтутся имъ передъ лицомъ бога великаго, разрушителя нечестія, и скажетъ имъ Озирисъ: вамъ, праведные, правда, соединитесь съ тѣмъ, что вы сотворили, подобные тѣмъ, кто войдетъ со мной въ чертогъ Духа святого. Живите тѣмъ, чѣмъ питаются они; владѣйте возліянiями вашего водоема: онъ до краевъ полонъ правосудіа ¹⁾“.

¹⁾ Lefebure, Sphinx VIII, 39,—Сл. Gorgias Платона.

Итакъ, день суда есть великій день судьбы человѣческой, *Dies irae, dies illa!* „Принесена будетъ книга, въ которой заключено все, что послужить для суда надъ міромъ, и ничто не останется безъ возмездія ¹⁾“. Виновные предавались плахѣ жертвоприносителей, пасти чудовищъ - пожирателей, вѣчному пламени. Шаба давно отмѣтилъ поразительное сходство между Египетскимъ понятіемъ ада и Евангельскимъ преданіемъ: „Египетскій адъ имѣлъ горящіе круги, бездны огня, огненные воды—единственное питье жаждущихъ грѣшниковъ. Демоны, палачи проклятыхъ, обитали въ чертогахъ, гдѣ полъ изъ воды, потолокъ изъ огня, а стѣны изъ живыхъ аспидовъ; тамъ были жаровни и котлы для питанія грѣшниковъ“. Но для нравственной оцѣнки понятія Египтянъ о судѣ, еще лучше сравнить требованія, которыя предъявляются праведному, и сличить, какъ сдѣлалъ Шаба, нѣкоторыя формулы, бывшія въ ходу уже во времена Пирамидъ, съ однимъ отрывкомъ изъ Евангелія отъ Матѣея: „Когда же придетъ Сынъ Человѣческій во славу своей... (онъ) отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ; и поставитъ овецъ по правую Свою сторону, а

¹⁾ *Dies irae.*

козлищъ по лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: приидите благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня... Тогда Онъ скажетъ тѣмъ, которые по лѣвую сторону: Идите отъ меня, проклятые, въ огонь вѣчный..." Сравните этотъ текстъ папируса: „Амонъ - Ра, судья, не беретъ подарковъ отъ жестокихъ; онъ судитъ виновнаго; этотъ для котла; праведный же по правую его сторону"; или этотъ отрывокъ изъ главы СХХV: „Праведный живетъ правдой, питается правдой. Онъ повсюду распространялъ радость; о томъ, что онъ дѣлалъ, говорятъ люди, и боги радуются этому. Онъ примирилъ съ собою бога любовью своею: онъ далъ хлѣба голодному, воды жаждущему, одежду нагому"...¹⁾).

Несомнѣнно, этому построенію нравственного идеала можно противопоставить одно очень важное возраженіе. Мы знаемъ, что магія во времена пирамидъ пробивала брешь въ религіи и что праведный не одерживалъ верха надъ

¹⁾ Chabas, *L'Enfer égyptien* въ *Mélanges égyptologiques*, III, 2, стр. 168.

злымъ, вооруженнымъ формулами; сама Книга Мертвыхъ, вплоть до позднѣйшихъ образцовъ, въ каждой главѣ отмѣчаетъ верховную силу ритуаловъ и словъ. Что значить этика главы CXXV, если содержаніе ея дѣйствуетъ механически, въ родѣ колдовства, не обязывая мертвого къ праведной жизни до смерти?

Это правда, что для громаднаго большинства вѣрныхъ, Книга оставалась сборникомъ магическихъ формулъ; но сознаніе совершенныхъ грѣховъ и тревога о судѣ прорывается слишкомъ часто, чтобы можно было допустить, что образованные люди особенно полагались исключительно на колдовство. Въ каждой фразѣ слышится отголосокъ *Dies irae*: „Я, несчастный, что скажу я тогда? кого стану просить заступиться за меня, когда и праведный едва ли будетъ увѣренъ?“ Нельзя сомнѣваться, что съ теченіемъ времени Египтяне становятся все осмотрительнѣе и озабоченнѣе; но въ какой же религіи пробужденіе совѣсти заглушило индульгенціи? Не совмѣщается ли ученіе о милосердіи съ вѣрой въ спасеніе по заслугамъ?

Недавняя археологическая находка доставила намъ доказательство возрастающей чуткости совѣсти и постоянного просвѣтленія нравственного идеала Египтянъ. На оборотъ одного

папируса, помѣченнаго первыми годами нашей эры, уцѣлѣла одна нравоучительная сказка, гдѣ представленіе суда получаетъ знаменательное развитіе. Сэнозирисъ, чудесный ребенокъ, прирожденный магъ, увлекаетъ своего отца, Сатми, въ адъ и ведетъ его въ семь большихъ покоевъ чертога Озириса. Передъ входомъ они столкнулись съ пышной погребальной процессіей одного богача, и съ тѣломъ бѣдняка, завернутымъ въ убогую цыновку, котораго никто не провожалъ. Въ шестомъ залѣ Гадеса наши герои любятъ Озирисомъ, Тотомъ, Ану-бисомъ, богами-засѣдателями и вѣсами, на разныхъ чашахъ которыхъ взвѣшиваются злодѣянія и заслуги: „Того, у кого дурныхъ поступковъ оказывается больше, чѣмъ заслугъ, они отдають Амаитъ, псу владыки Края Закатнаго; они уничтожаютъ душу и тѣло его и не даютъ ему дышать больше никогда; того, у кого они находятъ больше заслугъ, чѣмъ проступковъ, они уводятъ къ богамъ, и душа его направляется на небо; того, у кого они находятъ заслуги, равносильныя грѣхамъ, они водворяютъ среди тѣней, которыя служатъ (въ землѣ) Сокаръ-Озирису.

„Тогда Сатми увидалъ одного человѣка съ благородной осанкой, одѣтаго въ ткани изъ тонкаго полотна; онъ стоялъ близко къ мѣсту, гдѣ находился Озирисъ, въ разрядѣ очень по-

четномъ. „Отецъ мой Сатми—сказаль Сэнозирись — ты видишь это высокопоставленное лицо? Тотъ бѣдный человѣкъ, котораго ты видѣлъ унесеннымъ изъ Мемфиса, котораго никто не провожалъ, который былъ завернуть въ цыновку—это онъ! Его повели въ Гадесъ, взвѣсили его заслуги и проступки, нашли въ немъ больше заслугъ, нежели проступковъ. Въ виду того, что записанному на его долю времени не соотвѣтствовало достаточное количество счастья на землѣ, было отдано приказаніе передъ ликомъ Озириса отдать приданое того богача, котораго ты видѣлъ унесеннымъ съ великими почестями изъ Мемфиса, этому бѣдняку, стоящему передъ нами, а потомъ привести его къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдаетъ Озирись. У того богача, котораго ты видѣлъ, проступковъ оказалось больше, чѣмъ заслугъ на землѣ: было приказано воздать ему въ Гадесѣ, и ты видѣлъ его у двери Гадеса; стержень двери упирается въ его правый глазъ и вращается на немъ, отворяють ли ее или запирають, а уста его выпускають громкіе вопли.... Тому, кто творить добро на землѣ, творять добро здѣсь; а тому, кто творить зло, здѣсь творять зло. Оно установлено навсегда, и оно не измѣнится никогда, то, что ты видишь въ Гадесѣ Мемфиса, и то же происходитъ въ

42 номахъ, гдѣ находятся боги Совѣта Озириса ¹⁾“.

Какой успѣхъ сдѣлало ученіе о возмездіи за добродѣтель и пороки! Чистилище, земной адъ Сокаръ - Озириса, есть выжидательное мѣсто для людей, чьи заслуги только уравниваютъ злыя дѣянія. Что касается праведниковъ, они не только допущены къ вѣчной жизни, но Озирисъ еще вознаграждаетъ ихъ сообразно ихъ заслугамъ и такимъ образомъ, чтобы будущая жизнь исправила неравенства и несправедливости земной жизни. Сходная притча въ Евангеліи отъ Луки ²⁾ поясняетъ удѣлъ злого богача, горящаго въ аду, между тѣмъ какъ Лазарь покоится послѣ смерти въ лонѣ Авраамовомъ. „Вспомни, говоритъ Авраамъ злому богачу, что ты получилъ свои блага при жизни, а что Лазарь терпѣлъ зло во время своей; теперь онъ здѣсь утѣшенъ, ты же страдаешь“....

* * *

Праведные находили истинную свою награду въ освобожденіи отъ условій человѣческой жизни. Огражденные отъ случайностей и заблужденій земной жизни, они завершали свою судьбу раствореніемъ въ божественномъ,

¹⁾ G. Maspero, *Les contes populaires de l'Égypte ancienne*, 3 изд., стр. 134—138.

²⁾ XVI, 19.

которое знает и осуществляет только Правду и Справедливость. Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, глубокий смыслъ этого загадочнаго выраженія: „предстать передъ ликомъ дня“, „явиться въ свѣтъ Дня“, *reg m haou*, заглавіе и итогъ Книги Мертвыхъ. Душа праведника могла, по своему произволу, обитать въ могилѣ и въ раяхъ или уходить отсюда; возвращаться на землю, смѣшиваться съ живущими, плавать по небу въ ладѣ боговъ, посѣщать свѣтила, принимая образъ чело-вѣка, бога, животного, растенія, какого бы то ни было предмета. Она пользовалась жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, ибо сливалась съ широкимъ міромъ. Праведный возвращался въ лоно бога-создателя, изъ котораго все исходитъ, куда возвращается всякое существо, которое, по заблужденію, не исказитъ своего назначенія. „Я Вчера и Завтра, я итогъ сущаго и живущаго“.

Нужна большая умственная культура, чтобы безстрашно принять божественное уничтоженіе—заключеніе пантеизма. Многихъ Египтянъ нѣсколько страшила мысль о раствореніи въ безконечномъ; полная грусти и рѣшимости покорность судьбѣ звучитъ въ официальныхъ пѣсняхъ, которыя пѣлись подъ аккомпаниментъ арфъ на похоронахъ царей. „Земное величіе—что въ немъ? Уничтоженіе могилы — почему?

(Умереть) это уподобиться образу Вѣчности, странѣ праведной, чуждой споровъ, ужащающейся насилія, гдѣ никто не нападаетъ на ближняго, гдѣ никто не возстаетъ на поколѣнія, что покоятся въ ней. Съ минуты пробужденія къ жизни земной, всѣмъ здѣсь твердятъ: „Благоденствуй, здоровъ и невредимъ, чтобы дойти до могилы, неустанно памятуя сердцемъ твоимъ о днѣ, когда придется лечь на смертный одръ.... Таковъ удѣлъ твой: соединиться съ владыками вѣчности. Ты не преjdeшь никогда; ты совершененъ и завершенъ въ великихъ божественныхъ формахъ; ты обходишь грани вѣчности, и лѣтопись твоя возобновляется безпрерывно, ибо ты былъ вознесенъ и сдѣланъ совершеннымъ до полноты истинной природы твоей “¹⁾.

Однимъ изъ слѣдствій этой меланхоліи являлось острое сознаніе, что радости этого бреннаго существованія не возобновятся болѣе въ другомъ мірѣ, что нужно пользоваться человеческой жизнью, брать то хорошее, что она можетъ дать, пока не наступила смерть:

„Живи счастьемъ дня! пусть ароматы и благовонія неустанно улаждають ноздри твои, пусть гирлянды и лотосы украшають плечи и грудь возлюбленной твоей сестры! пусть

¹⁾ Перев. Maspero, Histoire, II, стр. 523.

раздается пѣніе и музыка передъ тобой, пренебреги злополучіями, не думай ни о чемъ, кромѣ наслажденій, до того дня, когда придетъ пора причалить къ странѣ богини, что любить молчаніе. . . . Помни неустанно этотъ день, когда поведутъ тебя въ страну, гдѣ люди перемѣшаны; никто не уносилъ туда своего добра и никто оттуда не можетъ возвратиться“ ¹⁾).

На это возстаніе плоти мыслители отвѣчали утѣшеніями философіи. Въ одномъ старинномъ папирусь (4000 лѣтъ) сохранился діалогъ между Египтяниномъ и его душой ²⁾), гдѣ, не безъ поэтичности, приводятся доводы въ пользу любви къ смерти. Жизнь—зло; это знаютъ доподлинно. „Съ кѣмъ поговорить мнѣ сегодня? братья злы, а нынѣшніе друзья никого не любятъ; сердца жестоки, каждый похищаетъ добро своего сосѣда; кроткій гибнетъ, сильный торжествуетъ, нѣтъ больше праведника, земля принадлежитъ грѣшникамъ!“ А вотъ антитеза, похвала смерти: „Смерть кажется мнѣ теперь исцѣленіемъ отъ болѣзни, выходомъ на свѣжій воздухъ послѣ горячки!—смерть кажется мнѣ теперь ароматомъ лотоса, отдыхомъ на берегу страны опьяненія, возвращеніемъ мо-

¹⁾ Перев. G. Maspero, *Histoire*, II, стр. 523.

²⁾ Перев. Erman, *Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele*, 1896, и Maspero, *Causeries d'Égypte*, стр. 125.

рехода домой.—Смерть кажется мнѣ теперь тоской человѣка по родному дому послѣ долгихъ лѣтъ въ плѣну“.

Смерть возвращаетъ человѣка въ божественную страну, откуда онъ былъ изгнанъ на время своей земной жизни. Это — заключеніе Книги Мертвыхъ. Несмотря на темныя мѣста, Книга становится намъ понятной, если захотѣть увидѣть въ ней развитіе излюбленной темы моралистовъ и теологовъ: „Все въ человѣкѣ суега, если взглянуть на бѣгъ смертной жизни; но все драгоцѣнно, все важно, если мы видимъ цѣль, къ которой она направляется, и отчетъ, который предстоитъ дать о ней ¹⁾“. Эти мысли до сихъ поръ еще руководятъ совѣстью. Поэзія питается изъ тѣхъ же родниковъ, когда обѣщаетъ жалкому роду человѣческому освобожденіе въ великомъ Всемъ. Изида ли это, или Изольда поетъ, умирая, надъ трупомъ:

„Затеряться, исчезнуть безъ сознанія въ безконечномъ дыханіи міровой души—вотъ блаженство!“

¹⁾ Bossuet, Oraison funèbre d'Henriette d'Angleterre.

VI.

Магія въ Древнемъ Египтѣ.

Въ Древнемъ Египтѣ, какъ и всюду на свѣтѣ, человѣкъ былъ недоволенъ своей судьбой и старался измѣнить ее къ лучшему. Для достиженія этой цѣли онъ не довольствовался естественными силами тѣла и духа; онъ прибѣгалъ къ сверхъестественнымъ силамъ, которыя, казалось, давала ему религія и магія. Мы знаемъ, какая существенная разница между этими двумя формами умственной жизни. Подобно религіи, магія задается измѣненіемъ нормальнаго или предвидѣннаго хода вещей путемъ чудесъ; но тамъ, гдѣ жрецъ обращается съ молитвой и жертвоприношеніями къ высшимъ Существамъ, называемымъ Богами, магъ применяетъ къ нимъ силу или хитрость. Жрецъ молить, магъ повелѣваетъ; и такъ какъ опытъ показываетъ, что сила дѣйствительнѣе просьбы, то вслѣдствіе этого у первобытныхъ народовъ магъ пользуется еще большимъ авторитетомъ,

нежели жрецъ. Развѣ что, какъ это часто бывало въ Египтѣ, самъ жрецъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и магомъ, который удостоиваетъ присоединить иногда молитву къ своимъ заклинаніямъ.

Во всякой средѣ, гдѣ магія въ почетѣ, существуетъ общераспространенное вѣрованіе, что всякое живое существо и всякій предметъ оживляется Духомъ, сходнымъ съ тѣмъ, которымъ движется человѣческое тѣло. Въ природѣ нѣтъ ничего бездѣятельнаго, лишеннаго сознанія или воли; каждое существо и каждый предметъ можетъ дѣйствовать за или противъ людей, и, обратно, магъ можетъ оказывать воздѣйствіе на всякое существо и всякій предметъ, тѣлу или духу котораго онъ можетъ нанести ущербъ. Такъ, Боги и люди въ Египтѣ обладаютъ „геніемъ“, который оживляетъ ихъ при жизни и продолжаетъ существовать, съ помощью нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, и послѣ смерти. Это Ка, выраженіе не поддающееся переводу, его пытались передать словомъ двойникъ, но лучше бы его перевести „геній“¹⁾“. Его не ли-

¹⁾ Слово „родъ“ (génération) въ его значеніи поколѣнія и „породы“ безспорно связано съ корнемъ Ка, входящимъ въ составъ такихъ словъ, какъ „человѣкъ, быкъ, самецъ“; вотъ почему слово Ка можно сближать съ g e n i u s (Сл. Lefébure, S p h i n x, I, 108).

шены животныя, и даже вещи, въ которыхъ не замѣтно никакого проявленія жизни, таятъ въ себѣ невидимый духъ. Отсюда въ извѣстныя эпохи обычай разбивать гіероглифическіе знаки надписей, изображающіе животныхъ, чтобы, умертвивъ ихъ, перенести въ другой міръ, а также и сосуды, утварь, куски камня, съ текстами на нихъ, положенные въ гробницу: эти письменные знаки и предметы одарены душой, а слѣдовательно обладаютъ геніемъ, который можетъ проявить себя на пользу или во вредъ умершему. Намъ еще неизвѣстно, какъ называли Египтяне этого „духа“ животныхъ и вещей; но не подлежитъ сомнѣнію, что для нихъ вся Вселенная была населена дѣйствительными и сознательными силами; человѣку слѣдовало опасаться въ ней противниковъ и искать союзниковъ ¹⁾“.

Только тотъ имѣетъ власть надъ существами и предметами, одаренными „геніемъ“, кто знаетъ — по устному либо письменному преданію, или же по личному наблюденію — законы, управляющіе міромъ духовнымъ и матеріальнымъ. Это „Ученый“, по преимуще-

¹⁾ Какъ на это указалъ Масперо, Египтяне часто давали собственное имя предметамъ природы или рукъ человѣческихъ, приписывая имъ, такимъ образомъ, реальную личность. (*Les Contes populaires de l'Égypte ancienne*, 3 изд., стр. 95, зам. 3).

ству, *rekh khetou*, „тотъ, кому вѣдомы вещи“. Онъ знаетъ естественное сродство, „симпатію“ или „антипатію“, которыя во вселенной соединяють или разъединяють живыя существа и вещество; онъ можетъ привести ту или иную вещь въ опредѣленное состояніе, пользуясь притяженіемъ или отталкиваніемъ, которое роковымъ образомъ производитъ на нее то или иное существо или предметъ; мы бы сказали, что онъ примѣняетъ способы симпатической магіи ¹⁾. Съ другой стороны, „ученый“ наблюдаетъ законы „подражанія“ и законы „причины и слѣдствія“. Данное существо или предметъ, поставленные въ данныя условія, отзывались или вліяли тѣмъ или инымъ образомъ; если снова поставить ихъ въ подобныя условія, они поведутъ себя еще разъ точно такимъ же образомъ; болѣе того, тотъ же результатъ получится, если только „подражать“ тому или иному дѣйствию, послѣдствія котораго извѣстны. Такъ, магъ берется вызвать повтореніе послѣдствій, вызывая или просто подражая причинамъ, которыя подѣйствовали въ первый разъ; мы бы сказали, что онъ пользуется приемами магіи подражательной. Обла-

¹⁾ Cl. Frazer, *Le Rameau d'or*, франц. перев., I, стр. 1 и слѣд.

датель такихъ тайнъ, магъ прекрасно можетъ обойтись безъ молитвъ и распоряжаться по своему произволу взаимодѣйствіемъ, неизбѣжнымъ вліяніемъ и противодѣйствіемъ существъ и предметовъ.

Для удобства изложенія мы поочереди разберемъ эти пріемы магіи симпатической и магіи подражательной; сначала тѣ, которые оберегаютъ отъ всевозможныхъ опасностей, потомъ тѣ, которые оказываютъ дѣйственное вліяніе на существа и предметы.

* * *

Магъ оберегаетъ собственную жизнь и жизнь себѣ подобныхъ отъ случайныхъ опасностей при помощи талисмановъ и формулъ; знаніе будущаго даетъ ему предвидѣніе опасностей.

Чтобы знать, что такое талисманы, достаточно взглянуть въ витринахъ нашихъ музеевъ на эти тысячи мелкихъ вещицъ, разнообразныхъ по матеріалу и формѣ, которыя находятся тамъ подъ названіемъ Египетскихъ амулетовъ. Они сотнями были разсѣяны по могиламъ, на землѣ или на самой муміи. Ихъ обыкновенно дѣлали изъ глазурованной глины, изъ стеклянной массы, изъ болѣе или менѣе рѣдкаго камня, чаще всего рыночная цѣна ихъ была ничтожна, что позволяло увеличивать ихъ число до безконечности, тѣмъ самымъ умножая

вѣроятность ихъ дѣйственности. Теоретически, однако, чтобы амулетъ былъ вполнѣ дѣйствителенъ, нужно было изготовлять его опредѣленной формы и изъ матеріала избраннаго.

Форма амулетовъ въ Египтѣ, какъ и повсюду, обусловливается тѣми спеціальными понятіями, какія первобытные народы имѣютъ о человѣческой жизни. Жизнь есть духъ, дыханіе, существо самоопредѣляющееся, которое можетъ выскользнуть изъ тѣла и которое нужно закрѣпить въ тѣлѣ. Отсюда амулеты въ формѣ узла, повязокъ, которыя привязываютъ жизнь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она проявляется видимо для глазъ и гдѣ можно узнать ее по біенію пульса: на шеѣ, на рукахъ, ногахъ ¹⁾. Въ Египтѣ это были ручные и ножные браслеты, ожерелья узкія и широкія. Мы уже знаемъ, что ожерелье охраняло грудь боговъ и мертвыхъ: его уподобляли богу, чьи руки защищали части тѣла, которыхъ онѣ касались ²⁾. Браслеты и ожерелья часто состояли изъ мелкихъ узловъ, нанизанныхъ другъ за другомъ и составляющихъ украшеніе съ магическимъ значеніемъ, но чаще эти узлы разсѣяны въ отдѣльности по тѣлу живыхъ и мертвыхъ, они связываютъ жизнь и препят-

¹⁾ Сл. Frazer, *Le Rameau d'or*, фр. перев. I, стр. 328.

²⁾ А. Moret, *Rituel du Culte divin*, стр. 243.

ствують ей покинуть тѣло. Отсюда названіе „защита, охрана“, которое эти знаки носили на Египетскомъ языкѣ.

Многіе талисманы дѣлались въ формѣ знака, съ которымъ связывалось извѣстное символическое значеніе â n k h, жизнь; ou za, здоровье; ou se g, сила; da d, устойчивость; he z, бодрость духа и тѣла. Вначалѣ знаки эти дѣйствовали въ силу своей специфической формы. было, можетъ быть, подобіемъ человѣка съ вытянутыми руками и ногами (въ архаическую эпоху основаніе знака раздвоено); скипетръ, обозначеніе силы; изображеніе четырехъ колоннъ въ перспективѣ, символъ устойчивости; колонка въ формѣ лотоса, растенія живучаго. Со временемъ, вѣроятно, стала брать перевѣсъ мысль, которую условное письмо связывало съ тѣмъ или инымъ знакомъ: „красота, добро“, „устойчивость“, „доброжелательство“, „здоровье“, и т. д.—все символы, превращенные въ амулеты, одаренные магической силой. Египетское письмо, связывая условное значеніе съ тѣмъ или другимъ материальнымъ предметомъ, особенно благопріятствовало символизациі того или другого свойства каждаго предмета. Въ большинствѣ случаевъ магическое вліяніе узловъ, драгоцен-

ностей, амулетовъ, относится къ подражательной магіи; подражаніемъ даютъ: жизнь знакомъ , устойчивость , замкнутость, защиту перевязью .

Матеріаль, изъ котораго сдѣланы эти вещи, тоже обладаетъ опредѣленными магическими свойствами. Дѣйствительнѣе всего амулеты изъ золота, символа долговѣчности, прочности; золото—царь металловъ, затвердѣвшій лучъ солнца, вещество, изъ котораго сдѣлано тѣло нетлѣнныхъ существъ, царей, боговъ, обожествленныхъ мертвыхъ; поэтому , , , браслеты, ожерелья, оружіе должны быть изъ золота или, по меньшей мѣрѣ, изъ золоченнаго дерева ¹⁾. Цвѣта также обладаютъ опредѣленнымъ вліяніемъ: зеленая колонка обезпечить бодрость, если она изъ земли съ зеленой эмалью; узелъ , колонна , сдѣланные изъ сердолика ³⁾, вызываютъ представленіе о крови Изиды; зеленая, красная, желтая, бѣлая повязка даютъ мертвымъ и богамъ даръ свѣжести, блеска, чистоты, которыми каждая изъ нихъ пропитана ⁴⁾. Тутъ кроется цѣлый рядъ

¹⁾ Cl. A. Moret, Le titre Horus d'or dans le protocole pharaonique.

²⁾ Livre des Morts, гл. 150.

³⁾ Livre des Morts, гл. 155. Maspero, Papyrus du Louvre, стр. 2 и слѣд.

⁴⁾ A. Moret, Rituel du Culte divin, стр. 178 и слѣд.

сверхъестественныхъ вліяній, силы и духъ каждаго предмета дѣйствуютъ чѣмъ - то вродѣ матеріальнаго просачиванія: золото сообщаетъ свою несокрушимость, зеленый цвѣтъ свою жизненность, бѣлый чистоту; предметъ вліяетъ симпатически на того, кто его носитъ.

Талисманы обладаютъ еще большей силой, если къ нимъ приложены формулы. У Египтянъ ихъ былъ большой выборъ: *hikaou*, „магическія формулы“; *saou*, „колдованіе“; *shenitou* „привороты, чары“; *hesiou* „заклинанія“. Вѣроятно, эти формулы вошли въ употребленіе позднѣе, чѣмъ талисманы. Ихъ придумали, чтобы прибавить магическое вліяніе голоса и членораздѣльной рѣчи къ дѣйствию предмета, вліявшаго первоначально только своей формой и матеріаломъ: духовный, болѣе утонченный, элементъ присоединяется къ чарамъ чисто вещественнымъ.

Магическія формулы извѣстны намъ преимущественно изъ текстовъ позднѣйшаго времени, благодаря чему первые египтологи считали ихъ слѣдствіемъ вырождающагося культа въ эпоху упадка Египетской цивилизаціи. Но старѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ текстовъ Пирамидъ Сахары (V — VI династіи) содержатъ напѣвные заговоры на укушеніе змѣи и часто упоминаютъ о магическихъ обрядахъ. Доказано, слѣдовательно,

что магическія формулы „относятся къ самой отдаленной древности и являются одной изъ самыхъ существенныхъ частей Египетской религіи ¹⁾“. Естественно, что формулы представляютъ изъ себя болѣе мѣткое оружіе, чѣмъ простые талисманы; онѣ направлены противъ опредѣленнаго врага, и предполагаютъ все болѣе и болѣе точное знаніе средствъ магіи. Въ частности, заклинанія, съ древнѣйшихъ временъ, касаются боговъ ²⁾, слѣдовательно, возникли позднѣе, чѣмъ зачатки Египетской міеологіи. По большей части магъ упоминаетъ міеологическіе факты, извѣстные ему и слишкомъ часто неизвѣстные для насъ; онъ обращается къ богу, поборовшему нѣкогда тѣ препятствія, отъ которыхъ формула должна оградить; онъ хочетъ по своей волѣ заставить бога возобновить свою побѣду надъ врагомъ, нѣкогда побѣжденнымъ въ опредѣленныхъ условіяхъ. Тотъ, кто произнесетъ формулу, уподобится богу въ день его побѣды и восторжествуетъ. Съ другой стороны, приписываютъ животному почти божескую личность и сражаютъ его какъ тако-

¹⁾ Maspero, Les Inscriptions des Pyramides de Sakkarah, стр. 48.

²⁾ Напр., Pyramides d'Ounas, 307, „Ра жалить скорпіона; 332, „Падаетъ (Змѣй), пламя исшедшее изъ Нуна“; 326, упоминаніе объ Атумъ и Сокарисъ.

вую. Это приемы „подражательной магіи“, „причины и слѣдствія“, указанныхъ нами выше.

Вотъ нѣсколько примѣровъ примѣненія. Вамъ угрожаетъ змѣя? Соотвѣтствующая формула заявляетъ врагу, что вы богъ Горъ и что вы его не боитесь. „Поднимись, ядъ, приди и упави на землю. Горъ говоритъ съ тобой, уничтожаетъ тебя, плюетъ на тебя; ты не встаешь больше, а падаешь; ты слабѣешь, и нѣтъ въ тебѣ силы; ты ослѣпъ и не видишь: голова твоя опустилась, и не поднимется больше. Ибо я Горъ, великій магъ ¹⁾“.

Противъ скорпіона вызываютъ случай съ божественной кошкой Бастъ, ужаленной скорпіономъ, но исцѣленной Ра: „О, Ра, приди къ твоей дочери, которую ужалилъ скорпіонъ на пустынной дорогѣ. Ея крикъ достигаетъ неба; ядъ разливается по членамъ ея, она прижимаетъ къ нимъ губы (чтобы его высосать). Но Ра сказалъ ей: Не бойся, не бойся, благородная дочь моя! Смотри, я стою за тобой. Я устранию этотъ ядъ, который во всѣхъ членахъ кошки ²⁾“. Тотъ, кто произнесетъ формулу, навѣрное будетъ спасенъ, подобно вызванной имъ кошкѣ.

¹⁾ Stèle de Metternich, 3.

²⁾ Ibid, 9.

Переходя бродъ, опасности со стороны крокодила противопоставляютъ побѣду Озириса, спасеннаго вмѣшательствомъ боговъ: „Ты, что въ водѣ, это Озирисъ въ водѣ, и око Гора, большой скарабей, охраняетъ его... Назадъ, звѣри воды! не высовывайтесь, ибо Озирисъ плыветъ къ вамъ.... Звѣри воды, пасть ваша замкнута Ра, глотка ваша замкнута Сехетъ, зубы ваши поломаны Тотомъ, глаза ваши ослѣплены великимъ магомъ. Эти четыре бога охраняютъ Озириса и всѣхъ тѣхъ, кто въ водѣ ¹⁾“.

Противъ опасныхъ животныхъ—змѣй, крокодиловъ, скорпіоновъ, львовъ, рогатыхъ антилопъ, и т. д., магъ умѣлъ сочетать силу амулетовъ съ силой формулъ. Отсюда обычай талисмановъ, покрытыхъ текстами и фигурами; главнѣйшіе изъ нихъ — стоячія плиты и волшебныя палочки. Плиты относятся къ типу, называемому плитой Меттерниха; на дощечкѣ гранита или базальта, обыкновенно небольшого размѣра, съ одной стороны рельефная фигура младенца Гора; онъ нагой, на правое плечо спадаетъ локонъ; богъ попираетъ ногами крокодиловъ, которые отворачиваются, чтобы избѣжать его взгляда; въ своихъ

¹⁾ Stele de Metternich, 38.—Сл. Erman, Die Aegyptische Religion, стр. 150.

разставленныхъ рукахъ онъ держитъ за хвостъ змѣй, скорпіоновъ, львовъ, антилопъ. Надъ головой Гора часто видна голова Бэса, бога веселаго и воинственнаго, который приноситъ счастье. „Эти плиты имѣли своей цѣлью предохранить не только отъ укуса или жа-ла изображенныхъ звѣрей, но и отъ оцѣп-нѣнія, которое вызывали въ своихъ жерт-вахъ эти животныя, прежде чѣмъ укусятъ или ужалить ¹⁾“. На другой сторонѣ плиты вырѣзаны божественныя фигуры, несущія хо-рошее предзнаменованіе; часто боги стрѣ-ляютъ изъ лука, бросаютъ въ животныхъ дротикъ, однимъ словомъ, „сражаются за мага, который ихъ заклинаетъ ²⁾“. Пространные тек-сты покрываютъ свободныя мѣста и излагаютъ легенды—формулы, приведенныя нами выше. Плиты этого типа относятся преимущественно къ позднѣйшимъ временамъ ³⁾; раньше поль-зовались волшебными палочками, чаще всего изъ слоновой кости; на нихъ реальныя или фантастическія фигуры животныхъ (палочки часто заканчивается головой животнаго), боговъ съ головой человѣка или животнаго, между

1) G. Maspero, *Etudes de Mythologie*, II, стр. 418—419.

2) G. Maspero, *Histoire*, I, стр. 213.

3) G. Daressy, *Textes et dessins magiques* (Catalogue du Musée du Caire).

прочимъ, Бэса, держащаго змѣй, въ позѣ, которую позднѣе придаютъ Гору. Эти талисманы приносятъ своему владѣльцу магическое покровительство фигуръ, которыя на нихъ изображены, и преимущественно, кажется, противъ животныхъ ¹⁾).

Такой же магическій пріемъ примѣнялся отъ болѣзней, такъ какъ больной одержимъ противникомъ (kheft), чье несвоевременное присутствіе причиняетъ весь недугъ. Магъ, онъ же врачъ и жрецъ, знающій искусство лѣчить, извлекаетъ свои познанія изъ таинственныхъ книгъ, которыя были даны людямъ при чудесныхъ обстоятельствахъ. Такъ, Учебникъ объ уничтоженіи нарывовъ на всемъ тѣлѣ человѣка былъ найденъ у ногъ бога Анубиса и принесенъ царю Усафаису (I династіи) ²⁾; медицинскій папирусь, хранящійся въ Лондонѣ, „былъ найденъ однажды ночью въ большомъ залѣ храма Коптоса однимъ изъ жрецовъ этого храма. Вся земля была погружена въ потемки, какъ вдругъ надъ книгой возшла луна и окутала ее своими лучами.

Ее принесли царю Хеопсу (IV династіи)“.

¹⁾ F. Legge, The magic ivories of the middle Empire (Proceedings S. B. A. 1905—1906).—Сл. Capart, Revue de l'Histoire des religions, 1906, стр. 327.

²⁾ Papyrus Ebers, 103, I. 1—2.

Терапевтическія книги были божественнаго происхожденія, не удивительно поэтому, что указанныя въ нихъ средства сверхъестественнаго порядка. Способъ изгнанія противника тотъ же, что и одолѣнія зловредныхъ животныхъ. Съ помощью формулы замѣщаютъ личность больного личностью того или иного божества, которое, по преданію, имѣетъ власть надъ противникомъ, причиной болѣзни. Напримѣръ, отъ болѣзни живота магъ важно возглашаетъ: „Животъ принадлежитъ Гору, говорящему съ Изидой. Горъ говоритъ: „Я съѣлъ золотую рыбу Абтъ“. Изидида отвѣчаетъ: „Если это такъ, боги придутъ къ тебѣ на помощь“. Натирать животъ медомъ; мыть животъ жидкостью, заключенной въ сосудъ, на которомъ изображены боги Юга и Сѣвера—Ра, Горъ, Тотъ, Тумъ, Изидида, Нефтисъ, три ока Уза и три змѣя ¹⁾“. Предстоятъ ли роды, родильница уподобляется Изидѣ и настоятельно требуетъ помощи боговъ: „О, боги, придите, вотъ Изидида. Она сидитъ какъ беременная женщина. Если вы останетесь бездѣтельными, о боги, не будетъ больше земли и неба,.... бѣдствія придутъ съ Сѣвера; вопли раздадутся въ могилахъ; солнце перестанетъ свѣтить въ полдень, воды Нила не поднимутся больше

¹⁾ Pleyte, Etudes sur un rouleau magique de Leyde, стр. 142.

въ разливъ. Это не я говорю вамъ, это Изиды, которая разрѣшается Горомъ ¹⁾“.

Вмѣшательство боговъ, связанныхъ магическими формулами и помогающихъ тѣмъ, кто умѣетъ ими пользоваться, подтверждаетъ еще одинъ знаменитый помятникъ Національной библіотеки, плита принцессы Бахтана. Въ сказочной странѣ Бахтанѣ, принцесса по имени Бинтрашитъ, сестра одной изъ женъ Фараона, была одержима таинственнымъ недугомъ. Ни врачи, ни маги страны не могли облегчить его; князь Бахтана проситъ своего зятя, Фараона, послать ему ученаго, т.-е. Египетскаго мага. Фараонъ направляетъ къ нему одного изъ „писцовъ двойного чертога Бытія“, который опредѣляетъ недугъ одержанія: „Магъ нашелъ Бинтрашитъ въ состояніи одержанія и обнаружилъ привидѣніе, которымъ она была одержима, врага, одолѣть котораго было трудно“. Не въ силахъ изгнать его, магъ призываетъ на помощь Египетскаго бога. Это Хонсу. Онъ отправляется въ Бахтанъ, получивъ отъ старшаго брата своего, Хонсу-благого-совѣта, „флюидъ жизни“ и магическую силу, обладая которой можно вступить въ какую угодно борьбу. „Когда богъ этотъ прибылъ въ Бахтанъ, тогда вышелъ князь со своими

¹⁾ Pleyte, Etude sur un rouleau de Leyde, стр. 180.

солдатами и полководцами навстрѣчу Хонсу; онъ распростерся ницъ, говоря: „Ты приходишь къ намъ по велѣнію Фараона....“ И вотъ, едва лишь этотъ богъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ находилась Бинтрашитъ, и произвелъ магическіе пассы надъ дочерью князя Бахтана, она сразу почувствовала себя здоровой, а привидѣніе, бывшее съ ней, сказало передъ ликомъ Хонсу: „Гряди съ миромъ великій богъ, что изгоняешь чужихъ; Бахтанъ твой городъ, его люди рабы твои, самъ я рабъ твой. Итакъ, я удалюсь туда, откуда пришелъ, чтобы дать сердцу твоему удовлетвореніе по поводу того дѣла, которое привело тебя сюда; но повели, чтобы праздновали мой день и день Бахтана“. Богъ согласился, и когда совершили большое жертвоприношеніе передъ Хонсу и привидѣніемъ, послѣднее удалилось съ миромъ куда хотѣло, согласно повелѣнію Хонсу ¹⁾“.

Въ этомъ разсказѣ богъ отдаетъ свою магическую силу для борьбы съ привидѣніемъ къ услугамъ Фараона; Фараонъ въ дѣйствительности глава маговъ своего царства; ниже мы вернемся къ этому особому качеству Египетскихъ царей. Но и простые смертные могли защищать себя отъ нападеній призраковъ, лишь бы они были знакомы съ та-

¹⁾ Сл. Maspero, Les contes populaires de l'Egypte ancienne, 3 изд., стр. стр. 161 и слѣд.

кими формулами, какъ, напр., сохранившаяся въ Лейденскомъ папирусь „Если нападетъ мертвецъ вечеромъ, когда раздѣваешься, положить подъ изголовье человѣка (слѣдующую формулу): „Прелести такого-то суть прелести Озириса; его верхняя губа есть губа Изиды; его нижняя губа есть губа Нефтисъ, зубы его какъ мечи, руки его какъ руки боговъ, его пальцы какъ божественныя змѣи, спина его какъ спина Сѣба,.... и т. д. Нѣтъ ни одного изъ членовъ тѣла его, который бы не былъ какъ члены одного изъ боговъ“. Слова эти для чтенія ихъ надъ амулетомъ, который исцѣляетъ и чаруетъ члены тѣла человѣка и ихъ недуги. Ихъ надлежитъ читать, когда мертвецъ мужескаго или женскаго пола нападаетъ на человѣка, который раздѣвается, и увлекаетъ его вечеромъ, дабы мучить его ¹⁾“. Тутъ мы снова встрѣчаемся съ уловкой, состоящей въ присвоеніи себѣ личности бога, побѣдителя своихъ враговъ, дабы заманить противника и поставить его въ такія условія, въ которыхъ, по ученію подражательной магіи, онъ неминуемо потерпитъ пораженіе.

Магъ умѣетъ не только справляться съ недугами и несчастными случаями, онъ искусился

¹⁾ Pleyte, loc. cit., стр. 78.

въ ихъ предвидѣніи и заранѣе заклинаетъ судьбу прорицаніями и гороскопами. Въ этомъ смыслѣ магія опирается на данныя астрономіи. Діодоръ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Быть можетъ, нѣтъ другой страны, гдѣ бы порядокъ и движеніе свѣтилъ наблюдались съ большей точностью, чѣмъ въ Египтѣ. У нихъ сохраняются списки за невѣроятное количество лѣтъ, въ которые внесены эти наблюденія. — Тамъ есть свѣдѣнія о соотношеніи между каждой планетой и рожденіемъ животныхъ, и о благопріятномъ или несчастливомъ вліяніи свѣтилъ ¹⁾.... Въ гробницѣ Озимандіаса, въ Оивахъ, на террасѣ былъ золотой кругъ 365 локтей въ окружности, раздѣленный на 365 частей; каждое дѣленіе обозначало одинъ день года, а рядомъ записано естественное восхожденіе и захожденіе свѣтилъ съ предсказаніями, какія связывали съ этимъ Египетскіе астрологи“ ²⁾. Принципъ же былъ слѣдующій: въ такой-то день и часъ свѣтила находятся въ такомъ-то положеніи. Нѣкогда, при подобномъ положеніи свѣтилъ произошло счастливое или несчастное событіе; слѣдовательно, есть вѣроятіе, что событіе—такое же или аналогичнаго характера—повторится въ моментъ,

¹⁾ Diodore, I, 71.

²⁾ Diodore, I, 49.

когда свѣтила вернутся на свое прежнее мѣсто ¹⁾).

Дошедшіе до насъ документы показываютъ, что событія, на которыя сдѣланъ намекъ, относятся къ жизни боговъ и, главнымъ образомъ, къ смѣнѣ побѣдъ и поражений, знаменовавшихъ ежедневную борьбу Озириса съ Сэтомъ. 17-го Аѳира Сэтъ убилъ Озириса; 9-го Хойака Тотъ побѣдилъ Сэта; 5-го Тиби Сохитъ сожгла нечестивыхъ; первое число несчастное, два другія счастливыя: „Что бы ты ни увидалъ въ этотъ день, обойдется удачно“. Такъ, каждый изъ людей, по-своему, переживалъ жизнь боговъ и претерпѣвалъ ихъ вліяніе; сила мага заключалась въ томъ, чтобы использовать эти мифологическія данныя и приурочить дѣянія человеческой жизни къ тѣмъ или другимъ знаменательнымъ числамъ, вызывая этимъ уподобленіе судьбѣ боговъ въ самомъ благопріятномъ смыслѣ ²⁾).

Болѣе того, каждый годъ, каждый мѣсяцъ, каждый день и часъ находятся подъ вліяніемъ какого-нибудь бога или свѣтила ³⁾; магъ умѣетъ вызвать ихъ благопріятное вліяніе или,

¹⁾ Papyrus Sallier, trad. par Chabas, Calendrier des jours fastes et néfastes.

²⁾ Maspero, Les contes populaires, Introduction, стр. XLIX.

³⁾ Wiedemann, Magie und Zauberei, стр. 6.

по крайней мѣрѣ, можетъ предупредить заинтересованныхъ о вѣроятной судьбѣ: ему вѣдомъ удѣлъ, предначертанный богинями-феями каждому человѣку въ день его рожденія ¹⁾, ибо день этотъ занесенъ въ ихъ списки въ отдѣлъ счастливыхъ или злополучныхъ дней; удачи и неудачи отмѣчены съ большой тщательностью: „9-ое Паофи: радость боговъ; люди празднуютъ, ибо поверженъ противникъ Ра. Кто родится въ этотъ день, умретъ отъ старости“. „27-ое Паофи: кто родится въ этотъ день, умретъ отъ крокодила“ ²⁾.—Народная литература оставила намъ разсказъ объ Обреченномъ Царевичѣ ³⁾: онъ тщетно пытается предотвратить три доли, которыя при рожденіи обрекаютъ его на гибель отъ змѣи, крокодила или собаки. Магъ не всегда можетъ одолѣть предопредѣленіе; зато пользовавшійся его услугами, будучи предупрежденъ, принималъ необходимыя мѣры предосторожности: не выходилъ изъ дому, убѣгалъ опасности и читалъ охранительныя формулы.

.* * *

¹⁾ Maspero, Les contes populaires, introduction, стр. LI.

²⁾ Ibid., стр. L.

³⁾ Ibid. стр. 168.

Охранительные обряды составляютъ лишь часть искусства мага: обряды, дающіе магическое вліяніе на разстояніи, даютъ ему власть и силу еще болѣе завидную. Египтяне брались оказывать дѣйственное магическое воздѣйствіе на людей, мертвецовъ, боговъ съ самыми разнообразными цѣлями.

Дѣйствіе на разстояніи на любое существо можетъ быть достигнуто вмѣшательствомъ боговъ и геніевъ, которыхъ магъ подчиняетъ своей власти. Вотъ схема подобнаго заклинанія. Магъ вызываетъ бога или духа: „Приди, чтимый духъ“....; потомъ онъ излагаетъ желаніе, которое слѣдуетъ осуществить: „Воздѣйствуй за меня на того или этого,... пробуди для меня того или этого,... направь его сердце къ той или тому“... Потомъ онъ заявляетъ: „Я призываю тебя твоимъ истиннымъ именемъ“; слѣдуетъ литанія магическихъ именъ, состоящихъ, по большей части, изъ непонятныхъ слоговъ. Наконецъ, послѣ заявленія, имѣющаго цѣлью испугать призываемаго бога или генія („ибо я быкъ, ибо я левъ, я чтимая голова владыки Абидоса“), магъ даетъ практическое предписаніе: проносить формулу надъ изображеніемъ Озириса, Анубиса; составлять напитокъ, микстуру или мазь изъ травъ, ладана, хлѣба, зерна, смоченныхъ кровью самого больного, или смѣ-

шанныхъ съ кусочками трупa ¹⁾). Иногда упоминается фигурка ²⁾): она, повидимому, сдѣлана по образу того, для кого предназначено заклинаніе, и формула, произнесенная надъ фигуркой, наслетъ на изображеннаго сны любовные или грозные, усыпитъ его или лишитъ сна, дастъ ему здоровье или смерть, внушитъ ему любовь или ненависть.

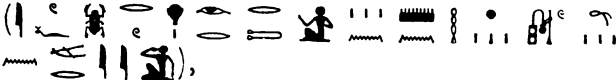
Такія формулы предполагаютъ примѣненіе колдовства; въ нихъ упоминаются иногда фигурки, которымъ непосредственно наносится поврежденіе заклинателемъ. Дѣйствительно, намъ извѣстны опредѣленные случаи порчи, направленной на боговъ и людей. Въ папирусь Несіамсу содержится заклинаніе, имѣющее цѣлью помочь богу Ра въ его ежедневной борьбѣ съ Апофисомъ, духомъ зла. Лѣпили восковую статуэтку имени Апофиса въ образѣ крокодила. Имя бога было написано зелеными чернилами на этой статуэткѣ, завернутой въ папирусъ, на которомъ тоже

1) G. Maspero, *Mémoire sur quelques papyrus du Louvre*, стр. 155 и слѣд. Мы находимъ тамъ нѣсколько „главъ о насыланіи сновъ“; сл. *Tabellae devotionis*, найденныя въ Гадруметѣ, гдѣ заклинанія, изданныя въ Римскую эпоху, почти цѣликомъ заимствованы изъ магическаго ритуала Египтянъ (G. Maspero, *Études de Mythologie*, II, стр. 196 sgg).

2) *Papyrus du Louvre*, стр. 117, 118, 120.

былъ нарисованъ силуэтъ Апофиса. На стату-
ЕВЛИОТЕЛ
Г. БИРИСЪ К.
ПАРТКЛУБА
 бросали на землю; тогда жрецъ наступалъ на
 ее несколько разъ лѣвой ногой и сжигалъ
 на кострѣ изъ растеній, обладающихъ маги-
 ческими свойствами. Нужно было повторять
 обрядъ три раза въ день (вѣроятно, какъ
 дополненіе обычнаго культа) и каждый разъ,
 когда происходила гроза, знакъ опасности для
 небесныхъ божествъ ¹⁾).

Въ дѣйствительной жизни очень крупный
 случай порчи, намъ извѣстный, относится ко
 времени Рамзеса III. Одинъ чиновникъ царскаго
 двора былъ всенародно изобличенъ въ слѣ-
 дующемъ преступленіи ²⁾: онъ раздобылъ
 магическія писанія, извлеченныя изъ тайныхъ
 книгъ царя, и ему удалось заколдовать) sih

() придворныхъ; кромѣ того, онъ
 „сдѣлалъ восковыхъ людей и письменныя по-
 ()“

желанія“ т.-е., фигурки, надъ которыми онъ
 читалъ заклинанія, чтобы достигнуть желанной
 цѣли; онъ смогъ, такимъ образомъ, околдовать
 ((hika ou) служанокъ гарема.

¹⁾ Budge, *Egyptian magic*, стр. 77.—Сл. Frazer,
Le Rameau d'or, франц. перев., I, стр. 72.

²⁾ Papyrus Lee, въ *Deveria, Oeuvres*, II, стр. 197.

Эти примѣры колдовства взаимно поясняютъ другъ друга, и нетрудно уловить руководящіе принципы дѣйственной магіи Египтянъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, магъ повелѣваетъ существами, пользуясь, во-первыхъ, ихъ именемъ, во-вторыхъ, изображающими ихъ статуэтками. Эти два способа магическаго воздѣйствія относятся къ категоріи, присущей всѣмъ первобытнымъ народамъ. „Имя собственное, говоритъ Гартландъ, считается неотторжимымъ отъ его обладателя, и дикари часто старательно скрываютъ отъ другихъ свое настоящее имя ¹⁾), довольствуясь обращеніемъ по прозванію или замѣняющему его эпитету ²⁾). Причина этого въ томъ, что знаніе имени лица даетъ власть надъ нимъ; этимъ онъ самъ или, по крайней мѣрѣ, существенная часть его, какъ бы переходитъ въ руки того, кто узналъ его имя ³⁾“. Лефебюръ

¹⁾ Сл. Lefebure, Sphinx, I, стр. 98. Въ одной легендѣ, сохранившейся въ Туринскихъ папирусахъ, Солнце Ра признается: „Имя мое было произнесено отцомъ моимъ и матерью, а потомъ укрыто у меня на груди, тѣмъ, кто меня породилъ, чтобы не дать надо мной власти колдуну“.

²⁾ Это то, что Египтяне называли „благое имя“ (Lefebure, Sphinx, I, стр. 97 и слѣд).

³⁾ Это происходитъ съ Ра, едва Изиды, въ выше-приведенной легендѣ, вызвала имя изъ тѣла его (сл. Surpa, стр. 227).

въ своихъ, столь убѣдительныхъ мемуарахъ о „значеніи имени у Египтянъ“, доказалъ, что эти общія положенія цѣликомъ приложимы къ Египту. Отсюда стараніе маговъ подчеркнуть при чтеніи волшебныхъ формулъ истинное имя бога, котораго они призываютъ, имя многообразное или устрашительное по формѣ, рассчитанная гармоничность котораго оказываетъ реальное воздѣйствіе на призываемаго. „На самомъ дѣлѣ имя лица или предмета не есть алгебраическій знакъ, а видимый обликъ, въ силу чего оно, до нѣкоторой степени, сливается со своимъ объектомъ; оно становится самымъ предметомъ, менѣе вещественнымъ и болѣе послушнымъ, т. е. подверженнымъ воздѣйствію мысли; или, короче, это умственный замѣститель“. Произнесеніе имени равносильно созданію умственного образа; писать имя, значитъ рисовать его вещественное изображеніе. Это особенно вѣрно по отношенію къ Египту, гдѣ гіероглифическое начертаніе сопровождаетъ имена опредѣлителемъ, который какъ можно точнѣе старается передать очертанія предмета или существа. Призывъ по имени, такимъ образомъ, равносильенъ „обряду колдовства, гдѣ магъ лѣпитъ фигурку человѣка, называетъ его по имени и пронзаетъ его иглами или шипами, или сжигаетъ съ цѣлью

навлечь страданіе и, наконецъ, смерть изображеннаго лица“ ¹⁾). Скажемъ, въ заключеніе, что магическое воздѣйствіе на разстояніи, въ Египтѣ, какъ и повсюду, основано на „подражательной магіи“ и производится съ помощью именъ и фигуръ существъ и предметовъ.

* * *

Помимо употребленія амулетовъ, талисмановъ, формулъ, гороскоповъ для предотвращенія бѣдствій, помимо заговоровъ и заклинаній для господства на разстояніи, магическіе приемы были большимъ подспорьемъ даже для религіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ Египетскомъ культѣ. Культъ боговъ и мертвыхъ былъ до того проникнутъ магіей, что нужно было бы очень подробное изслѣдованіе—очень трудное и въ данномъ случаѣ неумѣстное—чтобы разграничить, гдѣ лишь моленіе и жертвоприношеніе богу, и гдѣ колдовство и магическая хула. Правда, жрецъ расprostирается передъ богомъ, молится ему, ходатайствуетъ передъ нимъ, но въ тоже время онъ защищаетъ бога отъ его враговъ, спасаетъ его отъ озирійской смерти, охраняетъ его безопасность способами, присущими только чистой магіи. Богъ получаетъ изъ рукъ жреца

¹⁾ Hartland, y Lefèbure, loc. cit.

токъ жизни, какъ больной или одержимый; онъ отгоняетъ отъ него животныхъ Тифона, такъ, какъ это дѣлалъ бы любой человѣкъ; онъ пользуется благами жертвоприношеній и даровъ, благодаря магическимъ свойствамъ голоса жреца, совершающаго богослуженіе ¹⁾. Списки приношеній, которыми испещрены стѣны храмовъ, получаютъ дѣйствительную силу и переносятся на алтарь только по голосу жреца ²⁾; реальныя жертвоприношенія, пылающія на алтарѣ, переходятъ къ богу, только будучи поименованы и отданы ему съ ритуальными формулами и напѣвами. Жрецъ, т.-е., самъ царь обладаетъ свойствомъ божествъ, создавать существа и вещи, называя ихъ по именамъ, „творческимъ голосомъ“, какимъ творцы мірозданія создали вселенную; это *mâ khrôou* ³⁾. Самъ богъ,

¹⁾ Теорія творческаго голоса и звука изложена Масперо (*Études de Mythologie*, II, стр. 372). — Сл. А. Moret, *Rituel du culte divin*, стр. 154 и слѣд.

²⁾ Отсюда названіе приношенія „то, что исходитъ отъ голоса—*pir khrôou*“. (Maspero, *La Table d'offrandes des Tombeaux égyptiens*, стр. 30; Moret, *Rituel du culte divin*, стр. 156).

³⁾ *Mâ khrôou*, „правильный голосомъ“ по Масперо, „творецъ голосомъ“ по-моему; эти оба толкованія скорѣе взаимно дополняются, чѣмъ противорѣчатъ другъ другу. (*Rituel*, стр. 163). Philippe Virey

чье могущество уничтожено или ослаблено въ началѣ обрядовъ, вновь становится „творцомъ“ и „побѣдителемъ“ отъ соприкосновенія съ жрецомъ, отъ звука этого могущественнаго, творческаго голоса. Въ свою очередь, онъ предоставляетъ въ распоряженіе жреца свою собственную магическую силу, свой флюидъ жизни, едва лишь они обновятся въ немъ самомъ. Итакъ, культъ представляетъ собою обмѣнъ магическихъ силъ и вліяній, которыя поочередно передаются отъ жреца къ богу и отъ бога къ жрецу ¹⁾. Эта сторона Египетской религіи ближе всего подходитъ къ первобытнымъ религіямъ, гдѣ колдовству и магіи отведено больше мѣста, чѣмъ мифологическому элементу и молитвѣ. Магъ извлекаетъ изъ такого положенія несравненную власть: онъ

первый, въ 1889 году, предложилъ переводъ *M â k h g ô o u* „тотъ, который осуществляетъ слова, который осуществляетъ говоря, чей голосъ или просьба осуществляетъ, дѣлаетъ истиннымъ, заставляетъ быть истинно, дѣйствительно“ списокъ приношеній, которыя существуютъ лишь въ рисункахъ на стѣнахъ гробницъ. (*Le Tombeau de Rekhmagâ*, стр. 101, п. 7; стр. 149, п. 2—Сл. *Rituel*, стр. 152, п. 2). По-моему, сила голоса не ограничивается пресуществленіемъ приношеній жрецомъ, а относится и ко всѣмъ дѣйствіямъ богатворца.

¹⁾ А. Moret, *Rituel du culte divin*, стр. 221 и слѣд.; *Du caractère religieux de la royauté pharaonique*, стр. 160.

иногда грозитъ пресѣченіемъ всякаго культа боговъ, такъ необходимо было жрецамъ содѣйствіе его обрядовъ и формулъ¹⁾.

Это взаимное проникновеніе религіи и магіи объясняетъ преобладающую роль нѣкоторыхъ боговъ, какъ, напр., Тота, Гора, Бэса, въ вышеприведенныхъ заклинаніяхъ. Сами боги, какъ мы видѣли,—маги; въ частности, Тотъ писецъ боговъ, „ученый“ неба, почитался „владыкой голоса, властелиномъ словъ и книгъ, обладателемъ или изобрѣтателемъ магическихъ писаній, передъ которыми ничто не устоитъ на небѣ, на землѣ и въ Гадесѣ²⁾“. Заклинанія, которыя читаютъ маги, суть „книги Тота, писанныя собственной его рукой“. И нѣтъ ничего страннаго, если къ культу этихъ боговъ примѣнили ихъ же собственныя спасительныя средства, обряды, первыми изобрѣтателями которыхъ были они сами. То, что дѣйствительно въ культѣ боговъ, дѣйствительно и въ культѣ мертвыхъ. Передача муміи тока жизни, охрана отъ Тифоновыхъ животныхъ, приношенія даровъ реальныхъ или фиктивныхъ—все это требовало для мертваго, какъ и для бога, примѣненія магіи. Обычай погребальныхъ статуэтокъ (*oush-aïbtiou* — „отвѣтствующие“), окружающихъ

¹⁾ Lefebure, Sphinx, X, стр. 91, и VIII, стр. 27.

²⁾ G. Maspero, Histoire, I, стр. 145.

мертвого толпой слугъ или, вѣрнѣе, подставныхъ лицъ, на которыхъ возложены труды по матеріальному обезпеченію его послѣ смерти, опять-таки обусловливается только магическими вліяніями, превращающими эти фигуры въ живыхъ существъ на томъ свѣтѣ ¹⁾).

Но съ особенной силой проявляется все могущество магіи въ завоеваніи рая. Мертвый, переступивъ врата ада, предстаетъ передъ судилищемъ Озириса и подвергается допросу, но знаніе спасительныхъ формулъ и именъ стражей обезпечиваетъ ему побѣду надъ адскими богами ²⁾). Чистъ онъ или не чистъ на самомъ дѣлѣ, до этого нѣтъ дѣла; достаточно мертвому обладать даромъ творческаго голоса, застаться охранительными талисманами и выполнять дѣйствительные обряды—и онъ можетъ быть увѣренъ, что озирійскіе судьи признаютъ его добрымъ. „Проходи, ты чистъ“, скажутъ ему. И опытному магу скорѣе откроется доступъ въ рай, чѣмъ человѣку, который богатъ одной лишь добродѣтелью. Магія замѣняетъ честность и обманываетъ боговъ такъ же, какъ и людей.

Здѣсь мы коснемся одного изъ важнѣйшихъ послѣдствій проникновенія магіи въ культъ боговъ и мертвыхъ: магія придаетъ амораль-

¹⁾ G. Maspero, Histoire, I, стр. 193.

²⁾ G. Maspero, Histoire, I, стр. 184 и слѣд.

ный характеръ этой Египетской религіи, которая такъ громко возглашаетъ культъ правды и справедливости; искренности она противопоставляетъ ложь и дѣлаетъ безнаказанными злыхъ и нечистыхъ, умѣющихъ связать боговъ своими чарами.

* * *

И народная литература нисколько не обманываетъ, знакомя насъ съ важной ролью которую играли маги въ Египетскомъ обществѣ; они даютъ жизнь и смерть, вызываютъ прошлое, удерживаютъ настоящее, обеспечиваютъ будущее; имъ повинуются вся природа, и если только они пожелаютъ, весь міръ перевернется (сл. стр. 258). Вотъ, что говорилось о формулахъ книги Тота: „Если ты прочитаешь первое изъ этихъ изреченій, ты заморозишь небо, землю, царство ночи, горы, воды; ты поймешь языкъ птицъ и гадовъ; ты увидишь рыбъ бездны, ибо божественная сила заставитъ ихъ всплыть на поверхность воды. Если ты прочтешь второе изреченіе, будь ты даже въ могилѣ, ты снова обрѣтешь свою земную форму ¹⁾“.

Итакъ, чудеса, самыя сверхъестественныя, для мага лишь дѣтская игра: раздѣлить на-

¹⁾ Maspero, Les contes populaires, стр. XLVII, 108, 113.

двое воды рѣки¹⁾), отрубить человѣку голову и снова приставить ее, не причинивъ ему никакого вреда²⁾), оживлять восковыя фигурки разсвирѣпѣвшаго крокодила³⁾), рыбы⁴⁾), лодки и ея гребцовъ⁵⁾), становиться невидимкой⁶⁾), прочитать запечатанное письмо, не вскрывая его⁷⁾)—все это умѣли продѣлывать Египетскіе ученые, по крайней мѣрѣ, въ сказкахъ. И повидимому, нѣкоторые, реально существовавшіе, люди обладали даромъ внушенія и угадыванія, который ставитъ ихъ внѣ и надъ человѣчествомъ; таковъ Аменофисъ сынъ Гапи, которому въ царствованіи Аменофиса III поклонялись при жизни его и который до послѣднихъ лѣтъ существованія Египта пользовался славой непобѣдимаго мага⁸⁾).

Къ Фараону стекались знаменитѣйшіе маги, „писцы двойного чертога бытія“, на совѣты царя, содѣйствуя своими заклинаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась надобность въ ихъ помощи въ божественныхъ и людскихъ

1) Ibid., стр. 30.

2) Ibid., стр. 34.

3) Ibid., стр. 25.

4) Ibid., стр. 28.

5) Ibid., стр. 111.

6) Ibid., стр. 153.

7) Ibid., стр. 139.

8) Maspero, Histoire, II, стр. 448.

дѣлахъ. Они то забавляютъ царя фокусами ¹⁾, то помогаютъ союзному монарху ²⁾, то иноземный магъ является ко двору бросить вызовъ писцамъ Фараона ³⁾: тогда происходитъ одно изъ тѣхъ состязаній, о которыхъ говоритъ намъ книга Исхода ⁴⁾.

Тутъ кстати будетъ задать себѣ вопросъ, какъ становился человѣкъ магомъ на практикѣ? Давалось ли искусство пользованія талисманами и формулами откровеніемъ свыше? Переходило ли оно отъ другого мага путемъ посвященія? Тексты, извѣстные намъ до сихъ поръ, сводятъ все магическое могущество къ знанію и обладанію формулами; возможно, однакоже, что въ Египтѣ, какъ и повсюду, это знаніе должно было сливаться съ состояніемъ исключительной благодати, полученной черезъ откровеніе или посвященіе. До сихъ поръ у насъ нѣтъ достаточнаго количества документовъ или, можетъ-быть, ихъ пониманія, чтобы знать, благодаря чему или кому магъ становился посвященнымъ; съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что сила

¹⁾ Conte du roi Khoufoui et des magiciens (Maspero, Contes, стр. 23).

²⁾ Conte de la fille du prince de Bakhtan, стр. 16.

³⁾ 2-е Conte de Satui Khamoïs, стр. 131.

⁴⁾ Исходъ, гл. VII.

мага должна была проявляться какимъ-нибудь матеріальнымъ знакомъ. Въ Австраліи, напр., таковымъ является вещество, сливающее волшебнымъ, именно горный хрусталь; кусочекъ его якобы проглатываетъ магъ при своемъ посвященіи; иногда это кость мертвеца, которой онъ вооружается. По текстамъ Пирамидъ мы знаемъ, что магія (*hikaou*) въ человѣкѣ является матеріальнымъ веществомъ, которое съѣдается или усваивается какъ-нибудь иначе; присутствіе его въ тѣлѣ такъ же необходимо богамъ, мертвымъ, всѣмъ людямъ, одареннымъ магической силой, какъ куски хрусталя для австралійскихъ колдуновъ ¹⁾).

Впрочемъ, волшебная наука и вытекающій изъ нея даръ предвидѣнія приобрѣтаются только цѣной долгаго труда и образцовой жизни. Магъ долженъ былъ избѣгать тѣлесныхъ искушеній; ритуальная чистоплотность ²⁾

¹⁾ Сл. убѣдительный очеркъ Маусса, *L'origine des pouvoirs magiques dans les sociétés australiennes*, 1904. Для текстовъ пирамидъ см. Ounas, 506, 518. Сл. Lefébure, *Sphinx*, VIII, стр. 29.

²⁾ Вотъ какъ опредѣляется чистота текстомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ разсказа объ уничиженіи людей: „Тотъ, кто произноситъ эти слова, долженъ умастить себя бальзамомъ и тонкимъ елеемъ. Въ рукахъ у него должна быть кадильница и благовонныя вещества за обоими ушами. Его губы должны быть очищены натрономъ. Онъ одѣтъ въ два новыхъ

и цѣломудріе ¹⁾ были однимъ изъ условій его силы. Поэтому онъ жилъ внѣ человѣчества, погруженный въ созерцаніе, весь проникнутый формулами, дающими верховную власть. Таковъ герой народныхъ сказокъ, обладатель всемогущей силы магіи: онъ „переставалъ видѣть и слышать, такъ поглощало его чтеніе этой главы, чистой и святой; онъ не касался больше женщинъ, не ѣлъ больше ни мяса, ни рыбы“; другой „только тѣмъ и занимался, что развертывалъ свертокъ магическихъ формулъ и читалъ его передъ кѣмъ ни попало ²⁾“.

Окруженный этими ясновидцами, самъ Фараонъ, по интуиціи, владѣетъ одушевляющей ихъ наукой. Сынъ боговъ, одаренный сверхъестественной благодатью, вооруженный магическимъ оружіемъ, увѣнчанный живыми діадемами, въ которыхъ воплощаются богини, съ челомъ, повитымъ змѣемъ, богиней заклинаній ³⁾, царь есть первый и могущественнѣйшій изъ маговъ. По своему желанію онъ по-

облаченія, обуть въ деревянные башмаки. Образъ Маитъ написанъ свѣжей краской на его языкѣ. Самъ Тотъ, когда онъ хочетъ читать эту книгу Ра, подвергаетъ себя девятидневному очищенію. Жрецы и люди должны дѣлать то же“.

1) G. Maspero, Contes, стр. 102.

2) G. Maspero, Contes, стр. 120.

3) A. Moret, Du caractère religieux de la royauté pharaonique, стр. 284 и слѣд.

велѣваетъ природой: крикъ его, грому подобный, вызываетъ грозу; по его приказу можетъ забить ключъ въ пустынь; его слову повинуется Нильскій разливъ. Такимъ образомъ, мы видимъ Фараона одареннымъ тѣми же сверхъестественными, магическими силами, какъ нѣкій „царь времени, жатвы, дождя, огня и воды“, существующій въ наши дни у дикарей ¹⁾. Не даромъ одинъ офиціальныи текстъ XVIII династіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ восхваляетъ царя Ахмеса: „Всѣ ужасы Тота передъ нимъ; ибо богъ далъ ему познаніе вещей; это онъ руководитъ писцами въ ихъ ученіяхъ, онъ Великій Магъ, Владыка чаръ ²⁾“. Подлѣ царя неисчерпаемый родникъ „флюида жизни“ и „магической силы“; дѣломъ „ученыхъ“, окружающихъ царя, было управлять ихъ токами.

* * *

Выводъ, который можно сдѣлать изъ этого краткаго обзора тотъ, что, на ряду съ очень развитой цивилизаціей, древній Египетъ, по умственному своему уровню, приближается иногда къ состоянію дикихъ племенъ. Магъ у нихъ всемогущъ, ибо это человѣкъ, который учится, кото-

¹⁾ Frazer, *Le gameau d'or*, I, стр. 146, 167. Сл. *Sphinx*, VII, стр. 167.

²⁾ *Inscription du roi Ahmès (Annales du Service des Antiquités*, IV, стр. 28).

рый наблюдаетъ и знаетъ. Ему извѣстны нѣкоторые законы, какъ, на примѣръ, законъ причины и слѣдствія; онъ наблюдаетъ нѣкоторыя явленія, кажушіяся чудесными, которыя мы объясняемъ теперь магнетизмомъ, внушеніемъ, телепатіей. Наука магическая, слѣдовательно, была основана частью на точныхъ данныхъ. Вся ошибка мага въ томъ, что онъ задается цѣлью управлять этими законами и явленіями не только въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюденныя явленія точно повторяются въ одинаковыхъ условіяхъ, но еще и тамъ, гдѣ существуетъ лишь отдаленное сходство, гдѣ можно допустить не болѣе чѣмъ сродство и подражаніе: тогда „наука“ мага превращается въ „магію“, и лабораторный опытъ становится средствомъ подражательной или симпатической магіи. Когда древній магъ предается точнымъ наблюденіямъ, въ немъ слѣдуетъ видѣть физика, химика, астронома, медика, психолога первобытныхъ временъ; когда же онъ выходитъ изъ области точныхъ опытовъ, онъ колдунъ и некромантъ. Принимая во вниманіе очень основательную недостаточность научнаго метода въ древнемъ Египтѣ, понятно, что доля колдуна въ этомъ ученомъ несравненно больше, чѣмъ физика или медика. Отсюда, для подкрѣпленія своего авторитета, магъ прибѣгаетъ къ міеологіи; онъ заявляетъ себя

стоящимъ подъ покровительствомъ боговъ и, за недостаткомъ убѣдительнаго опыта изъ реальной жизни, онъ приводитъ божественныя легенды—все факты или доказательства, которыя, безъ провѣрки, принимаются народными вѣрованіями. Примѣняя къ Египту заключительныя слова Фразера, можно сказать, что „магія обладаетъ только видимостью науки. Но этого достаточно, чтобы объяснить всю ту притягательность, которую магія, какъ наука, во всѣ времена оказывала на душу человѣка. И понынѣ еще утомленный, утратившій мужество изслѣдователь указываетъ на нее, какъ на высокое мѣсто, откуда издали развертывается будущее въ блистающемъ свѣтѣ сновидѣнія“.

Т А Б Л И Ц Ы.

- I. Карнакъ. Гипостиль. Наклонившаяся колонна.
- II. Карнакъ. 1. Обрушившіеся пилоны.—2. Западная сторона гипостилья въ 1904 году.
- III. Карнакъ. 1. Видъ послѣ землетрясенія 1899 г.—2. Разборка колонны.
- IV. Карнакъ. 1. Наклонная насыпь для разборки колоннъ.—2. Древнія насыпи, служившія лѣсами при постройкѣ.
- V. 1. Доисторическая керамика.—2. Сосудъ въ формѣ женщины.—3. Сосудъ съ человѣческимъ лицомъ.—4. Сосудъ въ формѣ птицы.
- VI. Зауэйтъ-эль-Аріанъ. 1. Скатъ для спуска.—2. Гранитный чанъ.
- VII. Архаическія пирамиды. 1. Саккара. Ступенчатая пирамида Зесера.—2. Меидумъ. Пирамида Снофруи.
- VIII. Гизехъ. 1. Сфинксъ и пирамида Хефрена.—2. Храмъ Сфинкса.
- IX. Гизехъ. Большія пирамиды IV династіи. Саккара. Пирамида Унаса, храмъ и могила.
- X. Гизехъ. Пирамиды Хеопса и Хефрена (сѣверная сторона).
- XI. Внутри Большой пирамиды. 1. Изслѣдованіе кладовыхъ надъ склепомъ.—2. Большая восходящая галлерей.

XII. Гизехъ. 1. Западная сторона Большой пирамиды — 2. Астаба съ двумя входами.

Апететепъ. Саккары. 1. Стоячія плиты, глухая дверь, бюстъ и статуи.—2. Глухая дверь и статуя ввѣдѣна

Саккары. Барельефъ въ одномъ изъ погребальныхъ покоевъ (Птагетепъ).

XV. Гробище Птанефера. Изображеніе похоронъ.

XVI. Судъ надъ мертвыми (съ папируса).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I.	
Реставрація Египетскихъ храмовъ	7
II.	
Дипломатія Фараоновъ	60
III.	
Египетъ до Пирамидъ	102
IV.	
Вокругъ Пирамидъ	174
V.	
Книга Мертвыхъ	227
VI.	
Магія въ Древнемъ Египтѣ	276